

А. Е. Гребенщиков

«ОТЕЧЕСТВУ ОН БЫЛ ЩИТОМ...»

Александр Семенович
Шишков – главный ритор
войны 1812 г.

А. Е. Гребенщиков

«ОТЕЧЕСТВУ ОН БЫЛ ЩИТОМ...»

Александр Семенович

Шишков – главный ритор войны 1812 г.

Монография представляет собой первое комплексное научное исследование биографии адмирала Александра Семеновича Шишкова (1754–1841) — государственного деятеля, автора правительственных манифестов периода Отечественной войны 1812 г., литератора пушкинской поры, языковеда, мемуариста. Анализ широкого круга источников, в том числе ранее неиспользовавшихся, позволил автору книги по-новому взглянуть на мировоззренческие установки А.С. Шишкова, отойти от прежних стереотипов и историографических мифов. В исследовании максимально подробно рассмотрен генезис общественно-политических взглядов адмирала. Показана его ведущая роль в патриотических кругах первой четверти XIX в. Обстоятельно и правдиво отражены основные направления его деятельности в центральных органах власти: Государственном совете и Министерстве народного просвещения.

НАУКА

— 1727 —

ISBN 978-5-02-040938-5

9 785020 409385

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

КОНКУРС
ТРУДОВ МОЛОДЫХ
УЧЕНЫХ-ИСТОРИКОВ

А. Е. Гребенщиков

«ОТЕЧЕСТВУ ОН БЫЛ ЩИТОМ...»

Александр Семенович
Шишков — главный ритор
войны 1812 г.

Новосибирск
«Наука»
2023

УДК 94(47)+323
ББК 63.3(2)51+63.3(2)52+66.3
Г79

Рецензенты

доктор исторических наук *А.Ю. Минаков*
доктор исторических наук *А.А. Иванов*

Гребенщиков А.Е. «Отечеству он был щитом...» Александр Семенович Шишков — главный ритор войны 1812 г. — Новосибирск: Наука, 2023. — 232 с.
ISBN 978-5-02-041061-9

Монография представляет собой первое комплексное научное исследование биографии адмирала Александра Семеновича Шишкова (1754–1841) — государственного деятеля, автора правительственных манифестов периода Отечественной войны 1812 г., литератора пушкинской поры, языковеда, мемуариста. Анализ широкого круга источников, в том числе ранее не использовавшихся, позволил автору книги по-новому взглянуть на мировоззренческие установки А.С. Шишкова, отойти от прежних стереотипов и историографических мифов. В исследовании максимально подробно рассмотрен генезис общественно-политических взглядов адмирала. Показана его ведущая роль в патриотических кругах первой четверти XIX в. Обстоятельно и правдиво отражены основные направления его деятельности в центральных органах власти — Государственном совете и Министерстве народного просвещения.

Книга рассчитана на исследователей русской истории и отечественной общественно-политической мысли, а также на широкий круг читателей, интересующихся личностью одного из главных представителей раннего русского консерватизма, первого славынофила А.С. Шишкова.

*Разработка и размещение оригинал-макетов
выполнено в рамках государственного задания № 075-01611-23-00
по теме «Научно-методическое обеспечение отбора и подготовки
информационно-аналитических материалов
по монографиям молодых историков»*

ISBN 978-5-02-041061-9

© Гребенщиков А.Е., 2023
© Издательство «Наука», редакционно-издательское оформление, 2023

*Памяти
Полянской Тамары Ивановны*

ВВЕДЕНИЕ

Адмирал Александр Семенович Шишков (1754–1841) был видным государственным деятелем Российской империи. О его политическом влиянии свидетельствуют занимаемые им должности: государственный секретарь Александра I (1812–1814), член Государственного совета (1814–1841), министр народного просвещения и главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий (1824–1828), президент Российской императорской академии (1813–1841).

Велика историческая роль А.С. Шишкова. В начале XIX в. он с небольшой группой писателей бросил вызов идеологическому влиянию революционной Франции в России. Критикой французской словесности как источника революционных идей, обличением преклонения русского дворянства перед французами и защитой русского языка от иностранных заимствований адмирал заслужил себе славу выдающегося русского патриота. Накануне «грозы двенадцатого года» он консолидировал значительную часть отечественной элиты вокруг созданного им литературного общества «Беседа любителей русского слова». Манифесты, указы, другие документы, составленные государственным секретарем А.С. Шишковым для Александра I в период наполеоновского нашествия, в немалой степени способствовали росту патриотических настроений и укреплению сословного единства. Впоследствии его мнение являлось определяющим в вопросах законодательства, образования и цензуры печати. В условиях религиозного плюрализма царствования Александра I, распростране-

ния сект и масонства адмирал первым встал на защиту русского православия.

Историография. Несмотря на все заслуги А.С. Шишкова, представители либеральной и советской историографии превратили его в символ обскурантизма и культурного регресса. Они не могли простить ему враждебность к идеям свободы и равенства, восхваление отечественных традиций, критику некоторых тенденций в западной культуре эпохи Просвещения. Зато стремление адмирала оградить страну от потрясений положительно восприняли последующие поколения консерваторов, патриотов, славянофилов. Актуальностью его идейного наследия во многом определяется и данное исследование.

Первые работы о Шишкове начали появляться в 50-е годы XIX столетия. В центре внимания авторов была его критика лингвистических заимствований, вводимых в русскую речь сторонниками творчества Н.М. Карамзина (в рамках дискуссии о языке). В 1851 г., на десятую годовщину со дня смерти адмирала-литератора, беллетрист П.П. Сухонин от лица Министерства народного просвещения высказал в его адрес слова признательности: «Полные истинного сочувствия к своей народной славе, мы от души благодарим того, кто до последней минуты своей долголетней жизни, со всем увлечением, со всем жаром юности стоял за Русскую народность в Русском слове»¹.

Приверженность Шишкова литературным традициям старины отрицательно воспринималась некоторыми дореволюционными интеллектуалами. По мнению В.Г. Белинского, произведения адмирала лишены всякой новизны, а сам он «оставался одним и тем же, как египетская пирамида, безмолвным и бездушным свидетелем тысячелетий, пролетевших мимо него»². А.Д. Галахов приписывал Шишкову непонимание сути писательского новаторства Н.М. Карамзина: «...Шишков совершенно упустил из виду сущность реформы. <...> Литературная речь Карамзина отличалась не примесью к ней иностранных слов и фраз, а особым строем, сравнительно с господствовавшим до нее слогом»³. Литературовед Я.К. Грот вменял адмиралу-литератору «ограниченность, безвкусию, недостаток основательной учености и добросовестной критики»⁴. Н.Н. Булич увязывал позицию Шишкова-писателя с политической реакци-

ей и называл его представителем «отсталой партии», «педантом-славянофилом», «гасильником просвещения», «инквизитором», «ненавистником новых явлений жизни»⁵. В то же время филолог И.В. Ягич отмечал правоту адмирала в «бичевании современников за подражание внешнему лоску западной культуры»⁶.

В рамках дореволюционной историографии стоит отдельно отметить работы литературоведа, этнографа, академика А.Н. Пыпина⁷, двоюродного брата революционера Н.Г. Чернышевского. В них ученый, пожалуй, впервые причислил Шишкова к консервативному лагерю отечественной элиты. Тем самым он положил начало доктринальному размежеванию общественно-политических течений в России первой четверти XIX в. Пыпин добротнo, хотя и односторонне, осветил роль Шишкова как ревнителя православия, выступавшего против экуменической деятельности Библейского общества в середине 1820-х гг. Обвинение адмиралом директора этого общества И.Е. Госснера в революционности исследователь считал беспочвенным, а религиозные противоречия того времени — лишь фактором борьбы за власть между обскурантистскими группами бюрократии.

Как проявление вражды к просвещению, к свободе слова, мысли и совести рассматривал деятельность адмирала на посту министра народного просвещения П.К. Щербальский. Согласно его статье, помещенной в «Русском вестнике», Шишков-министр являл собой креатуру «мракобеса» М.Л. Магницкого⁸.

Первая биография адмирала была создана в 1870-е гг. публицистом В.Я. Стоюниным⁹, который обобщил имевшиеся на тот момент неполные сведения о Шишкове. При всей значимости этого труда в своих оценках автор не выходил за рамки навязанных либеральной историографией клише. Положительным моментом можно назвать указание В.Я. Стоюнина на роль адмирала в зарождении националистической идеологии в России: «Как бы удивился Шишков, если бы ему кто-нибудь сказал, что он сам поддается духу времени, увлекаясь новейшей идеей, которая явилась уже позже революции и стала бродить в европейских умах — это идея национальности, о которой прежде никто не рассуждал. Нападая на всякое новомыслие и проповедуя о необходимости образованным классам обратиться к национальной жизни, Шишков и не подозревал, что он заодно с теми, которых он со злобою называл револю-

ционерами, возмутителями, развратниками, злодеями», — отмечал биограф¹⁰.

Впоследствии разные аспекты биографии адмирала уточнялись, рассматривались в тематических исследованиях, накапливался фактический материал. Его деятельность на посту президента Российской императорской академии, взгляды на систему образования освещал русский филолог и литературовед М.И. Сухомлинов¹¹. В отличие от большинства дореволюционных исследователей, он высоко оценивал лингвистические познания адмирала: «Зная несколько иностранных языков, перечитав много старинных русских книг, будучи знаком с языком народа и с произведениями устной словесности, Шишков имел в своем распоряжении такой запас сведений, которым могли похвастаться немногие из тогдашних писателей», — полагал ученый¹². Этимологические ошибки адмирала он объяснял невысоким уровнем развития языкознания в то время.

По мнению же русского филолога-слависта, профессора А.А. Кочубинского, научная деятельность Шишкова «тормозила» развитие славистики, а Российская академия под его руководством отстаивала ложные теории XVIII в., «эпохи забавного этимологического сравнения языков целого мира»¹³. Среди лингвистических заблуждений адмирала он отмечал следующие: «Для Шишкова церковнославянский язык — то только высший слог русского языка, с некоторою долею старины, то “коренной язык наш”, то источник всех других»¹⁴. По словам исследователя, вся его этимология представляла собой произвольное вычленение корней слов в духе «широко из ширь око, ночь из нет очи»¹⁵.

Член-сотрудник Русского географического общества П.О. Бобровский связывал с деятельностью Шишкова-министра постепенный переход малороссийского и белорусского греко-католического населения в православие: «Он был первым из государственных людей в России, который на греко-униатов взглянул как на людей русских, на исповедуемую ими веру — как на веру греко-восточную», — отмечал ученый¹⁶.

Противодействие А.С. Шишкова западным религиозным веяниям положительно освещалось церковными историками П.В. Знаменским¹⁷, И.А. Чистовичем¹⁸. При этом они негативно оценивали неприязнь адмирала к переводу Священного Писания с церковно-

славянского на русский язык. На его кратковременную принадлежность к масонству впервые указала Т.О. Соколовская¹⁹.

Деятельность Шишкова в сфере просвещения затрагивалась в монументальных тематических исследованиях²⁰. Она рассматривалась в контексте укрепления сословных, профессиональных, государственных и национально-православных начал в образовании. С.А. Князьков и Н.И. Сербов обозначили политику Шишкова-министра как начало «эпохи национально-православной реакции»²¹. П.Ф. Каптерев отнес ее к «государственному периоду» развития педагогического дела в России, который был начат преобразованиями Петра I и завершен отменой крепостного права Александром II²².

Консерватизм адмирала в крестьянском вопросе осуждал крупный исследователь крепостного права В.И. Семевский²³. Политику Шишкова в сфере цензуры печати критиковал А.М. Скабичевский²⁴. Согласно его мнению, она продолжала традиции XVIII в., когда острие цензуры было нацелено на борьбу с энциклопедистами, преследование новых естественно-научных открытий и теорий. «Чугунный» цензурный устав А.С. Шишкова был объектом жестких обвинений Н.А. Энгельгардта²⁵. Столетний юбилей Отечественной войны 1812 г. пробудил исследовательский интерес к патриотической риторике манифестов адмирала²⁶.

События, последовавшие за Октябрьским переворотом 1917 г., сделали невозможным развитие консервативной идеологии в России: работы Шишкова не переиздавались, его роль в российской истории была сведена к защите привилегий феодального класса. Адмиралу предъявлялись счета за укрепление дворянской империи, самодержавия и крепостничества²⁷. Вслед за либералами марксисты обвиняли его в ненависти к свободе, новизне, прогрессу, а также в защите «феодальной и церковной идеологии»²⁸. Исследователь общественно-политической жизни в царствование Александра I А.В. Предтеченский рассматривал Шишкова как наиболее реакционного деятеля того времени²⁹.

Тем не менее советские литературоведы не обошли вниманием влияние адмирала на его современников. Сходство литературной программы Шишкова с творчеством «младших архаистов» П.А. Катенина, В.К. Кюхельбекера, А.С. Грибоедова и зрелого А.С. Пушкина рассмотрел Ю.Н. Тынянов³⁰. Н.И. Мордовченко выделил общие

черты теории «архаистов»: преодоление «сентиментальной манерности и чувствительности» карамзинистов, установление близкого родства между семантическим строем старославянского и простонародного языков, утверждение в литературе «славянизмов» и высоких жанров³¹.

Пушкинист Б.С. Мейлах утверждал, что взгляды Шишкова и Н.М. Карамзина были «классово ограниченными», не соответствовали задачам «создания для различных слоев общества единого языка на широкой национальной основе»³². Патриоты шишковского круга, по эмоциональным оценкам филолога-марксиста, являлись «губителями русского слова». Адмирал объявлялся противником «передовой культуры Запада», «идеологом варварства», демагогом и лицемером³³.

Накануне и в годы перестройки А.С. Шишков уже воспринимался как противник устройства страны по западным лекалам. В исследованиях Ю.З. Янковского³⁴ и Н.И. Цимбаева³⁵ его идеи освещались в контексте зарождения и развития славянофильского течения общественной мысли. Консерватизм адмирала в вопросах крепостного права и народного представительства во власти не позволял советским ученым рассматривать его как прямого предшественника московских славянофилов середины XIX в. — А.С. Хомякова, И.С. и К.С. Аксаковых, И.В. и П.В. Киреевских, Ю.Ф. Самарина, А.И. Кошелева.

Немаловажную роль в популяризации идей Шишкова сыграли представители тартуской семиотической школы Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский³⁶. Адмирал предстал в их исследованиях деятелем, который пытался на основе утопических представлений о старине строить будущее России. Его обращенность к идеализируемому прошлому, по Лотману и Успенскому, проистекала из ошибочных представлений о происхождении русского языка: «Шишков видел в русском языке результат деградации языка церковнославянского. Соответственно, он заключал, что их отличие отражает разницу между идеальным — по его мнению, коренным, исконным — состоянием российского народа и его нынешним — искаженным и испорченным», — отмечали исследователи³⁷.

Новшеством семиотической школы стала попытка рассмотреть творчество адмирала-литератора в широком контексте развития

европейского романтизма. Оно, по мнению ученых, имело много общего с произведениями французского роялиста, писателя-романтика Ф.-Р. Шатобриана: «Та же национально-романтическая идея, та же враждебность “философскому” XVIII столетию и его порождению — революции, тот же антиисторический “историзм” и стремление возродить национальный характер на основе ортодоксальной (католической или православной) церковности, та же ненависть к рационалистическому пиетизму и его основе — протестантизму, с одной стороны, масонству, с другой. И, наконец, в эстетической области — то же тяготение к эпическим жанрам»³⁸. Отмечая воздействие некоторых идей адмирала на декабристов (например, стремление «славянизировать» русский язык), демократический пафос его сочинений, исследователи оспаривали представление о Шишкове как об аристократе, далеком от народа.

Многие положения тартуской школы развивал исследователь творчества адмирала и близких к нему писателей М.Г. Альтшуллер³⁹. Если национально-культурную и славянофильскую составляющую произведений адмирала ученый освещал положительно, то политический деятель Шишков получил у него нелестную характеристику ярого защитника «патриархальной идиллии», сторонника сохранения существующих порядков во что бы то ни стало.

Современные исследователи не склонны видеть в адмирале заскорузлого ретрограда. По словам И.З. Сермана, «Шишков был проникнут культурой просвещения, был последователем и переводчиком Кампе и Тассо, словом, был человеком своего времени, может быть, не всегда отдавая себе в этом отчет»⁴⁰. Е.Е. Земскова отмечала влияние на него передовых доктрин немецкого романтизма, идущих от И.Г. Гердера⁴¹.

По мнению А.Л. Зорина, «шишковисты» позаимствовали идею национального воспитания с опорой на народные традиции, обряды, празднества, игры и песни у Ж.-Ж. Руссо⁴². К тому же источнику исследователь относил попытки адмирала указать на национальную природу словотворчества, вытеснить из русской речи иностранные слова, заменив их придуманными славянскими эквивалентами. Мысли А.С. Шишкова об упадке русского национального самосознания под влиянием экспансии европейской культуры Зорин считал созвучными идеям «Общественного договора»

Руссо. В трактате говорилось о том, что утрата Россией уникальности, как это уже давно произошло в Европе, делает ее добычей татар.

Т.А. Егерева отмечала влияние европейских бытовых норм на личную жизнь Шишкова: поздний брак с иностранкой после достижения высокого общественного положения, использование в семье французского языка. С такого рода обстоятельствами исследовательница связывала утопичность традиционалистских идей адмирала⁴³. Т.В. Полежаева особое внимание уделила рациональным и светским установкам А.С. Шишкова⁴⁴.

Накопление биографического материала позволило поставить вопрос об идеологической направленности его деятельности. Исследователь работы адмирала в Российской академии М.Ш. Файнштейн видел в нем «одного из главных проводников официальной екатерининской идеи создания государственной национальной культуры, воплотившей в себе все моральные символы самодержавия и православия»⁴⁵. Н.Н. Мазур освещал роль А.С. Шишкова в формировании доктрины «официальной народности» в царствование Николая I⁴⁶.

Переосмысление исторической роли адмирала позволило А.М. Камчатнову заметить в нем пионера и основоположника теоретического словообразования в России⁴⁷. Основные направления университетской политики Шишкова-министра по-новому освещал Ф.А. Петров⁴⁸.

Биографической информативностью отличаются исследования К.Г. Боленко и Е.Э. Ляминой, прежде всего их статья «А.С. Шишков и “Комитет для издания собраний, касающихся до кораблестроения и прочего”»⁴⁹. В ней авторы показали роль Шишкова в научно-техническом развитии вооруженных сил и в улучшении флотского образования⁵⁰. Эпизод мемуаров адмирала о назначении его управляющим канцелярией Черноморского флота К.Г. Боленко ставил под сомнение. Он полагал, что эта должность была ему лишь обещана⁵¹. Особенно стоит отметить вступительную статью исследователей при публикации ими семейной переписки позднего Шишкова⁵². Она проливает свет на отношения адмирала с родственниками, охватывает вопросы генеалогии рода Шишковых и завещания адмирала.

И.В. Меркулов называл Шишкова основоположником «систематической разработки российской морской истории», начинателем отечественной морской журналистики, первым историографом флота⁵³. Представляются справедливыми его сомнения в точности сообщенных адмиралом сведений о своем пребывании в Швеции в 1771 г.⁵⁴ Нельзя не согласиться и с общим выводом исследователя: «Шишков прежде всего был гражданином своего Отечества в самом высоком понимании этих слов, русским по сердцу и уму, душою тех общественных сил, которые стали хотя и почти бессильной, но единственной духовно-нравственной оппозицией охватившему Россию безумию космополитизма»⁵⁵.

Религиозный ренессанс в России начала XIX в. актуализировал тему влияния Шишкова-министра на духовную политику в империи. Эту страницу его биографии затрагивала профессор Казанского университета Е.А. Вишленкова⁵⁶. Во многом она развивала мысли некоторых дореволюционных историков о пагубности вмешательства чиновников, в том числе Шишкова, в дела церкви. Согласно Вишленковой, адмирал отдавал приоритет государственным интересам над церковными, руководствуясь «иосифлянкой» концепцией, которая связывала влияние православной веры в России с силой русской монархии и государственного аппарата. Защиту Шишковым интересов православной церкви исследовательница считала ответом на насаждение в стране протестантизма, утверждавшегося благодаря культурному и экономическому прогрессу.

Оппозиционность адмирала к экуменическому курсу Александра I изучал Ю.Е. Кондаков⁵⁷. Ее основу, по мнению ученого, составляли антизападничество, критика мистицизма, защита православных догм. Исследователь полагал, что в широком историческом контексте деятельность Шишкова являлась продолжением борьбы христианских апологетов с ересями⁵⁸. Существенно расширив фактологическую базу проблемы религиозного противостояния в России первой четверти XIX в., Ю.Е. Кондаков рассмотрел ее как ключевой эпизод во внутренней политике самодержавия.

Тем не менее концепция А.Н. Пыпина о подчиненности роли вопросов веры в борьбе между элитными группами до сих пор популярна. Так, например, Г.В. Бежанидзе ставил под сомнение

религиозность адмирала, отводя ему роль инструмента политической интриги против министра народного просвещения А.Н. Голицына. Знание Шишковым церковнославянского языка он считал поверхностным, а его самого — «типичным представителем екатерининской эпохи. О вере “ревнитель благочестия” имел смутные представления, а свое вольнодумство и рационализм в религиозных вопросах ограничивал лишь патриотическими соображениями»⁵⁹.

Исследователь русской консервативной мысли А.Ю. Минаков рассматривал Шишкова в качестве одного из ее основоположников⁶⁰. Среди сформулированных адмиралом постулатов ученый выделял: недопустимость подражательства революционным и либеральным западноевропейским образцам, необходимость опираться на русскую культуру, традиции, национальное воспитание⁶¹. Эти идеи в начале XIX в., как показывал Минаков, носили оппозиционный характер, а произведения Шишкова оказали значительное влияние на формирование мировоззрения русской элиты⁶². Исследователь определил причастность адмирала к зарождению националистической идеологии, которая провозглашает нацию высшей ценностью, единым целым, самодостаточной и суверенной культурно-политической общностью⁶³. Он отмечал, что Шишков крайне негативно относился к идеям французского Просвещения, воплотившимся в революции 1789 г.⁶⁴, вплоть до полного их неприятия. Предпосылкой формирования такого рода взглядов, согласно А.Ю. Минакову, было идейное влияние консервативной части русского масонства: «Критику галломании в конце XVIII в. начали русские масоны из окружения Н.И. Новикова. Причем, с нашей точки зрения, эта критика мало чем отличалась от аналогичной критики А.С. Шишкова и Ф.В. Ростопчина», — полагал ученый⁶⁵. Он также затрагивал тему социально-экономических взглядов русских консерваторов с характерными для них опасениями в отношении предполагаемых последствий отмены крепостного права: бунтов, обнищания народа, сокращения налоговых сборов⁶⁶.

Большой вклад в популяризацию публицистики Шишкова внес В.С. Парсамов, издав в 2010 г. его основные работы отдельным сборником⁶⁷. В обширном предисловии ученый совершенно справедливо указал на необходимость преодоления стереотипов об адмирале. Его идею — очистить русский язык от чужой лекси-

ки — исследователь считал новаторской, а попытку конструировать самобытную идеологию — актуальной. Все же Парсамов скептически оценивал возможность реализации программы Шишкова. По его словам, защита русских традиций и продуманная языковая политика остались «благими пожеланиями» адмирала⁶⁸. Проблема воплощения в жизнь концепций русских консерваторов рассматривалась А.В. Репниковым⁶⁹.

Зарубежные исследования, посвященные Шишкову, немногочисленны. Литературную полемику шишковистов и карамзинистов рассматривал П. Гард⁷⁰. Американский историк Р. Уортман освещал манифесты Шишкова 1812 г. и характеризовал его «консервативным, националистически настроенным поэтом»⁷¹. Оригинальную точку зрения на деятельность адмирала предложил А. Мартин⁷². Ученый считал несостоятельным взгляд на него как на реакционера, антизападника, ксенофоба, ультраконсерватора и даже шовиниста. По словам исследователя, Шишков не испытывал патологической ненависти к свободе мысли, любил Италию и Германию, не сомневался в правильности европеизации России, желал, чтобы страна заняла достойное место в обществе европейских народов⁷³. Присущие адмиралу принципы консерватизма и национализма А. Мартин считал вынужденными. Он обуславливал их либеральными реформами Александра I и войной 1812 г. Согласно А. Мартину, адмирал до конца жизни оставался сторонником «просвещенного абсолютизма», что предполагало мировоззренческий синтез идей западного Просвещения и российских традиций. По мнению ученого, Шишков «считал возможным соединить в России Просвещение и традиционность, уважение к личности и помещичьи привилегии, самодержавие и дворянскую свободу»⁷⁴.

Свидетельством непреходящего интереса к исторической личности адмирала являются как диссертационные исследования, так и публицистические работы, в которых освещаются некоторые его идеи и отдельные эпизоды биографии⁷⁵. В частности, в работе В.И. Карпеца «Муж отечестволюбивый», опубликованной в 1987 г. издательством «Молодая гвардия», Шишков изображался противником «смешения языков и народов», «западной свободы», пропитанной ложью, «духовного вырождения высших классов», «отношений торгашества», установления господства буржуазии

и «мирового правительства», превращения страны в «большую ма- сонскую ложу». Он характеризовался как выдающийся патриот, имя которого ставили в один ряд с именами Кутузова и Багратиона⁷⁶.

На волне ностальгии по СССР публицист Н.В. Овчинников показывал Шишкова чуть ли не предшественником сталинской борьбы с «низкопоклонством перед Западом», с «безродным космополитизмом». По его мнению, культурные предпочтения Шишкова находились по другую сторону от «дегенеративного искусства — черных квадратов, сумбура вместо музыки и тому подобных психопатических извращений»⁷⁷, Шишков был убежденным противником дворянского «паразитизма», выступал в защиту народного коллективизма, православной этики и производительного труда. Их торжество, по словам Н.В. Овчинникова, не позволило бы обрести силу «тесно сплоченным клановым группам, ориентированным на узко корпоративные, притом враждебные основной части народа интересы»⁷⁸.

Источниковая база. Неопубликованные источники представлены материалами, хранящимися в Российском государственном историческом архиве (РГИА), в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН (РО ИРЛИ РАН), в Центральном государственном историческом архиве г. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Кроме того, личные фонды А.С. Шишкова есть в отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ).

Личные материалы Шишкова (РГИА. Ф. 1673) представлены копиями рескриптов, грамот и писем к нему Екатерины II, Павла I, Александра I, Николая I, императрицы Марии Федоровны⁷⁹. Там же хранятся документы о служебной деятельности адмирала, его наградах, воинских званиях, жаловании, имущественных делах, в частности: копия записки Шишкова, составленной по случаю представления к «Знаку отличия беспорочной службы», «Прощение... в Капитул императорских и царских орденов о выплате денег», записка «О несправедливом отобрании в казну части его земель в Тверской губернии по решению Межевой канцелярии»⁸⁰.

Отношение адмирала к образованию как к источнику вольнодумства характеризуют две его записки: «о немецких университетах» и «о вреде образования»⁸¹. В первой из них критиковалась слабость мер германского правительства в борьбе с университетской автономией, во второй — попытки отечественных управленцев смягчить «чугунный» цензурный устав 1826 г.

Документация фонда Канцелярии департамента народного просвещения (РГИА. Ф. 735) представлена в монографии материалами, касающимися деятельности А.С. Шишкова в Министерстве народного просвещения (1824–1828). Предложения адмирала о придании просвещению единообразия содержат следующие дела: «О собрании Главного правления училищ 11 декабря 1824 г.», «Об учреждении при Главном правлении училищ комитетов для обозрения порядка управления учебных заведений и для устройства осмотра их»⁸². Роль и влияние политики Шишкова в духовной сфере отражены в делах: «О дозволении напечатать и продать конфискованную в 1819 г. книгу “Беседа на гробе младенца о бессмертии души”», «О непечатании в ведомостях отчетов Библейского общества за 1824 г.», «О книгах, относящихся к вере и изданных без синодского разрешения» и «О закрытии масонских лож»⁸³. В работе также использовались отчеты Министерства народного просвещения императору за 1824–1825 и 1826–1827 гг.⁸⁴ В фонде находится немало документов узко канцелярской направленности. Например, «О бумагах, препровождаемых в Департамент иностранных исповеданий и разные места ведомства»⁸⁵.

Мнения профессоров и задачи в сфере просвещения, возложенные на Шишкова Николаем I, отражены в деле «Об учреждении Комитета по устройству учебных заведений и о закрытии Комитета о составлении проекта устава»⁸⁶. Материалы, посвященные подготовке устава о цензуре 1826 г., содержат ценный список цензурных постановлений начиная с 1804 г., а также соображения чиновников о цензуре духовных книг иностранных исповеданий, доклад министра императору и замечания последнего⁸⁷.

В архивном фонде Департамента законов Государственного совета (РГИА. Ф. 1149) было обнаружено и дело «О запрещении продажи крестьян порознь и без земли»⁸⁸. В 1820 г. Шишков являлся главным критиком одноименного законопроекта, как и либерализма

в крестьянском вопросе. В деле содержатся копии, выписки из законов, из журналов Государственного совета, Комитета министров и Комиссии составления законов, переписка, записки, мнения представителей высшей бюрократии, а также сам законопроект. Материалы проливают свет как на подготовку законопроекта, так и на историю крепостного права в целом.

В монографии задействованы документы фонда журналов департаментов Государственного совета (РГИА. Ф. 1160), например, записки Санкт-Петербургского военного губернатора М.А. Милорадовича и управляющего Министерством внутренних дел В.П. Кочубея, направленные в Комиссию составления законов с целью прекратить продажу крепостных порознь и без земли. Там же имеются мнения на этот счет членов Государственного совета: графа Ю.П. Литты, барона Б.Б. Кампенгаузена, адмирала Н.С. Мордвинова, генерала от инфантерии князя Д.И. Лобанова-Ростовского⁸⁹.

Среди материалов личного фонда Шишкова (ОР РНБ. Ф. 862) наибольшей информативностью обладают две рукописные книжки адмирала — «Разные записки»⁹⁰. Они содержат письма адмирала к Е.Р. Дашковой, к М.М. Хераскову, разбор «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина, «Рассмотрение псалмов, преложенных Ломоносовым», ответ на критику в журнале «Сын отечества», «Размышление старца, желающего блага своему отечеству», «Достопамятные сказания об императрице Екатерине Великой», стихотворения, выписки из книг и некоторые переводы. В целом эти рукописи являются ценным историко-литературным материалом. Они же проливают свет на общественно-политические взгляды Шишкова с присущими ему идеализацией екатерининского правления, осуждением революции 1789 г., критикой атеистических тенденций Просвещения и свободы книгопечатания. Содержание «Записок» охватывает время правления Александра I и несколько лет царствования Николая I.

Фонд А.С. Шишкова в ОПИ ГИМ составляют его воспоминания, заметки, касающиеся 1812–1814 гг., мнения по вопросам, разбираемым в Комитете министров, материалы, относящиеся к Императорской российской академии и к «Библейским обществам»⁹¹. Фонд состоит из четырнадцати рукописных книжек Шишкова. Ма-

териалы датированы 1818–1840 гг. Фонд был приобретен в 1920 г. у С.О. Долгова, однако не весь. Письма А.С. Шишкова к жене 1813–1827 гг. и «Записки» 1824–1826 гг. хранятся в Российской государственной библиотеке⁹². Ранее эти материалы сменили нескольких владельцев. В конце своей жизни адмирал передал их на хранение П.А. Ширинскому-Шихматову, после смерти которого они продавались в книжных россыпях. Граф В.А. Соллогуб купил эти рукописи на толкучем рынке и подарил их В.И. Далю. От него они перешли к М.П. Погодину⁹³. Позднее Н.С. Киселев и Ю.Ф. Самарин приобрели их и опубликовали в 1870 г. под заглавием «Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова»⁹⁴. Текст «Записок» отражает оппозиционность адмирала к либеральному курсу Александра I, который рассматривался Шишковым как насаждение в России идей французской революции 1789 г.

В фонде РО ИРЛИ хранятся письма адмирала к А.Х. Бенкендорфу⁹⁵, Л.И. Голенищеву-Кутузову⁹⁶, а также письма к нему Павла I⁹⁷, Николая I⁹⁸, С. Сестренцевича⁹⁹. Здесь же находится черновик его обращения к Николаю I¹⁰⁰, составленный по случаю увольнения с поста министра. Указанные материалы содержат служебную информацию и проливают свет на взаимоотношения адмирала с монаршими особами. Взгляды Шишкова на цензуру печати отражают его «Докладная записка императору Николаю I об учреждении Верховного цензурного комитета»¹⁰¹ и такого же рода письмо «О Верховном цензурном комитете»¹⁰². Кроме того, малоинформативные дела о назначении и увольнении адмирала с должности министра хранятся в ЦГИА СПб¹⁰³.

К опубликованным источникам личного происхождения относится эпистолярное наследие Шишкова. Оно включает его письма 1776–1777 гг. о морской экспедиции из Кронштадта в Средиземное море¹⁰⁴. Их адресат неизвестен, но очевидно, что это был дорогой и близкий ему человек: «Я пишу не для наставления тебя и других моих читателей, ежели они когда случатся, но для собственного себе о том напоминания в будущее время, и чтоб купно при сем засвидетельствовать, сколько часто я о тебе помышлял в мое отсутствие»¹⁰⁵. Шишков подробно фиксировал увиденное им за границей, а впоследствии он прокомментировал свои впечатления от поездки в отдельной книге¹⁰⁶.

От командировки Шишкова в Европу 1797–1798 гг. сохранились его письма к первой жене Дарье Алексеевне Шельтинг (опубликованы профессором Тартуского университета Л.Н. Киселевой¹⁰⁷). В них содержатся рассказы о путешествии, светских и семейных делах, сведения о женитьбе его брата Ардалиона Семеновича Шишкова.

Вступив в должность государственного секретаря, с 1812 по 1816 г. адмирал составлял для Александра I манифесты, рескрипты и другие документы¹⁰⁸. С их помощью до широких слоев доносились национально-патриотические цели России в войне с Наполеоном, французы характеризовались как «безбожники», революционные варвары. Об этом же можно узнать из «Кратких записок» адмирала, поднесенных им Николаю I¹⁰⁹.

Деятельность Шишкова на посту министра народного просвещения нашла отражение в официальных документах: правительственных рескриптах, министерских постановлениях, распоряжениях, уставах учебных заведений, помещенных в ведомственных сборниках¹¹⁰. Эти документы, а также указы и правительственные акты из «Полного собрания законов Российской империи»¹¹¹ были использованы в данной работе.

Делопроизводственная документация представлена в исследовании материалами из опубликованных журналов Департамента законов Государственного совета¹¹². Она использовалась при анализе взглядов Шишкова на проект Гражданского уложения и на крестьянский вопрос. Некоторые сведения о подготовке проекта уложения получены из первого тома сборника «Труды Комиссии составления законов»¹¹³.

Огромную биографическую ценность имеют сочинения адмирала. Писать он начал в молодости и продолжал до конца жизни. Шишков бережно хранил свои труды и неоднократно их переиздавал. В типографии Российской императорской академии в 1818–1839 гг. он опубликовал 17 томов «Собраний сочинений и переводов». Они разнообразны по тематике и по жанрам: детские стихотворения, повести, оды, басни, молитвы, пьесы, литературная критика, переводы слова «О полку Игоре» и сочинений зарубежных авторов, научно-филологические труды.

Среди ранних произведений Шишкова стоит отметить драму «Невольничество»¹¹⁴, стихотворения «Песня. Старое и новое

время»¹¹⁵, «Ода на покорение Польши»¹¹⁶, «Стихи, сочиненные при восшествии на престол императора Александра I»¹¹⁷. В них адмирал показал себя сторонником екатерининского абсолютизма, приверженцем традиционных устоев и порядков, противником революционных перемен.

Одной из наиболее значимых его книг можно назвать «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка»¹¹⁸. Впервые опубликованная в 1803 г., она положила начало общественной дискуссии об истоках русской словесности, ее «порче» под влиянием французского языка и сентименталистского литературного жанра Н.М. Карамзина. Последующие работы адмирала содержат ответы на критику западников того времени¹¹⁹. Кульминационным в публицистике Шишкова стало «Рассуждение о любви к Отечеству»¹²⁰ — полноценный национально-консервативный политический трактат.

Отдельную группу источников составляют воспоминания современников адмирала. Работа над мемуарами велась с середины XIX в. в обстановке ожидания либеральных реформ. Это предопределило негативную оценку Шишкова как государственного деятеля. Даже симпатизировавшие ему современники не забывали его критиковать. В частности, писатель С.Т. Аксаков в молодости считал Шишкова «неопровержимым авторитетом, мудрейшим и учнейшим из людей»¹²¹. Спустя много лет писатель причислил адмирала к тем деятелям, которые «не умели даже думать по-русски» и «отказывали» народу в необходимости просвещения¹²². Все же Аксаков запечатлел Шишкова добродушным, деятельным старцем, кротким семьянином, справедливым помещиком, первым славянофилом.

Менее комплиментарны воспоминания журналиста, основателя еженедельника «Сын отечества» Н.И. Греча¹²³. В середине 1820-х гг. он проходил в качестве обвиняемого по «делу» немецкого проповедника И.Е. Госснера. Это обстоятельство сыграло не последнюю роль в том, что бывший член шишковской «Беседы любителей русского слова» Греч в своих мемуарах назвал себя «ревностным читателем Карамзина <...> ненавидевшим Шишкова и его нелепых хвалителей и подражателей»¹²⁴.

Симпатией к личности адмирала и неприязнью к его политическому консерватизму проникнуты воспоминания русского

историка и дипломата Д.Н. Свербеева¹²⁵. Будучи выпускником Московского университета, он в начале 1820-х гг. обескуражил «обскуранта дедушку Шишкова». На его вопрос: «Ну, а ты юноша, знаешь ли, сколько у нас состояний?» Свербеев ответил: «... Два <...> Деспоты и рабы!»¹²⁶. Как историк он весьма точно определил политическую позицию адмирала: «Он, так сказать, бессознательно первый воплотил в себе тричастный Русский символ “православие, самодержавие, народность”, который потом сделался в одно и то же время программой царствования императора Николая, девизом графа Уварова и, наконец, надписью на знамени позднейших славянофилов»¹²⁷.

Ценные сведения о жизни Шишкова с 1824 г. до середины 1830-х гг. содержат воспоминания родственника его второй жены Ю.О. Лобаржевской, издателя «Петербургского еженедельника» О.А. Пржецлавского¹²⁸. Мемуарист характеризовал его как человека благодушного, справедливого, но не прогрессивных взглядов.

Похожим образом о нем отзывался основатель общества молодых писателей «Арзамас» Ф.Ф. Вигель¹²⁹. По его словам, Шишков был «самым пылким патриотом», «русоманом до безумия»¹³⁰. Принадлежность адмирала к влиятельным аристократическим кругам уязвляла самолюбие неродовитого Вигеля. Общественное влияние своего литературного противника он считал незаслуженным, достигнутым карточными играми и угождением «грубым» вкусам российских «бар»¹³¹.

Цензор Главного цензурного комитета, член Российской академии (с 1839 г.) К.С. Сербинович в своих воспоминаниях повествовал о примирении адмирала с литературными оппонентами Н.М. Карамзиным и Д.Н. Блудовым¹³² и характеризовал Шишкова следующим образом: «Шишков был муж правдивый, который без всякой лести, в простоте сердца говорил царям как что понимал по чувству любви к Отечеству, чуждаясь личных выгод и не боясь лишиться царской милости за правду»¹³³.

Мемуары служившего под началом Шишкова поэта В.И. Панаева касаются их совместных действий против влиятельного чиновника Министерства народного просвещения М.Л. Магницкого¹³⁴. Они проливают свет на механизмы функционирования вверенного адмиралу ведомства и на общественные настроения середины

1820-х гг. Раскрыть общий контекст деятельности Шишкова помогли теоретические труды, а также записки, воспоминания и письма других его современников¹³⁵.

Противоречивость исторических оценок, накопление исследовательского материала требуют обобщения теоретического и практического опыта А.С. Шишкова, проведения нового исследования, свободного от устаревших подходов и тенденциозных выпадов.

* * *

Автор выражает глубокую признательность за помощь в создании книги своему научному руководителю доктору исторических наук Аркадию Юрьевичу Минакову, а также искренне благодарит за ценные советы Петра Владимировича Акульшина, Надежду Николаевну Лупареву, Александра Николаевича Акиншина, Михаила Дмитриевича Карпачева.

Глава I

КАРЬЕРНОЕ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ СТАНОВЛЕНИЕ А.С. ШИШКОВА

§ 1. Обучение в Морском кадетском корпусе. Заграничные экспедиции

Шум моря, скрип членов корабля, унылый свист ветра вокруг обломков мачт и пушечные для призвания помощи ежеминутно производимые выстрелы напоминали беспрестанно, что мы гибнем и нет спасения.

А.С. Шишков

Александр Семенович Шишков происходил из старинного дворянского рода. В первой половине XIV в. его далекий предок Юрий Лозынич «приехал из волынской земли в Тверь»¹. Затем род продолжился именами боярина Гаврилы Юрьевича, служившего тверскому князю Василию Михайловичу, его внука Микулы Васильевича по прозвищу Шишко. Дворянская ветвь адмирала записана в родословную книгу Тверской губернии (Ч. 6), ее герб внесен в Общий гербовник (Ч. 3)².

Родился А.С. Шишков 9 марта 1754 г. в семье дворян Семена Никифоровича Шишкова из Тверской губернии и Прасковьи Ермолаевны Шишковой (в девичестве Денисьева). Отец участвовал в Семилетней войне (1756–1763), получил несколько ранений, вышел в отставку в чине премьер-майора. Позднее он был избран предводителем дворянства Новоторжского уезда, возглавлял 2-й департамент верхнего земского суда Вятского наместничества³. Мать умерла не позднее середины 1780-х гг. От небогатых родителей А.С. Шишкову досталось 15 душ крепостных крестьян в Кашин-

ском уезде. Наследниками также являлись его родные братья: старший Николай, младшие Дмитрий и Ардалион.

Хотя в молодости Александру Семеновичу приходилось рассчитывать в основном на собственные силы, он все же мог опираться на родственные связи, особенно по линии своей двоюродной тети Варвары Никитичны (урожденной Шишковой), бывшей замужем за генерал-инженер-поручиком И.А. Бибиковым. Один из ее сыновей, Василий Ильич Бибиков, стал известным театральным деятелем, а дочь Екатерина Ильинична с 1778 г. была замужем за полководцем М.И. Кутузовым. Личность исторического масштаба представлял собой их единокровный брат, знаменитый екатерининский генерал-аншеф Александр Ильич Бибиков⁴. Его кровная сестра Евдокия Ильинична являлась супругой адмирала Ивана Логиновича Голенищева-Кутузова, президента Государственной адмиралтейской коллегии. От этого брака родилась Варвара Ивановна, которая в 1792 г. стала женой могилевского и санкт-петербургского губернатора, сенатора М.М. Бакунина.

Мировоззрение Шишкова формировалось в условиях патриархальной русской деревни. По его собственным словам, до 13 лет он жил «в глуши у дедушки, ничему не учась и без всякого воспитания»⁵. Предположение, что Шишков все же получил домашнее воспитание, характерное для провинциальных дворян, высказал В.Я. Стоюнин: «Скорее всего, он воспитывался при тех же условиях, при которых воспитывались и некоторые из его сверстников, почтенных деятелей в общей русской жизни второй половины прошедшего столетия, как например, Фонвизин, Державин и др., — указывал биограф. — В них развивались религиозное чувство и мысль под влиянием чтения церковных книг, священной истории и Четии-минеи, а с этим вместе и ухо роднилось с церковным языком; развивалась и любовь к природе под влиянием близких отношений к ней, развивалась любовь к человеку под впечатлениями любящей родной семьи, развивалась любовь к родине под впечатлением рассказов о славных и громких прошедших временах Петра, под впечатлением народных песен, а может быть и звучных од Ломоносова и других стихотворцев»⁶.

С мнением биографа о домашнем воспитании в детстве согласуются начальные строчки из сохранившихся мемуаров Шишкова:

«В ином месте описал я бывшие со мною в молодости моей приключения, а именно: рождение мое, домашнее воспитание...»⁷. Как бы там ни было, первичное образование того времени не отличалось глубиной и последовательностью получения знаний⁸.

17 сентября 1767 г. Шишков поступил в Морской шляхетский (дворянский) кадетский корпус, единственное в то время учебное заведение, готовившее офицерские кадры для Российского флота. Директором Корпуса в 1762–1802 гг. был И.Л. Голенищев-Кутузов, имевший репутацию человека просвещенного и влиятельного. Он в совершенстве знал французский и немецкий языки, любил литературу, держал салон в Петербурге, где собирались лучшие умы столицы. Впоследствии был наставником будущего императора Павла I⁹. Директор Морского корпуса играл важную роль в судьбе Шишкова, часто ему покровительствовал. В письме к сыну И.Л. Голенищева-Кутузова Логину Ивановичу от 2 июня 1820 г. А.С. Шишков называл своего покровителя «благодетелем», «наставником» и «другом»¹⁰.

Нельзя сказать, что стезя флотского офицера пользовалась хорошей репутацией среди российского дворянства. Состоятельные родители стремились определить своих детей в Сухопутный корпус, дававший несравненно лучшее образование и большие преимущества в дальнейшем. Беднейшие же семьи записывали детей в Морской корпус, потому что обучение в нем требовало меньших расходов. Соображения экономии могли повлиять на определение Шишкова во флотскую службу.

До пожара 1771 г. и перевода учебного заведения в Кронштадт Морской корпус находился в Санкт-Петербурге на Васильевском острове. Он располагался в роскошном двухэтажном каменном особняке, некогда принадлежавшем фельдмаршалу Б.Х. Миниху¹¹. Кадеты могли пользоваться лазаретом, типографией, посещать церковь¹². Среди преподавателей были знаменитые ученые: историк Ф.И. Миллер, бессменный преподаватель навигации и математики, автор знаменитого «Письмовника» Н.Г. Курганов. Сам И.Л. Голенищев-Кутузов являлся членом Российской императорской академии, переводчиком, одним из составителей знаменитого «Словаря Академии Российской».

Опираясь на исследование Ф.Ф. Веселаго «Очерк истории Морского кадетского корпуса», можно попытаться восстановить

картину кадетской жизни Шишкова. Учебный день длился восемь часов. К профилирующим предметам относились: навигация, математика, астрономия, фортификация и артиллерия. Повседневное обмундирование учащихся составляли: сюртук из зеленого ординарного сукна с белыми обшлагами и воротником, белый коломянковый камзол и зеленые штаны солдатского сукна. По обычаю того времени кадет должен был пудрить голову и носить косу. Он мог рассчитывать на небольшое ежегодное жалование, которое обычно вычиталось в счет приобретения, стирки и починки военной формы. Дисциплина иной раз поддерживалась розгами. Курсанты беспрекословно подчинялись флотским офицерам, а в случае их отсутствия — старшим гардемаринам, которые дольше всех проучились в учебном заведении. Обстоятельствами кадетской жизни Т.А. Егерев объясняла присущее Шишкову впоследствии уважение к чинам, понимание необходимости общественной иерархии¹³.

Строгость флотской службы он ощущал на себе во время морской практики. В 1771–1772 гг. Шишков участвовал в экспедиции из Архангельска в Кронштадт, которую описал спустя полвека на страницах «Отечественных записок»¹⁴ и в 12-м томе его «Собрания сочинений и переводов»¹⁵. Автор крайне нелестно отзывался о своих бывших командирах. По его словам, некий капитан первого ранга N. был человеком «властолюбивым, пылким и не совсем трезвым», а капитан D. — «человеком <...> глупым и свирепым»¹⁶. В 1820-х гг. за честь этих офицеров вступался видный мореплаватель вице-адмирал В.М. Головин. Как показывал углублявшийся в эту дискуссию И.В. Меркулов, Шишков лишь чуть приоткрыл пороки морского ведомства, «причем самым безобидным образом»¹⁷.

Необходимо отметить, что в начале экспедиции он навлек на себя гнев командования. За отлучку с корабля в Архангельске начальство собиралось заставить его всю ночь держать на плечах две пудовые гири. От несправедливого наказания Шишков спасся угрозой донести о случившемся И.Л. Голенищеву-Кутузову. В целом же он являлся прилежным учеником и перед северным походом пребывал в статусе корпусного унтер-офицера в чине капрала.

Морское путешествие было памятно ему по случившемуся кораблекрушению. Без особых проблем миновав воды Ледовитого океана и Северного моря, корабль «Вячеслав», на котором находился Шишков, ударился о морское дно близ острова Борнгольм и плотно застрял на мели. Часть моряков погибла, А.С. Шишков «получил едва не пресекающую жизнь <...> простудную горячку»¹⁸. К слову сказать, до конца его дней болезнь давала о себе знать.

О катастрофе у чужих берегов Шишков писал: «Люди, готовясь к смерти, надевали на себя белые рубашки. Священники в облачении читали перед образом молитвы; все в отчаянном страхе, иные падши ниц, иные стоя на коленях, иные с воздетыми к небу руками молились и как обреченные жертвы оплакивали последние свои минуты. Между тем шум моря, скрип членов корабля, унылый свист ветра вокруг обломков мачт и пушечные для призвания помощи ежеминутно производимые выстрелы напоминали беспрестанно, что мы гибнем и нет спасения», — так описывал будущий адмирал страдания экипажа корабля¹⁹.

Русская шлюпка, отправленная к берегу для ведения переговоров о помощи, утонула. По какому-то предчувствию Шишков в последний момент отказался на ней плыть. Безусловно, морская катастрофа усилила религиозные чувства молодого капрала, видевшего свое спасение в Божьем промысле.

Познания в немецком языке позволяли Шишкову участвовать в переговорах со шведами о судьбе русских моряков, он подчеркивал свою роль в переговорах. Посещая дома местной знати, Александр Семенович завязал роман с дочерью купеческой вдовы Христиной Берлингъери. Итогом этих встреч для него стало понимание шведского языка. «День ото дня начинал я разуметь более и к концу двух недель мог объясняться порядочно, а через месяц не только свободно разговаривать, но и книги стал читать», — вспоминал Шишков²⁰. В составленном им в 1828 г. послужном списке значилось обучение в знаменитом Кадетском корпусе Карлскроны²¹.

Вопреки утверждениям А.С. Шишкова, будто из уцелевших моряков только он знал немецкий язык, иностранной речью владели обрусевшие немцы — гардемарины К.И. фон Гревенс и Б. Штерлинг. Наймом судов для сопровождения уцелевших русских моряков в Петербург занимался лейтенант Лисовский, хотя Шишков

заявлял, что взял с этой целью в долг крупную сумму²². Эти сведения не противоречат данным о его посильном вкладе в дело эвакуации потерпевших кораблекрушение на берег и оказания им помощи. Его забота о судьбе товарищей никогда и никем не опровергалась.

В конце июня 1772 г. «Вячеслав» пришел в Кронштадт. Там Шишков был представлен адмиралу С.И. Мордвинову, который объявил ему благодарность²³. Вскоре он выдержал экзамен на офицерский чин первым по списку. Указ о производстве А.С. Шишкова в мичманы подписал его будущий тесть, капитан генерал-майорского ранга А.Е. Шельтинг²⁴. В этом чине его годовое жалование составляло 120 руб., из них следовало вычесть немалую сумму на обмундирование. Иных доходов и источников материальной помощи он не имел. Имение родителей к тому времени было продано за долги. В сентябре 1773 г. Шишкова назначили в Морской кадетский корпус на должность поручика, что должно было увеличить годовой доход более чем в два раза²⁵. Кроме того, новая должность позволила ему установить приятельские отношения с представителями элиты. В кадетском корпусе Шишков завязал дружбу с Г.Г. Кушелевым, который в царствование Павла I будет осуществлять фактическое руководство Российским флотом. Там же он стал близок к Н.С. Мордвинову, впоследствии видному государственно-му деятелю во время правления Александра I.

Новым испытанием для Шишкова стала экспедиция из Кронштадта в Средиземное море (1776–1779). По условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора, завершившего победоносную русско-турецкую войну (1768–1774), российские торговые суда получили право прохода через Дарданеллы. Петербург решил этим воспользоваться и провести в Черное море под видом купеческих три военных фрегата — «Павел», «Наталия» и «Григорий». Шишков находился на борту корабля сопровождения «Северный орел». Командовал эскадрой капитан второго ранга, впоследствии известный вице-адмирал Т.Г. Козлянинов²⁶. В морском походе участвовал и знаменитый в будущем адмирал Ф.Ф. Ушаков²⁷. Обстоятельства экспедиции Шишков изложил в своих письмах 1776–1777 гг.²⁸, которые были опубликованы в 1897 г. в журнале «Русская старина». В дальнейшем посвятил своему путешествию книгу²⁹.

Он простился с отечеством 15 июня 1776 г. и спустя 12 дней уже осматривал достопримечательности Копенгагена: королевский дворец и сад, Кунсткамеру с ее чучелами животных, мумиями, коллекциями живописи, медалей и монет, шашками работы Петра Великого, бюстами государей. Это производило сильное впечатление и, согласно его письмам, воспитывало в людях уважение к высокой культуре, к деяниям «достойных» предков. По его наблюдениям, датская знать выглядела «несравненно меньше важной, нежели <...> в Петербурге», «тамошних женщин» «не посещала» красота, должность камергера можно было купить всего за пятьсот рублей³⁰.

В английском Портсмуте его изумили вольные нравы посетителей местного театра: «Многие зрители, казалось, не мало того не думали, что они в собрании, а всякий поступал по своей угодности: иной перебежал из ложи в ложу, прыгая через скамейки, другой резвился, третий так неучтиво лежал, что у нас и при одном незнакомом того не сделают»³¹.

Длительное плавание было сопряжено с опасностями. Бури, высокие волны, неблагоприятные ветры, подводные скалы то и дело вызывали у Шишкова страх нового кораблекрушения. Опасности мореплавания он сравнивал с жизнью на берегу: «Может статься тебе смешно покажется, что я с таким пристрастием выхваляю береговую жизнь или что так живо чувствую ее блаженство, но ты можешь смеяться, потому что ты никогда морской жизни не чувствовал, а не видав ночи, не можно иметь понятия о свете»³².

В сентябре 1776 г. Шишков побывал на испанском острове Менорка, подивился красоте тропических пейзажей и наслаждался благами цивилизации. Сильное впечатление на него произвели моряки с алжирской полугалеры, задержанной на сутки в порту, так как судно приняли за разбойничье: «Их было на ней шестьдесят человек, — вспоминал адмирал. — Все они наверху стояли и с любопытством на нас смотрели. Почти все высокого роста. Все между тридцати и сорока лет. Вооружены кинжалами и пистолетами, с усами, с обнаженными по плечо руками, с покрытою шерстью голою грудью, с зверским лицом и сверкающими очами»³³.

На пути из Минорки в тосканский порт Ливорно на борту произошёл несчастный случай — разбился насмерть упавший с мачты матрос. Шишков стоял в это время на вахте, позже он записал

об этом: «Я сожалел о сем бедном матросе, благодарил Бога, что сам остался цел; ибо если бы я на один вершок еще подвинулся, то, упав мне на плечо, он подвергнул бы меня той же самой участи, какую сам претерпел»³⁴.

В Ливорно русская эскадра разделилась. Большая часть кораблей отправилась к Константинополю. Шишков получил у начальника экспедиции Т.Г. Козлянинова разрешение остаться в Италии. Ее он исколесил вдоль и поперек: посетил Сиену, Падую, Милан, Рим, Болонью, Пизу, Лукку, Венецию, Флоренцию. Его привлекали величественные соборы, театры, музеи, казино, кофейные дома, балы знати, собрания в домах российских дипломатов. Шишков успел нанять себе учителя итальянского языка, с которым проводил по три-четыре часа, вместо условленных двух, читая поэзию Ф. Петрарки³⁵ и Т. Тассо³⁶. Позднее он утверждал, что в Италии освоил ее язык и «мог без нужды говорить на оном»³⁷.

При известной склонности будущего академика-филолога приукрашивать свои лингвистические способности, нужно признать, что у него были задатки полиглота. Впоследствии Шишков переводил на русский язык творения итальянских, немецких и французских писателей. Нельзя не учитывать влияние длительной преподавательской, литературной и научной деятельности на развитие его талантов. В молодости он признавался, что «не хорошо умел по-французски»³⁸. Вопрос о степени знания им немецкого языка также остается открытым. В письме к чешскому филологу Й. Добровскому 21 июля 1819 г. А.С. Шишков отмечал, что «худо умел по-немецки»³⁹.

Значительную часть своего времени он посвящал изучению достопримечательностей Тосканы. От его любознательного взора не ускользнула даже еврейская община Ливорно. «Город Ливорно есть великое прибежище жидам, которые имеют свою синагогу, живут домами богато и отправляют свободную торговлю, будучи правительством сильно покровительствуемы», — отмечал Шишков⁴⁰. Он с интересом описывал еврейскую синагогу: «Она пространна и внутри хорошо украшена. Служба их отправляется чудным образом: премножество жидов собравшись, иные сидят и кричат, другие ходят в шляпах, как на рынке, а посредине, стоя на возвышенном месте, поп в белой одежде читает громко и на-

распев, и видно тут ни молчания, ни слушания, ни благочиния не требуется»⁴¹.

Впоследствии, публикуя свои воспоминания о путешествии отдельной книгой, Шишков не включил в нее этот эпизод. Туда не вошло и его повествование об истории Пизанской республики. Он говорил, что этот средневековый город-государство был чрезвычайно богатым, переживал расцвет, пока не вошел в подчинение к тосканскому герцогу. Последний, опираясь только на богатей и лишая всех остальных имений, привел город к разорению⁴². Вероятно, пример Пизы мог вызывать у Шишкова некоторые симпатии к республиканской форме правления.

Спустя десятилетия он объяснял пробелы в изложении событий своего путешествия по Италии следующим образом: «Я не стану описывать виденное в сих городах, равно как и во всех других, в которых мне быть случалось. Ибо намерение мое не в том состоит, чтобы повторять то, чему во многих книгах и путешествиях можно находить подробнейшие описания. Но я предположил упоминать себе только о тех происшествиях, которые покажутся мне в жизни моей достопамятнейшими»⁴³.

Следует остановиться подробнее на дошедших до нас сведениях о пребывании Шишкова в Тоскане. Проживал он в трактире с приятелями и тремя слугами. За все приходилось платить втридорога: за почтовых лошадей, за услуги кучера, хозяину «за издержки и постой», слугам, накрывающим стол. Шишков был вынужден соответствовать репутации русских аристократов, щедрость и тщеславие которых обогатили всю Тоскану⁴⁴. В итоге к концу 1777 г. он истратил отпущенные казной на его содержание 200 червонцев. Впрочем, в порту Гибралтара его материальное положение поправилось карточным выигрышем в 500 червонцев. Позднее С.Т. Аксаков рассказывал, что азартные игры являлись одним из любимых увлечений Шишкова: «Он имел обыкновение проводить вечера в клубе, где вел крупную игру: он был отличным мастером играть во все коммерческие игры <...> и всегда много выигрывал. Я после узнал, что он в молодости был сильный банковский игрок»⁴⁵.

Жизнь за границей представляла перед Шишковым во всем своем многообразии. В одном и том же месте можно было встретить людей самого разного социального положения. Описывая

театр во Флоренции, он отмечал среди зрителей «порядочных людей» и «подлый народ»⁴⁶, пребывая в Турции, обращал внимание на настроения «черни»⁴⁷.

Людам, привыкшим видеть в Шишкове «строгого ортодокса», может показаться неправдоподобным его восторг от созерцания образа обнаженной языческой богини Венеры, созданного кистью Тициана: «Нет подобия, сколь она хорошо написана! Руки, шея, голова, стан, словом, нет ни одной части тела, которая бы не совершенно была прекрасна. И справедливо почитается она лучшем во всей Италии вещью», — отмечал он в своих письмах⁴⁸.

Стоит отметить, Шишков был человеком добродушным и пылким, что не сразу бросалось в глаза, однако эти черты обнаруживались при близком с ним знакомстве. Примечательную деталь к его образу запечатлел в своих воспоминаниях племянник знаменитого литератора И.И. Дмитриева поэт М.А. Дмитриев: «Дядя мой, С.Ф. Филатов, капитан первого ранга и георгиевский кавалер, служил с ним вместе в морской службе и знал его коротко, как товарища. Он рассказывал, что Шишков в молодых летах влюблялся беспрестанно и страдал от любви», — отмечал мемуарист⁴⁹.

Если внимательно читать опубликованные письма А.С. Шишкова, то можно убедиться в ошибочности стереотипа о нем как о ненавистнике всего иностранного. Он восхищался Тосканой, ее чистыми дорогами, каналами, каменными домами, засеянными полями, виноградниками. Сравнивая быт итальянских и российских крестьян, он писал: «Показалось мне хорошим у них также и то, что каждый земледелец имеет свой дом на той земле, которую он работает, и чтоб можно было ему отправлять обыкновенную свою работу, то не имеет он нужды отходить далее ста шагов от своего дома; напротив того, наши крестьяне преимущества сего лишены и принуждены иногда бывают за несколько верст от своей деревни земледельствовать»⁵⁰.

Много позже, переосмысливая увиденное за границей, Шишков заострял внимание на факторах, формирующих национальную культуру. Как положительный момент он отмечал, что оперы в Италии шли на родном языке: «Народная ли гордость или привязанность к красоте языка своего тому причиною, не знаю. Но не могу осуждать их за такое к словесности свое предпочтение

и любовь, без которых не было бы у них ни Тассов, ни Петрарков, ни Ариостов⁵¹»⁵². С симпатией вспоминал Шишков Венецианский карнавал, сравнивая его с русской масленицей и «простонародными игрищами». Балы аристократии, напротив, описывались им как скучные, полные излишних формальностей: «Всякого, кто с тобою говорить начнет, надлежало называть *эччеленца* (Ваше превосходительство), иначе он обижался неучтивостью. Танцевать нельзя было иным образом, как сидя на месте дожидаться, покуда какой-нибудь устроитель бала, *эччеленца*, не поведет тебя к ожидающей даме, с которой ты протанцевав, должен сесть опять на свое место»⁵³.

Поздний Шишков критиковал привычку итальянцев посещать кофейни и театры, вместо того чтобы проводить время дома с семьей. Он предостерегал Россию от заимствования «чужеземных обыкновений», ведущего к утрате родственных связей. Даже внешне жители Апеннин стали ему несимпатичны: «Я удивлялся и с сожалением смотрел на многих здешних жителей, малолетних и худошавых, с кривыми ногами, а в других местах мужчин и женщин с висящими у них на горле толстыми зобами, но не мог узнать причины, подвергающих их такому безобразию»⁵⁴.

Если в своих ранних письмах Шишков лишь восхищался итальянскими соборами, то в поздних «Записках» он упомянул, что при входе в церковь Св. Антония Падуанского «...изваянный в половину человеческого роста мраморный истукан, изображающий Спасителя Христа, поставлен у дверей, держа в руках с просящим видом открытый мешок, в который входящие в церковь и выходящие из нее кладут деньги. Признаюсь, что такое средство к приумножению церковных доходов показалось мне больше корыстолюбием, нежели набожностью придуманным»⁵⁵.

Для понимания причин, побудивших его переосмыслить события молодости, не лишним будет упомянуть эпизод, связанный с пребыванием русских моряков в 20 верстах от Афин. В своем письме от 3 января 1777 г. Шишков как бы вскользь упомянул: «Сошед на берег, не нашли мы ничего, кроме пустой греческой церкви, построенной наподобие нашей часовни, в которой написанные на стенах образа исчерчены все насечкою хулительных слов руками учтивых французов»⁵⁶.

Позднее он представлял этот случай как аргумент в борьбе за веру против атеистических проявлений французской революции 1789 г. Испорченных часовен становилось уже несколько, безлюдный берег превращался в греческий порт Мандра, а французы из «учтливового» народа — в нацию «безбожников» и «варваров»: «Мы видели также несколько новейших греческих часовен с написанными на стенах их изображениями Святых и не могли надивиться буйству и злочестию безбожных французов, которые, заходя иногда в сей порт, не оставили ни одной часовни без того, чтоб не обезобразить лиц святых и не начертать везде насмешливых и ругательных подписей. Удивительно, до какой злобы и неистовства доводит развращение нравов! Пусть бы сами они утопали в безверии, но зачем же вероисповедание других, подобных себе христиан, ненавидеть? Для чего турки не обезобразили сих часовен? Для чего не иной какой язык читается в сих гнусных надписях, как только французский?»⁵⁷

Таким образом, под влиянием революции во Франции А.С. Шишков изменит интерпретацию памятных ему событий. Из ценителя некоторых преимуществ заграничной жизни он превратится в критика иностранных обычаев и атеистических идей, не переставая, впрочем, любить европейскую поэзию. Основным объектом его нападок станут «развращенные» французы, а внешнеполитические противники России будут рассматриваться как их послушные марионетки.

Именно такую роль Шишков отводил туркам, которые не пропускали российские корабли в Черное море. Французы, по его мнению, внушили подданному султана подозрение о намерениях русских моряков сжечь Царьград⁵⁸. Сама же экспедиция 1776–1779 гг. сопровождалась слухами о грядущей войне. Османы были озлоблены на Россию, а турецкие дети называли христиан гяурами, то есть неверными, и бросали в них камни⁵⁹.

Восточная жизнь являлась для Шишкова малопонятной и в целом непривлекательной. Стамбул неприятно удивлял его невзрачной архитектурой, грязными некачественными дорогами и ночным лаем собак. Турки в его глазах были раболепными, невежественными, ленивыми и чванливыми. Они нарушали мусульманские обычаи, распивая в русской компании вино. Как положительные

моменты восточной жизни Шишков отмечал гостеприимство и знание многими местными жителями русского языка⁶⁰.

Благоприятное впечатление на него произвели роскошный прием российских моряков у визиря и состязание на лошадях. Знаменитая турецкая баня оказалась для Шишкова слишком экзотическим местом для отдыха. С ужасом наблюдая, как от растирания хрустели конечности его приятеля Г.А. Долгорукого, он предпочел отказаться от массажа. Русский путешественник остался недоволен и кровавым зрелищем медвежьей травли, когда злые собаки загрызли несчастное животное «без всякой обороны» с его стороны.

В Константинополе русские моряки «познакомились со многими домами... куда по вечерам же саживались разных держав пожилые и молодые люди, провождая время в разговорах и различных играх. Женщины здешние (разумеется, гречанки и другие; ибо турчанок не можно иначе увидеть, как только на улице, и то с закрытым лицом) весьма обходительны и ласковы. Почти всякая из них говорит на всех языках...»⁶¹. Все же Шишков не был частым гостем в дамском обществе, проводя время за книгами в каюте корабля.

Территория Османской империи привлекала его своей античной и византийской историей. Проезжая по ее побережью, он вспоминал о походах царя Дария против скифов, интересовался руинами Трои и древней мифологией. Впоследствии он высоко оценивал связь русской культуры через влияние греческого православия с миром античности.

Представления о Греции как о колыбели культуры, находящейся во власти деспотической, отсталой Турции, приобретут особенную остроту в свете греческого восстания 1821 г. Вслед за этим событием в дипломатической лексике появится термин «восточный вопрос», обозначивший борьбу европейских держав за «османское наследство». Стремление России взять под свое покровительство православные и славянские народы Османской империи станет одной из главных тем творчества русских консерваторов М.П. Погодина, М.Н. Каткова, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева. Среди идейно близких А.С. Шишкову современников ее будет развивать талантливый литератор, историк и публицист С.Н. Глинка⁶². Другой современник, граф Ф.В. Ростопчин, в царствование Павла I выступит с предложением раз-

делить Османскую империю и создать русско-французский союз, направленный против Англии⁶³.

Самому Шишкову было присуще видение исторического предназначения России как центра православия и освободительницы христианских народов. Пребывая в Константинополе, он вспоминал «Греческий проект» Екатерины II⁶⁴ и пылал надеждой «обратить» главную мечеть Стамбула, именуемую у христиан храмом Св. Софии, «в прежнюю православную церковь»⁶⁵.

Кроме того, Шишков был уверен в превосходстве русских над османами. Он писал, что российские офицеры смотрели на подданных султана как на «народ, который мы всегда побеждать привыкли»⁶⁶. Ему запомнились некоторые моряки, доблесть которых сдерживала турок от нападения. Командованию экспедиции Шишков советовал не принимать посланника из вассального Турции Марокко, дабы не уронить гордость российского двора⁶⁷.

В ходе экспедиции Шишков получил лейтенантское звание, а по возвращении в Петербург был причислен к штату вице-президента Адмиралтейской коллегии графа И.Г. Чернышева. 2 января 1784 г. А.С. Шишков был произведен в капитан-лейтенанты⁶⁸. Начальство видело его усердие и привлекало для участия в других экспедициях, в частности посылало «командиром на фрегате с особыми поручениями в шведский город Готтенбург»⁶⁹. Обстоятельства этого путешествия неизвестны.

Подводя итоги, отметим, что молодость Шишкова прошла в условиях во многом типичных для представителей небогатого, но родовитого слоя отечественного дворянства: оставляющее желать лучшего домашнее воспитание, военное образование, приобретение практических навыков службы, помощь со стороны влиятельных родственников. Вместе с тем он отличался любознательностью и писательским талантом, раскрывшимся в его заграничных письмах 1776–1777 гг. В то время он был очарован итальянской культурой, вел светскую жизнь, учил европейские языки. А.С. Шишков мог критиковать отдельные аспекты российской действительности, что впоследствии сменилось на превознесение всего русского на фоне богоборческих тенденций в Европе. Ключом к пониманию изменений в его взглядах станут события ближайшего десятилетия.

§ 2. Литературная и переводческая деятельность А.С. Шишкова во второй половине царствования Екатерины II

*Благая весть не стесняет человеческую жизнь,
любит общее спокойствие и свободу, обуздывая токо
разрушающее их буйство страстей.*

А.С. Шишков

В 1780-е гг. Шишков занимался преподавательской деятельностью в Морском кадетском корпусе в Кронштадте. Город являлся главным портом Балтийского флота, куда приходили военные корабли. Из Кронштадта отправлялись в дальние плавания морские экипажи. Там же размещалась ремонтная база флота и основные складские помещения. Порт привлекал к себе талантливых людей не только из России, но и из Европы.

Среди коллег Шишкова было немало представителей науки. Это и уже упомянутый Николай Гаврилович Курганов, и магистр Эдинбургского университета, переводчик с греческого языка Евклидовых «Стихов» Василий Никитич Никитин, и его помощник Прохор Игнатьевич Суворов, составивший учебник по плоской и сферической тригонометрии⁷⁰.

Посещая дом И.Л. Голенищева-Кутузова, А.С. Шишков имел возможность познакомиться почти со всеми русскими и иностранными знаменитостями: учеными, литераторами, художниками⁷¹. Многие из них, включая самого директора Корпуса, были «вольными каменщиками», т.е. членами широко распространенных в то время масонских обществ (лож). Будучи внеконфессиональным, наднациональным религиозно-этическим течением, масонство ставило своей целью духовное развитие человечества путем нравственного самосовершенствования каждой личности, распространения просвещения и благотворительности. Российские «каменщики» добивались исправления нравов общества, искоренения произвола на местах, выступали за гуманное отношение помещиков к крестьянам, считая всех людей равными по рождению и по смерти. Они на свой лад совершали христианские таинства, нередко обвиняли духовенство в стяжательстве. Впрочем, «правые» масоны, «розен-

крейцеры» — помещик и писатель О.А. Поздеев, сын директора Морского корпуса, литератор П.И. Голенищев-Кутузов — уважали господствующее положение православной церкви, являлись апологетами крепостного права и самодержавия⁷².

В 1780–1781 гг. Шишков числился в списках военно-морской «Ложы Нептуна» в Кронштадте в качестве почетного члена второй степени⁷³. Принадлежность к «вольным каменщикам» могла способствовать установлению им служебных связей, так необходимых в вопросах карьерного роста. Кроме того, она влияла на формирование его литературных установок⁷⁴. В обширном творчестве А.С. Шишкова содержатся некоторые идеи, присущие масонству: представление о нравственной деградации современного общества, пиетет к низшим сословиям, характеристика рационалистической философии как враждебной христианскому духу, культ нравственного воспитания. На предпочтения Шишкова-писателя могла повлиять начатая в конце 1780-х гг. П.И. Голенищевым-Кутузовым критика литературного направления, заданного Н.М. Карамзиным⁷⁵. В целом взгляды Шишкова перекликались с деятельностью «правых» масонов. Последняя, по словам исследователя, «во многом представляла реакцию на французское просвещение XVIII века с характерными для него атеизмом, материализмом и культом разума»⁷⁶.

В начале 1780-х гг. появляются первые литературные труды Шишкова: перевод с французского мелодрамы «Благодеяния приобретают сердца», а также пьеса «Невольничество» (1780), созданная им по совету троюродного брата, директора придворного театра В.И. Бибикова. Произведение прославляло Екатерину II за выкуп из алжирской тюрьмы христианских пленников и приурочивалась к открытию Петербургского наместничества. На спектакле присутствовали «все знатные чины и дворянство»⁷⁷. Прекрасная игра знаменитого актера И.А. Дмитриевского обеспечила мероприятию успех, а автору драмы — известность. Собранные деньги пошли на выкуп сидящих в тюрьме должников. Позднее Шишкова неприятно волновала мысль о том, что в числе зрителей был престолонаследник Павел Петрович, которому не могло нравиться восхваление нелюбимой им матери и отсутствие упоминаний о своей персоне⁷⁸.

Драму «Невольничество» можно назвать первым опытом Шишкова по конструированию патриотической идеологии, основанной на идее преданности христианской вере, самодержавию и родной стране. Сюжет произведения строился вокруг побед России в Русско-турецкой войне (1768–1774). Главный герой пьесы Добромysl после битвы с турками оказался в алжирской тюрьме, где он встретил свою возлюбленную Честану. Вместе они перенесли все тяготы неволи: побои, насмешки, непосильный труд, сидение в цепях. Пленники с грустью вспоминали о России как о стране, где процветали «премудрости и спокойствия»⁷⁹.

Намеренная идеализация автором пьесы жизни в империи соответствовала его цели — возвеличить просвещенное правление Екатерины II. В сочинении она представала в образе матери, пекущейся о русских подданных. С ее именем на устах они, как неустрашимые львы, бросались на превосходящих числом врагов. В пьесе императрица являла собой пример щедрости и милосердия, заступалась за бедных, покровительствовала труду и наукам. Ее царствование, по мысли Шишкова, являлось для России Божьей милостью: «Все-сильный Бог, благословивший Ея владычествовать над нами, за благоденствие подданных да награждает Ее непрестанно дарами щедроты Своей», — говорилось в сочинении⁸⁰.

Шишков всегда воспринимал Екатерину II как идеальную государыню. По словам мемуариста В.И. Панаева, он ее «обожал»⁸¹. В свои поздние годы адмирал собрал рассказы о ней русских и иностранных современников в надежде, что потомки смогут по достоинству оценить ее долголетнее царствование. Эти истории составили его «Достопамятные сказания об императрице Екатерине Великой».

В сочинении описывались нрав и характер императрицы — Екатерина II, любящая свой народ, русскую армию, флот, просто и непринужденно обращалась с подданными. Она являлась защитницей свободы, ибо «не любила даже и животных для своего удовольствия держать в неволе»⁸². Шишков показывал ее строгой блюстительницей законов, которая не давала спуска даже приближенным к себе «вельможам». Как следует из собранных им историй, императрица прощала личные обиды. Чуждая мстительности, она была выше симпатий и антипатий, ценила в людях способности и стремление

быть полезными Отечеству, умела наказывать, не прибегая к жестокости, отличалась проницательностью и не терпела наущничества. Пышность екатерининского двора, поражавшего современников, представлялась Шишкову доказательством могущества империи. Иностранцы в «Достопамятных сказаниях» восхищались распространением в России при Екатерине II просвещения, искусств, художеств, ремесел, расширением торговых связей с Европой, восторгались великолепием Петербурга, их удивляла обширность земель и впечатляли победы страны над врагами, они свидетельствовали о любви русских подданных к своей правительнице.

Шишков считал разумным принцип, сформулированный в любимой поговорке монархини: «Поживем сами и дадим жить другим». Все, что она делала, по его мнению, было направлено на благо и свободу русского народа, включая репрессивную составляющую позднего правления Екатерины II: «Благая власть не стесняет человеческую жизнь, любит общее спокойствие и свободу, обуздывая токмо разрушающее их буйство страстей», — отмечалось в сочинении⁸³.

Причастность императрицы к убийству Петра III в 1762 г. Шишков отрицал, считая это клеветой зарубежных писателей. Само царубийство он оправдывал общественными чаяниями тех лет и благостью екатерининского правления: «Смерть Петра Третьего была необходимым и не зависевшим от ее (Екатерины II. — А. Г.) воли следствием, перемена, которая произошла не от частных ухищрений, но от общего расположения умов. Тридцатичетырехлетнее царствование ее доказало, что она искала престола не по духу властолюбия своего, но для избавления себя от угрожавших ей бедствий и для народного блаженства» — говорится в «Достопамятных сказаниях»⁸⁴.

Таким образом, политические взгляды А.С. Шишкова были ориентированы на просвещенный абсолютизм, при котором единовластие монарха сочетается с уважением прав подданных. Он не был сторонником деспотии и тирании, не считал произвол типичным признаком управления Россией.

Понимание ценности некоторой автономии общества от верховной власти позволяло молодому Шишкову критиковать нравы той эпохи. Об этом свидетельствует выполненный им в первой поло-

вине 1780-х гг. перевод с французского языка стихотворения «Старое и новое время». Из восьми строф первые две были опубликованы в 1784 г. в журнале «Собеседник любителей русского слова». В 1789 г. стихотворение напечатано полностью в масонском журнале «Беседующий гражданин», издававшемся «Обществом друзей словесных наук». На склоне лет автор поместил его в четырнадцатом томе собрания своих сочинений⁸⁵.

Во французском произведении, содержание которого соответствовало взглядам переводчика, «старые» времена представляли собой идиллическую картину, где люди не лгали, во всем проявляли умеренность, воздержанность, честность, совесть и добродетельность. Этому вымышленному периоду противопоставлялись пороки современности: издоимство в судах, плохое воспитание молодежи, ее невоздержанность и бесстыдство⁸⁶.

Для некоторых советских и современных исследователей симпатии Шишкова к эпохам прошлого являлись признаком утопичности его взглядов. Так, например, М.Г. Альтшуллер полагал, что «прежние веки» в «Старом и новом времени» «суть не что иное, как страстно желаемое будущее»⁸⁷. По его словам, « всю свою жизнь Шишков стремился к принципиально недостижимой цели: возродить и оживить ту утопическую Россию, которой на самом деле никогда не существовало »⁸⁸.

Это мнение представляется не вполне справедливым. Шишков искал национальную идентичность в русской старине, надеясь на органичное включение ее элементов в народное воспитание. О полном же возрождении всего старого он никогда не вел речь. Трактовать в таком ключе его взгляды — значит грубо их упрощать.

Нравоучительный характер имела переведенная Шишковым с немецкого языка «Детская библиотека» известного писателя И.Г. Кампе, поклонника педагогических идей Ж.-Ж. Руссо. Перевод был выполнен по поручению президента Академии наук С.Г. Домашнева и в 1783 г. появился в печати. Он представляет собой творческую переработку произведений различных жанров (пьесы, басни, стихи и др.). В нем Шишков заменил немецкие имена русскими, добавил местный колорит⁸⁹. В итоге у него получилось собрание детских повестей и стихотворений. Через них, по словам беллетриста П.П. Сухонина, детям «внушалось послушание советам опыт-

ности, сочувствие страданию ближнего, внимание к его нуждам; одним словом: любовь, кротость, милосердие и послушание»⁹⁰.

Детские стихи Шишкова, в особенности «Николашина похвала зимним утехам»⁹¹, пользовались большой популярностью и неоднократно переиздавались. Н.И. Греч вспоминал, что выучил их наизусть⁹². По словам С.П. Жихарева, они «получили такую народность, что, кажется, нет ни в одном русском грамотном семействе ребенка, которого не учили бы лепетать:

Хоть весною
И тепленько,
А зимою холодненько,
Но и в стуже
Нам не хуже...
и проч.»⁹³

Успех «Николашиной похвалы» был связан с развитием русского национального самосознания. По словам К.Г. Боленко и Е.Э. Ляминой, Шишков удачно «обыграл один из стереотипов этого сознания: Россия — страна снегов, зима — русская стихия»⁹⁴. В итоге стихи так прочно связали с автором, что в дальнейшем использовали в пародиях на него и близких к нему писателей. Так, например, попечитель Санкт-Петербургского учебного округа, впоследствии министр народного просвещения С.С. Уваров высмеял А.С. Шишкова на заседании литературного кружка «Арзамас»⁹⁵ 25 ноября 1815 г., изобразив его «Седым дедом», повелителем зимы по аналогии с Дедом Морозом. Нужно заметить, что облик Шишкова — седые волосы и насупленные брови — давал лишний повод к такому сравнению. Его литературной подражательнице А.П. Бунинной Уваров отвел роль Снегурочки, которая между «игр в снежки или в салазки» согревалась нравоучениями «дедушки»⁹⁶. «Николашина похвала» стала использоваться для насмешек над шишковской Российской академией:

Хоть в России и умненько,
В Академии глупенько,
Но и в луже
Нам не хуже.
Здесь Хвостовы⁹⁷, Соколовы⁹⁸
и т.д.⁹⁹

В 1788–1790 гг. литературная деятельность А.С. Шишкова была прервана войной со Швецией. Этому событию отечественной истории он посвятил «Оду на победу, одержанную над шведским флотом под Ревелем 2 мая 1790 г.»¹⁰⁰ и книгу «Военные действиях российского флота против шведского в 1788, 89 и 90 годах»¹⁰¹, где подробно рассматривался ход морского противостояния, маневры Балтийского флота, донесения, распоряжения командиров кораблей. Главными успехами кампании (1788–1789) Шишков считал спасение русской эскадры, запертой шведами в Копенгагене, а также недопущение доминирования неприятельского флота. Он видел в этом заслугу адмирала В.Я. Чичагова, который, по его словам, «больше помышлял о пользе отечества, нежели о своей собственной»¹⁰².

В чине капитана второго ранга 23 мая 1790 г. Шишков принял участие в морском сражении у Красной Горки¹⁰³. Гребной фрегат «Св. Николай» под его командованием отбивал шведскую атаку. По словам Шишкова, за весь день сражения не произошло ничего особенного, кроме «обыкновенных следствий битвы, ничем еще не решенной»¹⁰⁴. На следующее утро бой возобновился. После получения известий о готовящемся соединении Кронштадтской и Ревельской российских эскадр неприятельский флот отступил. В.Я. Чичагов взял Шишкова на свой корабль «для особых поручений»¹⁰⁵. Там он пребывал до прорыва шведского флота из Выборгской бухты, произошедшего, по его мнению, из-за некомпетентности некоторых российских командиров.

Накануне этой неудачи Чичагов направил Шишкова в Царское Село к императрице с докладом о военных победах. Несмотря на известие об исходе сражения у Выборга, Шишков был представлен к награде, и 23 июня 1790 г. кн. А.А. Безбородко вручил ему золотую шпагу с надписью «За храбрость», а также золотую осыпанную бриллиантами табакерку и 500 червонцев. Табакерку А.С. Шишков хранил всю свою жизнь как величайшую ценность и предмет гордости, подаренный ему Екатериной II. Незадолго до своей смерти он передал табакерку своей племяннице П.Д. Ушаковой (рожденной Шишковой), от которой она перешла к князю А.М. Волконскому. Дальнейшая ее судьба неизвестна¹⁰⁶.

Большое влияние на формирование взглядов Шишкова оказали события французской революции 1789 г. На них он откликнулся в «Оде

на покорение Польши». В стихотворении революция представлена в образе «лютого, стоглавого, ядовитого змея», «сосавшего кровь» «несчастливых граждан», не щадившего даже стариков, женщин и детей. Причиной кровопролития автор считал антирелигиозные идеи французских просветителей, которые, по его словам, как «суетумудрые» «икары» «противились Богу» и «в буйстве небеса хулили»¹⁰⁷.

Таким образом, Шишков обозначил в своем творчестве консервативное отрицание всемогущества человеческого разума, возведенного в культ новой философией, и противопоставил ему ценности традиционного порядка, прежде всего христианскую веру. Активное внедрение такого рода установок в общественный дискурс осуществлялось основоположниками европейского консерватизма Э. Берком, Ф.-Р. Шатобрианом, Ф. Шлегелем, Ж. Местром. А.С. Шишкова по праву можно поставить в один ряд с этими талантливыми мыслителями¹⁰⁸.

Размах революционного террора, показанный в «Оде на покорение Польши», поражает воображение: расстрелы семейств, затопление кораблей с людьми, массовые гильотинирования, казнь королевской четы, а также тюрьмы, переполненные женщинами, кричащими нагими детьми, мертвецами и смертельно больными. Все это происходило на фоне нелепых подозрений и клеветы. По словам Шишкова, людей отправляли на тот свет «за каждый смех, улыбку, речь»¹⁰⁹.

Изображенные им картины «ада» революционной Франции не были должным образом осмыслены российским обществом. Причиной революции, если следовать риторике автора стихов, стали мечтательные идеи интеллектуалов, отринувших христианскую веру и всецело положившихся на рациональные схемы построения лучшей жизни. Расплатой же была Божья кара в виде кровопролития.

Поднявшейся против России под руководством Т. Костюшко Польше в «Оде» Шишкова отводилась роль «орудия» французов, восставшим — их коварных подражателей:

Пружина дерзких супостат,
Приемля буйный их разврат,
На пагубу свою стремится.
И словом вольности пустым
В безумии своем гордится,
Как неким благом вседагим¹¹⁰.

В усмирении поляков А.В. Суворовым (1794 г.) автор стихов видел подавление хитрого заговора, а в Российской империи — главный оплот христианской цивилизации на пути революционных «варваров». На фоне французского безначалия Шишков воспевал российскую стабильность, охраняемую самодержавной властью, а также кротость и смирение русского народа. Взаимоотношения между верховной властью и народом изображались им в виде сельской идиллии, в которой императрице отводилась роль заботливого «пастыря», а ее подданным — «стад тельцов и агнцов»¹¹¹.

Обратной стороной положительного отношения Шишкова к патерналистской модели общественного устройства являлась неприязнь к реформам. По его мнению, незнание «перемен» являлось залогом счастья и процветания русского народа¹¹². Породившая реформаторские чаяния идейно-философская жизнь Запада начинала восприниматься им как угроза стабильности.

В 1790-х гг., согласно мемуарам живописца Ф.П. Толстого, Шишков проживал в столичной квартире по соседству с семьей его отца, начальника Кругкомиссариата Военной коллегии графа П.А. Толстого. Так, вспоминая события своего детства после окончания русско-шведской войны, мемуарист отметил: «С дачи вернулись мы уже не в нашу квартиру в комиссариате, а в дом Шенина в коротенькой улице между Большим театром и собором Николы Морского — в среднем этаже. В этом же доме жил в верхнем этаже Александр Семенович Шишков, тогда известный по своим сочинениям»¹¹³.

Не исключено, что между соседями установились тесные связи. Брат А.С. Шишкова Ардалион¹¹⁴ до 1792 г. служил под началом П.А. Толстого. Другой брат, Дмитрий¹¹⁵, в 1795 г. женился на дочери графа Вере Петровне, которая умерла во время вторых родов (1798 г.)¹¹⁶. Сам А.С. Шишков после 1812 г. председательствовал в комитете при Российской академии, созданном для содействия Ф.П. Толстому в изготовлении медальонов, посвященных войне с Наполеоном.

Около 1795 г. Александр Семенович женился на вдове Дарье Алексеевне (1756–1825), дочери контр-адмирала А.Е. Шельтинга. Она являлась голландкой и сохраняла протестантскую веру, несмотря

на то что род Шельтингов укоренился в России с петровских времен. Выбор Шишковым супруги вызвал недоумение у некоторых его литературных поклонников. Так, в конце 1808 г. молодой, националистически настроенный С.Т. Аксаков при первом знакомстве с семьей своего кумира смутился, узнав о том, что «ревнитель целостности языка и русской самобытности, твердый и смелый обличитель торжествующей новизны и почитатель благочестивой старины, этот открытый враг слепого подражания иностранному <...> православный Шишков» имел жену лютеранку¹¹⁷.

Брак оказался счастливым. С Дарьей Алексеевной Шишков прожил более 30 лет, вплоть до ее кончины. Она вела домашнее хозяйство, а супруг, по словам С.Т. Аксакова, являлся «совершенным дитя в житейском быту; жил самым невзыскательным гостем в собственном доме, предоставляя все управлению жены и не обращая ни малейшего внимания на то, что вокруг него происходило»¹¹⁸. С его стороны никогда не было патриархального диктата и притеснений. Являясь заботливым мужем, Шишков избегал открытых ссор, серьезно относился к просьбам Дарьи Алексеевны. С ее помощью он поддерживал дружеские связи с домами М.М. Бакунина, М.С. Перекусихиной, Г.Р. Державина, И.И. Кушелева и Н.С. Мордвинова¹¹⁹.

Супруги своих детей не имели¹²⁰. В их доме воспитывались племянники Шишкова Александр и Дмитрий Ардалионовичи. По обыкновению того времени, в дом был нанят французский гувернер. Племянники, жена и гости в присутствии главы семейства разговаривали по-французски. Их частый посетитель С.Т. Аксаков замечал, что Дарья Алексеевна очень плохо владела французской речью, «за что и страдала впоследствии в большом свете», но в то же время она считала борьбу мужа за «чистоту» русского языка «патриотическими бреднями»¹²¹.

К концу екатерининского царствования Шишков создал себе репутацию видного теоретика в области морского дела. И.Л. Голенищев-Кутузов привлекал его к изданию научных работ по флотской части. Их целью было систематизировать имевшиеся знания¹²². В 1793 г. Шишков издал на базе корпусной типографии книгу Шарля Ромма «Морское искусство». Этот объемный труд в 900 страниц, представлявший собой важнейшее руководство по корабле-

строению, навигации и морской тактике, был популярен у моряков и 100 лет спустя. Однако автор едва добился, чтобы его напечатали. В.Я. Чичагов, узнав, что директор Морского кадетского корпуса был в родстве с Шишковым, воспротивился изданию книги. Тогда приближенный к Великому князю Павлу Петровичу капитан первого ранга Г.Г. Кушелев убедил автора поднести «Морское искусство» цесаревичу. Работа очень понравилась будущему императору и снижала автору его благосклонность.

В 1795 г. Шишков выпустил еще один серьезный труд «Трехязычный морской словарь на английском, французском и немецком языках», который тоже пользовался популярностью в профессиональной среде и был переиздан с дополнениями в 1832–1840 гг. Ученым комитетом Главного морского штаба¹²³. В нем давался русский перевод основных морских терминов, что облегчало гардемаринам знакомство с флотской жизнью.

Нацеленность на систематизацию имевшихся знаний была характерна для крупнейшего в то время центра изучения русского языка и словесности — Российской академии, где велась работа над словарем славянских языков. В декабре 1796 г. Шишков стал членом этого учреждения.

В том же году он стал членом канцелярии командующего Черноморским флотом князя П.А. Зубова, фаворита Екатерины II, по-прежнему, впрочем, проживая в Петербурге.

Таким образом, вторая половина екатерининского царствования стала для Шишкова периодом карьерного роста. За два десятилетия преподаватель морской тактики в кадетском корпусе стал видным флотским теоретиком, имевшим практический и боевой опыт военной службы. Своими художественными произведениями и научными трудами Шишков обратил на себя внимание общественности и монарших особ. Тогда же произошло становление его консервативных взглядов, о чем свидетельствовали основные послы его раннего творчества: могущество и процветание России возможно лишь при отсутствии перемен, при самодержавной форме правления, образцом которого являлся просвещенный абсолютизм Екатерины II, а также при воспитании в русском народе христианских добродетелей. Антитезой этому для Шишкова являлись ценности французской революции,

которая проложила путь к низвержению традиционных основ общества, христианской веры, власти аристократии и древних династий. Революция 1789 г. ключевым образом повлияла на неприятие им богоборческих, рационалистических установок философии Просвещения.

§ 3. Служба в правление Павла I

Сие уничижительное подражание пруссакам напоминало забытые времена Петра III.

А. С. Шишков

Оценка, данная А.С. Шишковым царствованию Павла I, выстраивалась на контрасте с правлением Екатерины II. Смерть императрицы 6 ноября 1796 г. была для него сродни «погасанию Российского солнца», а въезд ее сына в Зимний дворец — «неприятельским нашествием», в результате которого «весь прежний блеск, вся величавость и важность двора исчезли. <...> Люди малых чинов, о которых день тому назад никто не помышлял, никто почти не знал их, — бегали, повелевали, учреждали. В один час все так переменялось, что казалось, настал иной век, иная жизнь, иное бытие»¹²⁴.

Как следует из монументального труда Н.К. Шильдера «Император Павел Первый. Историко-биографический очерк», Шишков являлся одним из многих мемуаристов, для кого царствование «Русского Гамлета» означало отказ от роскоши и пышности екатерининского двора, установление казарменных порядков под управлением гатчинских любимцев самодержца, армейской муштры, нелепых подражаний Пруссии, преобразований, проводимых из «ненависти к матери»¹²⁵. Адмирал вспоминал об этом следующее: «Все пошло на прусскую статью: мундиры, большие сапоги, длинные перчатки, высокие треугольные шляпы, усы, косы, пукли, ордонансгаузы, экзерциргаузы, шлагбаумы (имена доселе неизвестные) и даже крашение, как в Берлине, пестрою краскою мостов, будок и проч. Сие уничижительное подражание пруссакам напоминало забытые времена Петра Третьего»¹²⁶. Особенную неприязнь у него вызвала мелочная регламентация обуви: «Поутру надобно было выходить

на вахтпарад в маленьких сапогах, потом ехать верхом за государем в больших и потом опять переобуваться в маленькие. И это всякий божий день!»¹²⁷

В начале царствования Павла I А.С. Шишков беспокоился о том, что его переведут служить из Петербурга на Черноморский флот. Этот страх усиливался от воспоминаний о неприятном для нового императора восхвалении его матери в пьесе «Невольничество» и от участвовавших арестов. Кроме того, Шишков, как и все российское общество, не мог без содрогания наблюдать за церемонией погребения Екатерины II. Для этого события Павел I приказал вырыть гроб ее мужа Петра III и везти его впереди своей нелюбимой матери.

Как писал об этом периоде исследователь И.В. Меркулов, Александр Семенович «ощущал себя будто вблизи кипящего котла, готового всякую минуту взорваться и погубить его»¹²⁸. «Каким образом он мог удержаться при сумасбродствах того времени?» — недоумевал Н.Н. Булич¹²⁹.

Впрочем, недруг Шишкова П.В. Чичагов полагал, что между ним и Павлом I еще в екатерининское правление установились доверительные отношения, он «втерся к наследнику престола и льстил ему, одобряя его неприязнь к матери»¹³⁰. В этих словах есть доля правды. Уже в царствование Екатерины II престолонаследник мог знать Шишкова лично через своего наставника по морской части И.Л. Голенищева-Кутузова. О чем они говорили в то время? Мемуары адмирала об этом умалчивают. Зато его рукописи явно следуют политическим тенденциям, направленным на обличение тиранического характера правления Павла I. По меткому замечанию К.Г. Боленко, после убийства императора симпатии к нему не добавляли политических дивидендов¹³¹.

Все же критика Шишковым Павла I была умеренной, по сравнению с некоторыми из его современников. Так, например, Н.М. Карамзин в «Записке о древней и новой России» очень резко отзывался о Павле Петровиче. Он сравнивал императора с Иваном Грозным, приписывал ему казни безвинных, незаконные, отношение к подданным как к рабам. По его словам, Павел I заставил ненавидеть злоупотребления самодержавия так же, как якобинцы научили ненавидеть «республики»¹³². Шишков же не забывал говорить о благах, которые сделал для него покойный импе-

ратор. Отправка на Черноморский флот так и не состоялась, он стал капитаном первого ранга (то есть полковником). На вахтпараде Павел I удостоил Александра Семеновича своим вниманием и, дав поцеловать руку, любезно произнес: «Поди, поди домой. Я знаю, что ты болен. Береги здоровье: ты мне надобен»¹³³.

Новый император сделал А.С. Шишкова помещиком средней руки. Во время коронации в Москве 5 апреля 1797 г. Павел Петрович раздал в частные руки более 82 000 душ крестьян¹³⁴. За Шишкова ходатайствовали Г.Г. Кушелев и гр. А.А. Безбородко. В итоге ему досталось 250 душ крестьян, состоявших в деревнях Козловской волости Бежецкого уезда, с «землею, санными покосами, лесами, мельницами, рыбными ловлями и со всеми угодьями»¹³⁵. До этого его доходы состояли в «одном только весьма небольшом жаловании»¹³⁶.

В дальнейшем Шишков стремился выслужиться перед Павлом I, что требовало умения угождать переменчивому характеру императора. Ему это удавалось. В первой половине июля 1797 г. Павел Петрович вместе с семьей в сопровождении свиты посетил Российский флот в Финском заливе. Эскадр-майором на его фрегате «Эммануил» был капитан 1-го ранга А.С. Шишков. Император внимал его советам и удовлетворил заступничество за адмирала А.И. Круза, посадившего корабль на мель. Александр Семенович почти не отходил от Павла I, старался улавливать его настроение, иной раз мог ему льстить и заискивать. Все это он даже не пытался утаивать и в душе не стеснялся своей угодливости: «Читатель! Ты назовешь меня льстецом. Виноват! Но прости меня за то, что я не скрыл от тебя моего греха!» — писал Шишков¹³⁷. Он с гордостью вспоминал, как на вопрос государя о том, когда переменится ветер, сказал, что это произойдет после того, как стихия налюбуется развивающимся императорским штандартом, не виданным в Балтийском море со времен Петра I.

Сравнение с царем-реформатором нравилось Павлу I, однако он полагал, что Шишков написал много лишнего в «Журнале кампании 1797 года», посвященном их десятидневному морскому походу. Строчка из этой книги — «краткое на флоте пребывание Вашего Императорского Величества останется навсегда в памяти потомков» — смутила его¹³⁸.

Благодаря услужливости Шишков стал «домашним» человеком Павла I и получил звание генерал-адъютанта¹³⁹. Поначалу высокий чин был ему дорог. Однако вскоре он был разочарован, поскольку не получил помощников и все императорские распоряжения ему приходилось выполнять самому. Из привилегий не любившему верховую езду Шишкову предоставили лишь право сопровождать государя в дамском экипаже императрицы, что порой вызывало насмешки окружающих.

Ему приходилось выполнять бестактные, если не сказать унижительные для просвещенного дворянина, просьбы своенравного самодержца. В середине 1820-х гг. он пересказал родственнику своей второй жены Ю.О. Лобаржевской молодому О.А. Пржецлавскому весьма показательный в этом отношении случай. Однажды Шишков сопровождал Павла I на балу у князей Гагариных. Один из гостей омрачил хорошее настроение императора, позволив себе явиться позже него. О том, что было дальше, О.А. Пржецлавский повествовал следующее: «Едва граф успел переступить порог, как государь, обращаясь к Шишкову, говорит: “Флигель-адъютант, ступай к графу К. и скажи ему, что он дурак”. Александр Семенович говорил, что никогда в жизни не был в таком затруднительном положении, как в эту минуту, тем более что тот, кому велено было сказать такую любезность, был знатная особа. Но делать было нечего. Он подходит к этой особе и с низким поклоном начинает: “Государь император приказать...” Но государь, шедший вслед за ним, перебивает и вскрикивает: “Не так, говори как приказано и больше ничего!” После того молодой офицер¹⁴⁰, снова раскланявшись, во всеуслышание произнес: “Ваше сиятельство, вы дурак”. — “Хорошо”, — похвалил государь и отошел. На другой день Шишков ездил к графу извиняться в невольной дерзости; это, кажется, было лишнее и только напомнило пациенту о вчерашней невзгоде»¹⁴¹.

Подобные поручения отбивали у него желание посещать императорский дворец. Впрочем, он пользовался огромным доверием Павла I. В декабре 1797 г. тот направил его в Вену с важным заданием: вербовать на русскую службу голландских офицеров и матросов, которые покинули свою родину после нашествия французов¹⁴². Для выполнения поручения ему был предоставлен вексель на большую по тем временам сумму в 80 тыс. руб.¹⁴³

После провала этой затеи Павел I позволил Шишкову поправить здоровье в Карлсбаде. Вместе с тем ему вменялось доносить о «поведении и связях» находившихся там русских сановников А.К. Разумовского, П.А. Зубова и одного из убийц Петра III А.Г. Орлова-Чесменского¹⁴⁴. Как оказалось впоследствии, император не напрасно опасался заговора в дворянских верхах.

Шишков тяготился возложенной на него ролью доносчика, как и своим обязательством перед императорским любимцем И.П. Кутайсовым возить по Европе его непослушного сына Павла. В ходе той девятимесячной командировки Александр Семенович вел привычную для себя светскую жизнь: играл в карты, посещал театры, балы, казино, галереи, достопримечательные места, дома российских дипломатов А.К. Разумовского, И.И. Местмахера, встречался с иностранными высокопоставленными лицами и даже с саксонским герцогом Фридрихом Августом. В одном из берлинских трактиров он воочию видел деятеля французской революции аббата Сийеса: «Я не хотел его видеть, ибо не мог тогда терпеть сих революционных воронов, с такою жадностью пивших кровь человеческую», — вспоминал Александр Семенович¹⁴⁵.

Если верить позднему Шишкову, он доложил Павлу I о том, что не приметил за А.Г. Орловым и П.А. Зубовым «ничего худого»¹⁴⁶. Последний в итоге стал одним из цареубийц. Можно лишь догадываться о содержании личных разговоров Шишкова с императором о настроениях российского дворянства за рубежом, но как мемуарист он показывал свою близость к противникам свергнутого «тирана».

После возвращения из Европы Александр Семенович стремительно пошел вверх по карьерной лестнице. В благодарность за сохранение командировочных средств Павел I назначил его дежурным при дворе. Новая должность требовала вставать ранним утром, чтобы занять свое место во дворце и приветствовать проходящего мимо императора. Однажды он допустил оплошность, заснув на посту и не заметив, как тот прошел мимо него. Вскоре Павел I отстранил его от придворных дел. Тем не менее Шишков был назначен членом Адмиралтейств-коллегии, 9 мая 1799 г. произведен в вице-адмиралы, а 3 декабря того же года награжден орденом Святой Анны 1-й степени¹⁴⁷.

Достижение высокого воинского звания в сорокапятилетнем возрасте не в последнюю очередь объясняется его заслугами по научной части. Шишков занимался историографией отечественного флота и изданием профессионально-тематической литературы. В начале 1799 г. он выпустил «Список кораблям и прочим судам всего Российского флота от начала заведения оного до нынешних времен с историческими, вообще о действиях флотов и о каждом судне, примечаниями». На заседании Адмиралтейств-коллегии 22 ноября 1799 г. вице-адмирал предложил учредить «Комитет для издания собраний, касающихся до кораблестроения и прочего». По его замыслу, Комитет должен был включать в себя компетентных офицеров, корабельного мастера, переводчика, членов Адмиралтейской коллегии, а также профессора Академии наук. Новому учреждению предстояло поставить морское дело на научную основу, систематизировать имеющиеся знания, издавать периодическую литературу, переводить иностранные книги¹⁴⁸.

Стремясь повысить эффективность работы своего детища, А.С. Шишков задумывал основать «частные комитеты» в Кронштадте, Ревеле и на Черном море со своими библиотеками. В его планы входило проведение в них лекционных занятий профессорами математики, натуральной философии, права и земледелия. Отличившимся офицерам предполагалось выдавать аттестаты, которые должны были учитываться при произведении в морские чины. Просвещение офицерства являлось приоритетом для Шишкова.

Работа Морского комитета к концу царствования Павла I все больше сосредоточивалась вокруг филологических задач. Для редактирования офицерских сочинений вице-адмирал хотел ввести в его состав двух профессоров русского языка и словесности. От них требовалось отдавать предпочтение классическому литературному стилю. Ориентированный на французскую речевую практику сентименталистский жанр не приветствовался. Можно согласиться с К.Г. Боленко и Е.Э. Ляминой в том, что неприятие Шишковым французской революции уже тогда переросло в стойкое неприятие употребления французского языка¹⁴⁹.

После смерти Павла I Морской комитет будет временно закрыт в связи с отставкой морского министра Н.С. Мордвинова и приходом на его место П.В. Чичагова. В 1805 г. учреждение возобновит

свою деятельность как департамент. Отношение Шишкова к нему станет более формальным. Типография департамента будет использоваться им для публикации филологических и художественных произведений. Широкие планы развития флотского просвещения останутся позади.

Смерть А.В. Суворова 6 мая 1800 г. стала для окружения Павла I своеобразной проверкой на лояльность. Враждебность полководца к введенным императором прусским порядкам в армии общеизвестна. За выражение скорби по случаю кончины генералиссимуса можно было попасть в опалу: «Все, или, по крайней мере, многие, не только к нему больному, но даже и к телу его, опасаясь царской немилости, появляться не смели», — вспоминал Шишков¹⁵⁰. Для вице-адмирала А.В. Суворов являлся воплощением русской доблести, удали и солдатской смекалки. Он не побоялся прийти на его похороны. Более того, Шишков посвятил покойному полководцу стихотворение, которое распространилось по всему Петербургу и могло дойти до императора¹⁵¹. Таким образом, вице-адмирал к концу правления Павла I позволял себе действовать независимо.

Тем временем в Европе произошла перестановка сил, Англия из союзницы России против Франции превратилась во врага. Поводом к этому послужило занятие англичанами Мальты, которую российский император в качестве великого магистра мальтийского ордена хотел утвердить за мальтийскими рыцарями. В России начались приготовления к войне с владычицей морей.

К тому моменту Шишков из-за болезни вице-президента Адмиралтейской коллегии Г.Г. Кушелева приобрел в этом учреждении большое влияние. В его ведении находилось планирование операций по противодействию морскому могуществу Англии. В одном из разговоров с императором он ссылаясь на опыт войны со шведами, ратовал за усиление обороны Архангельска и ремонт находившихся там судов.

Военные приготовления были нарушены убийством Павла I в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. Известие вызвало у Александра Семеновича противоречивые чувства: «...хотя, с одной стороны, благодарность за благодеяния его ко мне и рождала в сердце моем печаль и сожаление, но с другой — освобождение от беспрестанного страха, в каком я и почти всякий находился, смешивало печаль сию

с некоторой невольной радостью»¹⁵². Убийство Павла I Шишков оправдывал тем же самым общественным благом, что и расправу над его отцом Петром III. По его словам, смерть императора хоть и была «преступлением ужасным, но до такой степени для всех возжеленным, что виновники оно не могли быть ни осуждаемы, ни обвиняемы»¹⁵³.

Говоря о всеобщем «вожделении» смерти императора, вице-адмирал прежде всего выражал мнение российского дворянства. Оно было недовольно посягательством Павла I на свои права и привилегии, закрепленные в «Жалованной грамоте» 1785 г. Самодержец ограничил плоды просвещенной политики Екатерины II в отношении правящего сословия. Он вернул телесные наказания: за уголовные преступления стали наказывать кнутом с вырезанием ноздрей, клеймить и ссылая в «тяжкую работу»¹⁵⁴. Дворянское самоуправление попало под опеку администрации. Восстанавливался принудительно-обязательный характер службы. Частым явлением стало исключение из нее за маловажные проступки. Такое наказание, по словам С.А. Корфа, фактически «выключало» дворян из общественной жизни и означало запрет на участие в сословном, государственном и гражданском управлении¹⁵⁵. Ко всему этому следует прибавить репрессии Тайной экспедиции против российских верхов, палочную муштру и прусские порядки в армии.

Самовластие Павла I вошло в противоречие с принципами взаимного доверия, уважения и добровольного сотрудничества между монархом и правящим сословием, которые лежали в основе просвещенного абсолютизма Екатерины II. Для, безусловно, просвещенного дворянина А.С. Шишкова, знавшего иностранные языки, сведущего в художественной и научной литературе, не раз бывавшего в Европе, предпочитавшего беспрекословному подчинению приказам начальства теоретическую и филологическую деятельность, было неприятно выполнять бестактные, унижительные поручения самодержца, повинуюсь мелкой прихоти, в лицо называть равных себе дураками, доносить, одеваться в неудобную прусскую одежду. Впрочем, все это не помешало Шишкову сделать карьеру, обзавестись поместьем и стать вице-адмиралом флота.

Глава II

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ А.С. ШИШКОВА В 1801–1814 гг.

§ 1. Вице-адмирал в полемике «о старом и новом слоге русского языка». Предтеча славянофилов

Он имел славу быть первым у нас славянофилом.

Ф.Ф. Вигель

Правление Александра I положило начало широкой дискуссии о настоящем и будущем России, в ходе которой формировались такие идеологические направления, как либерализм и консерватизм. Происходило это не в последнюю очередь благодаря тем свободам, которые восстановил молодой император, взошедя на престол. Своими первыми указами он оживил положения Жалованной грамоты дворянству, включая отмену телесных наказаний, и грамоты, данной городам, освободил заключенных, каторжников, ссыльных, осужденных Тайной экспедицией, а ее саму упразднил.

Либерализацию общественной жизни и обещание Александра I править «по законам и по сердцу» своей «бабки»¹ Шишков воспринял положительно. Ему казалось, что наступил «поворот от холодной зимы к ясным и теплым дням весны»² и что император продолжит славные дела Петра I и Екатерины II³. Однако вскоре он разочаровывался в своих надеждах. Александр I вынашивал планы конституционных, парламентских и антикрепостнических пре-

образований, чем заслужил себе славу первого либерала на русском престоле⁴.

Иной раз его меры могли напугать современников. Учрежденный в целях реформ «Негласный комитет» вызывал ассоциации с орудием якобинского террора — «Комитетом общественной безопасности». Последний, по словам мемуариста Н.А. Саблукова, «заставлял дрожать на престолах почти всех монархов Европы и потрясал старинные учреждения в самых их основаниях»⁵. Шишков испытывал неприязнь к членам «Негласного комитета»: П.А. Строганову, А.Е. Чарторыйскому, Н.Н. Новосильцеву, В.П. Кочубею. Они, по его словам, называли отечественные законы и порядки «устарелыми, невежественными», твердили императору «возникшие из хаоса чудовищной французской революции... имена вольности и равенства»⁶.

Свое недовольство либеральным курсом вице-адмирал выразил стихами «Реши, Хвостов, задачу», ставшими карикатурой на тогдашних министров. В персонаже «Monsieur Bobo» мемуарист Н.И. Греч угадывал А.Е. Чарторыйского, чей щегольской вид (жабо, лорнет) связывался с французскими модами⁷. По мнению М.Г. Альтшуллера, в «Стихоплете» высмеивался Н.М. Карамзин, а в «Мироправе» — сам Александр I⁸.

Кадровые решения императора вынудили коллег Шишкова по морскому ведомству Н.С. Мордвинова и Г.Г. Кушелева уйти в отставку с занимаемых постов. 31 декабря 1802 г. морским министром стал П.В. Чичагов, сын адмирала В.Я. Чичагова. Это убедило вице-адмирала в том, что Александр I ставит на должности лично преданных ему людей. Шишков связывал с интригами П.В. Чичагова возбуждение императорского гнева по отношению к себе и свою опалу. Он охарактеризовал нового министра как человека надменного, дерзкого на язык и ненавидевшего Россию⁹.

В целом умонастроения «молодых наперсников Александра» виделись вице-адмиралу враждебными к существовавшим порядкам. Заграничный дух преобразований напоминал ему подражание немцам при Петре III и Павле I, а также «хаос» французской революции 1789 г.

Тему пагубности иностранных веяний Шишков поднял в «Рассуждении о старом и новом слоге Российского языка» (1803 г.).

В сочинении критиковалась отечественная «галломания», то есть крайнее пристрастие ко всему французскому (будь то язык, литература, искусство, мода, нравы). Там же осуждались литературные последователи редактора «Вестника Европы» Н.М. Карамзина. Они, по мнению Шишкова, развивали словесность на основе французских книг и переводов, умаляя отечественное наследие: церковные сочинения, летописи, произведения Ломоносова, Сумарокова, Феофана Прокоповича, Кантемира. Это привело к засорению русского языка иностранными словами и к образованию сентименталистского «нового слога» — «французского в штиле элгансу». Источники этого «слога» — французские книги, по мнению вице-адмирала, наносили вред русской нравственности: «Молодому человеку, наподобие управляющего кораблем кормчего, надлежит с великой осторожностью вдаваться в чтение французских книг, дабы чистоту нравов своих, в сем преисполненном опасностью море, не преткнуть о камень»¹⁰, — говорилось в его сочинении.

Вслед за Ломоносовым Шишков помышлял о формировании современного русского языка «на собственной традиционной церковнославянской основе»¹¹. С ее своеобразной интерпретации вице-адмирал и начал свое «Рассуждение»: «Древний славенский язык, отец многих наречий, есть корень и начало русского языка, который сам собою изобилен был и богат, но еще более процвел и обогатился красотами, заимствованными от сродного ему эллинского языка, на коем витийствовали гремящие Гомеры, Пиндары, Демосфены, а потом Златоусты, Дамаскины и многие другие христианские проповедники»¹².

Чтобы уяснить ход его мыслей, обратимся к их источнику — «Предисловию о пользе книг церковных в российском языке» М.В. Ломоносова (1758 г.). В трактате говорилось, что перевод Библии с греческого на «славенский язык» положил начало отечественной книжности, наделив ее красотами эллинской поэзии и ученостью богословия. Со времен князя Владимира она имела свои богатые традиции, тогда как словесность немцев и поляков долго пребывала в упадке, ибо богослужения у них велись на варварской латыни. Продолжением собственных традиций в русском языке был «высокий штиль» поэм, од, прозы — наше

огромное преимущество перед европейцами. Польза православных книг заключалась в уважении церкви и старины, в выражении важных идей «высокими словами» и в отвращении иностранных слов-нелепостей. В конечном счете литературная традиция выступала у Ломоносова источником народного единства, ибо люди со всех уголков России понимали друг друга, были ближе по говору к православным задунайским славянам, нежели к полякам, а немецкие области сохраняли лингвистическую обособленность¹³.

Следуя этим идеям, Шишков стремился культивировать «высокий штиль», наполненный «славянизмами», «архаизмами», «библиизмами», противопоставляя его «пустословию» сентиментальных романов, ориентированных, по его словам, на «слабые умы, которым в сочинениях нужно только согласие звуков, а не основание мыслей»¹⁴.

При этом вице-адмирал шел дальше своего идейного вдохновителя, интерпретируя содержание его трактата как теорию генезиса русского языка от церковнославянского. Ее он поднял на щит борьбы с падкими до всего чужеземного «новыми писателями»: «Мнение, что славенский язык различен с российским и что ныне слог сей неупотребителен, не может служить к опровержению моих доводов: я не то утверждаю, что должно писать точно славенским слогом, но говорю, что славенский язык есть корень и основание русского языка; он сообщает ему богатство, разум, силу, красоту. И так в нем упражняться, и из него почерпать должно искусство красноречия, а не из Боннетов, Вольтеров, Юнгов, Томсонов», — утверждал вице-адмирал¹⁵.

Определяя церковнославянский язык корнем русского, он несколько преувеличивал. Богослужебный язык, ставший на Руси книжным, восходил к южнославянским переводам Библии середины IX в., а потому отличался от русского. Безусловно, он сильно повлиял на него, но не как прародитель, а скорее как ближайший родственник, ведущий вместе с ним начало от единого общеславянского предка¹⁶. Тем не менее язык богослужений является древнейшим письменным образцом речи славян, позволяющим судить об их праязыке. Он же, по словам историка литературы С.П. Шевырева, неразрывно связан с русским языком:

«Разнять их значило бы разорвать самую жизнь нашу на две половины»¹⁷.

Ощущение исконности отечественной словесности не позволяло А.С. Шишкову признавать обветшалыми и чужими слова «дебелый», «доблесть», «присно», «любомудрие», «умodelие», «багряница», «велелепие», «лысто», «напщевать» и др. Не отвергая в принципе саму возможность языковых влияний, он отдавал преимущество использованию русских слов¹⁸. Ими вице-адмирал надеялся заменить близкую по смыслу иностранную лексику. Например, архитектор — зодчий, курьер — гонец, автор — писатель, меланхолия — уныние, героизм — добледушие, религия — вера. Согласно его взглядам, употребление иностранных слов и неологизмов (например, «влияние», «переворот», «развитие», «утонченный») вместо собственной лексики было обусловлено распространением среди дворян ненависти ко всему русскому: к языку, к народу, к обычаям, к вере.

Поклонники сентиментализма, нового слога с неприязнью встретили «Рассуждение» Шишкова. По словам Н.И. Греча, «вся молодежь, все дамы, в обеих столицах, ратовали за Карамзина»¹⁹. С.Т. Аксаков рассказывал, что книга вице-адмирала привела в бешенство студентов Казанского университета и они были готовы с кулаками отстаивать литературную точку зрения Карамзина²⁰.

В 1803–1804 гг. журналы «Московский Меркурий» П.И. Макарова²¹ и «Северный вестник» И.И. Мартынова²² обрушились на Шишкова с критикой. Ему приписывалось непонимание развития языка, намерение запретить отечественные и иностранные книги, положить конец европейскому просвещению в России, вернуть ей невежество старины, грубые обычаи и понятия «бородатых» предков, «обуть нас в онучи и одеть в зипуны», прекратить следование за передовыми западными народами²³.

Негодование образованного общества объяснимо — Шишков задел его за живое, увязав порчу языка с удалением дворян от народных обычаев, а также с их подражанием французам, возникшим вследствие иностранного воспитания. Вряд ли европеизированным русским было приятно читать, что «с молоком матери» они впитали любовь к французскому языку и ненависть к своему,

что с самых пеленок они во всем следовали примеру своих западных наставников. По словам Шишкова, дворяне даже одевались, кланялись, пели, кашляли, чихали и сморкались, как французы, а без знания их языка «почитали себя невеждами и дураками». Преклонение перед иностранцами он считал признаком утраты национальной гордости. Французы, по его словам, «запрягли нас в колесницу» и «управляют нами», «мы учителей своих побеждаем оружием, а они победителей своих побеждают комедиями, романами, пудрою, гребенками»²⁴.

Не могла не вызвать злобу оппонентов критика вице-адмиралом антинациональной сущности иностранного воспитания. По его наблюдениям, представители третьего сословия — политические беженцы, преступники, распутники, безнравственные женщины, кучера и парикмахеры — научили российских дворян «презирать благочестивые нравы предков наших, насмехаться над всеми их мнениями и делами»²⁵.

Осуждая российское общество за рабское подражание французам и превознося отечественные традиции, Шишков брал себе в союзники М.В. Ломоносова, чей литературный «штиль» казался Н.М. Карамзину «диким» и «варварским»: «Он (Ломоносов. — А. Г.) писал для людей, любящих язык свой, а не для тех, которые ничего русского не читают, ни языка своего, ни обычаев своих, ни отечества своего не жалуют», — говорилось в сочинении вице-адмирала. — Мы думаем, что мы всегда просвещаемся, когда, оставляя путь предков наших, ходим, как невольники, за чужестранными и в посмеяние себе всякой глупости их последуем и подражаем!»²⁶

Ко всему этому добавим нападки Шишкова на главный символ западного влияния в России — французский язык. «Бедности» последнего он противопоставлял «богатство» и древность церковнославянского: «Славенский язык... в двенадцатом веке уже столько процветал, сколько французский язык стал процветать во времена Людовика XIV, то есть в семнадцатом веке», — с гордостью писал вице-адмирал²⁷.

Следует отметить, что отношение Шишкова к французскому языку определялось его политическими взглядами. Он является видным представителем консервативной идеологии, появление

которой обусловлено реакцией на революцию во Франции 1789 г. Консерватизм провозглашает необходимость эволюционного развития общества с опорой на позитивные традиции прошлого, к которым прежде всего относятся нормы религии и связанные с ними представления о социальной иерархии²⁸. В антиклерикальных идеях французского Просвещения Шишков усматривал истоки кровавых событий 1789 г., а потому отделял «славных» и «отличных» французских писателей прошлого от «худых сплетателей нынешних глупых и нелепых умствований, клевет, небылиц и романов». К последними он причислял Ф. Вольтера, произведения которого пренебрежительно называл «трогательной Заирой, занимательным Кандидом, милой Орлеанской девкой»²⁹. «Порчу» словесности вице-адмирал связывал с потрясениями в Европе: «Когда чудовищная французская революция, поправ все, что основано было на правилах веры, чести и разума, произвела у них новый язык, далеко отличный от языка Фенелонов³⁰ и Расинов³¹, тогда и наша словесность по образу их новой и немецкой, искаженной французскими названиями, словесности стала делаться непохожею на русский язык»³².

Согласно Шишкову, самобытное развитие отечественной культуры могло стать препятствием на пути идеологической экспансии революционной Франции. Такая точка зрения предвляла постановку вопроса об отличии России от Западноевропейской цивилизации³³. Оппоненты вице-адмирала, напротив, выступали с позиций единства европейской культуры³⁴, являлись противниками традиционализма³⁵. По мнению Шишкова, их ориентированность на европейские обычаи таила в себе угрозу исчезновения русской национальности: «Народ, который все перенимает у другого народа, его воспитанию, его одежде, его обычаям последует; такой народ уничтожает себя и теряет собственное свое достоинство; он не смеет быть господином, он рабствует, он носит оковы его, и оковы тем крепчайшие, что не гнушается ими, но почитает их своим украшением», — отмечалось в «Рассуждении о старом и новом слоге Российского языка»³⁶.

В борьбе мнений вызревало зерно будущего интеллектуального противостояния западников и славянофилов. Само слово «славянофил» впервые стало использоваться в качестве насмешливого про-

звища Шишкова. По воспоминаниям Ф.Ф. Вигеля, он «имел славу быть первым у нас славянофилом», «главой славянофилов или варягососсов, как их тогда называть начали»³⁷. По П.А. Вяземскому, «славянофильство Шишкова было своего рода славянофильство кабинетное, литературное, а еще более голословное, корнесловное, буквальное. Он в мир исторический, гражданский и политический не заглядывал»³⁸.

Нельзя во всем согласиться со словами современника. Как можно было удостовериться, вице-адмирал имел твердые взгляды на текущие процессы, подчинял им свои литературные идеи, а с их помощью пытался влиять на общество. В чем Вяземский действительно был прав, так это в том, что Шишков проявлял большой интерес к вопросам лингвистики.

Последнее обстоятельство обуславливалось его членством, а с 1813 г. президентством в ведущем центре по изучению русского языка и словесности — екатерининской Российской императорской академии³⁹. В 1806–1822 гг. учреждение переиздавало «Словарь Академии Российской» (1789–1794). В ходе этой работы вице-адмирал руководствовался опытом предшественников и современных ему лексикографов по замене «чужой» лексики «отечественными» аналогами. Нередко его замены оказывались неудачными. Например, аудитория — слушалище, аллея — прохож, анаграмма — буквопреложение, авторитет — превосходство. На одном из заседаний Академии Шишков и вовсе заявил: «Все иностранные слова следует исключить из Словаря»⁴⁰.

Кроме того, Александр Семенович разрабатывал этимологическое направление, считая, что корни слов есть основной признак особенности языка. Наличие в славянских языках похожих корней привело его к выводу: «Славенским языком говорят многие народы, вне России по лицу земли рассеянные: иллирийцы, моравцы, сербы, поляки, богемцы, краинцы, венды, и прочие. Хотя наречия их различны с нашим, но язык у нас один»⁴¹. Этот язык, по Шишкову, является «древнейшим и первейшим», ибо содержит корни всех иностранных языков⁴².

Развивая такие взгляды, он составлял длинные ряды слов, образованных от «гр», «тр», «хр», поскольку считал их первыми звуками, изданными человеком в подражание явлениям природы:

«Надлежало ли назвать какую-либо невидимую вещь: ум примечал действие и звук ее, или раздробляющийся по воздуху, или вдруг потрясающий оный, или с великим стремлением свистящий. Тогда ухо тотчас давало имена: гром, треск, вихрь», — объяснял свою теорию академик⁴³.

Идеи такого рода при богатстве фантазии в принципе позволяют любой язык назвать первейшим. В условиях невысокого уровня развития филологии А.С. Шишкову приходилось полагаться на собственную интуицию. Однажды она привела его к определению общего корня «дрв» в словах «дерево», «дереву» и «траву», а в наречиях «далеко», «близко», «низко», «глубоко», «широко», «высоко» ошибочно указала на корень «око». Работая над переводом средневековых «Краледворской» и «Зеленогорской» рукописей, оказавшихся подделками чешского филолога В. Ганки, он заметил их сходство с современным ему русским и церковнославянским языками, однако не смог определить, что перед ним фальсификации. Впрочем, в подлинности этих рукописей были уверены многие слависты, в том числе П.И. Шафарик, Ф. Палацкий, О.М. Бодянский, И.И. Срезневский, П.А. Лавровский, А.Н. Пыпин⁴⁴. Чешские патриоты долгое время считали «находки» В. Ганки драгоценными памятниками своей героической истории, а сомневавшихся в этом объявляли врагами.

Именованье современных языков «наречиями», отождествление русского и церковнославянского языков как простого и высоко-го «слогов» одного и того же языка, следование «механистическим» доктринам, в соответствии с которыми можно свободно исключать, заменять и изобретать слова⁴⁵, вызывали в адрес А.С. Шишкова обоснованную критику. В 1810–1811 гг. с критическими замечаниями выступили сотрудник карамзинистского журнала «Цветник» Д.В. Дашков и профессор Московского университета, редактор-издатель «Вестника Европы» М.Т. Каченовский. Они стремились вести полемику в русле научного подхода, чего нельзя сказать о некоторых из их сторонников. Отсутствием уважения к «безумцам», «безграмотным славянам», литературным «раскольникам», к «рыкающему Балдусу» отличался поэт В.Л. Пушкин, дядя А.С. Пушкина. «Нам нужны не слова — нам нужно просвещение», — писал он в «Послании» к В.А. Жуковскому⁴⁶. В его «Послании» к Д.В. Дашко-

ву (1811 г.) позиция А.С. Шишкова расценивалась как религиозный фанатизм:

Кто пишет правильно и не варяжским слогом, —
Не любит русских тот и виноват пред Богом!
<...>
Неужель от того моя постраждет вера,
Что я подчас прочту две сцены из Вольтера?
Я христианином, конечно, быть могу,
Хотя французских книг в камине и не жгу⁴⁷.

Для подобных оценок поэт имел некоторые основания. Ранее Шишков заявил, что противники, «не бывав сроду ни у заутрени, ни у обедни, не хотели верить, что благодатный, неискусобрачная, тлетворный, злокозненный, багрянородный — суть русские слова»⁴⁸. Д.В. Дашков увязал эту фразу с обвинениями в безбожии и богохульстве⁴⁹. Вице-адмирала это не смутило. Он отвечал, что отделение нашей словесности от языка духовных книг имеет целью привязать ее к безнравственным и безрассудным светским сочинениям, которыми переполнены современные журналы⁵⁰.

На протяжении всего времени полемики его позиция не менялась и проистекала из ощущения самобытности народов: «Каждый народ имеет свой состав речей и свое сцепление понятий»⁵¹. Основой русской идентичности для него были язык и вера: «Народ российский всегда крепок был языком и верою. Язык делал его единомысленным, вера — единомушным. Двести лет стонал он под игом татар, но в языке и вере пребыл непреременен», — говорилось в труде А.С. Шишкова «Рассуждение о любви к Отечеству»⁵².

В осознании отечественной самобытности, базирующейся на православной вере, он предвосхищал славянофилов середины XIX в. Наиболее талантливые из них, А.С. Хомяков, братья К.С. и И.С. Аксаковы, братья И.В. и П.В. Киреевские, Ю.Ф. Самарин, сходились в представлениях об «особом пути» России, ориентировались на допетровские обычаи, идеализировали нравы простого народа, культивировали русское национальное самосознание.

В политическом отношении славянофильство часто отождествляется с триадой С.С. Уварова «православие, самодержавие, народность». В царствование Николая I она подвергалась критике либеральной общественности. Из письма В.Г. Белинского к Н.В. Го-

голю от 3 июля 1847 г. следовало, что публика «видит в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от мрака самодержавия, православия и народности, и потому, всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не прощает ему зловредной книги»⁵³.

Накануне и в ходе полемики «о старом и новом слоге русского языка» позиции сторон еще не отличались столь строгой определенностью. Так, например, ранний Н.М. Карамзин мог превозносить западный путь развития как универсальный для всего человечества: «Все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских», — говорилось в одном из его «Писем русского путешественника» (1791–1792)⁵⁴. Вскоре взгляды «Русского Стерна» эволюционировали в сторону защиты национально-культурных и политических особенностей России⁵⁵. Однако это не помешало новому попечителю Московского университета П.И. Голенищеву-Кутузову в 1810 г. доносить министру просвещения А.К. Разумовскому о том, что творчество основателя сентиментализма наполнено якобинскими, безбожными, республиканскими идеями. Карамзин осознал, что многие трактовали его взгляды в превратном виде. Когда в 1816 г. в приемной Великой княгини Екатерины Павловны он впервые встретился с Шишковым, то попытался прояснить свою позицию, сказав вице-адмиралу: «Люди, не знающие коротко ни вас, ни меня, вздумали меня изображать врагом вашим. Они слишком ошибаются. Я привык уважать добросовестных писателей, имеющих в виду общую пользу, хотя и несогласных с моим убеждением. Я не враг вам, а напротив того, считаю себя обязанным вам за многое, что было высказано вами и удержало меня от ошибок»⁵⁶.

В ходе литературной полемики Шишков упредил последующие поколения славянофилов в их идеализации русского прошлого и критике Запада. Эту проблематику он затронул в «Прибавлении к сочинению, называемому “Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка”» (1804 г.). Там говорилось: «Мы оставались еще до времен Ломоносова и современников его при прежних наших духовных песнях, при священных книгах, при размышлениях о величестве Божьем, при умствованиях о наших христианских должно-

стях и о вере, научающей человека кроткому и мирному житию; а не тем развратным нравам, которым новейшие философы обучили род человеческий, и которых пагубные плоды, после толикого пролияния крови и поныне еще во Франции гнездятся»⁵⁷.

Таким образом, отечественную старину Шишков представлял царством духа и миролюбия, где все помыслы людей касались только веры. Иной изображал он Францию с ее рационалистической философией и кровавой революцией. Впоследствии противопоставление культуры современного Запада уникальному историческому пути и культурной специфике России будет присуще славянофилам, предтечей которых можно считать А.С. Шишкова.

По поводу особого склада русского характера Александр Семенович писал: «Мы видим в предках наших примеры многих добродетелей: они любили отечество свое, тверды были в вере, почитали царей и законы: свидетельствуют в том Гермогены, Филареты, Пожарские, Трубецкие, Палицыны, Миныны, Долгорукие и множество других. Храбрость, твердость духа, терпеливое повиновение законной власти, любовь к ближнему, родственная связь, бескорыстие, верность, гостеприимство и иные многие достоинства их украшали»⁵⁸.

Убеждения Шишкова в вековой приверженности русских предков к православию и самодержавию, их благочестию, смирению и семейным связям были присущи славянофилам. Они углубили такого рода представления критикой формально-юридических и индивидуалистических начал Запада. Возникновение последних славянофилы связывали с завоевательным, насильственным характером образования европейских государств. Они усматривали особенности системы социальных установок Запада в главенстве римского права, в приоритете частных интересов над общими, в рыцарских замках, представлявших собой государство в государстве, в поземельной собственности, в борьбе сословий, партий и в революциях. Насилие как принцип взаимоотношений власти и общества было несовместимо с идеями Шишкова, сторонника «медленного органичного развития»⁵⁹.

От восхищения предками он переходил к современному быту, констатируя его различие в высшем и низшем классах: «Мы не для того обрили бороды, чтоб презирать тех, которые ходили прежде

или ходят еще и ныне с бородами; не для того надели короткое немецкое платье, дабы гнушаться теми, у которых длинные зипуны. Мы выучились танцевать минуэты; но за что же насмехаться нам над сельскою пляскою бодрых и веселых юношей, питающих нас своими трудами? Они так точно пляшут, как бывало плясывали наши деды и бабки», — отмечал А.С. Шишков⁶⁰. Как видно, хранителем русского архетипа у него выступал простой народ. Дворянство же отходило от системы ценностей прежнего русского уклада жизни как в идеологии, так и в чисто бытовых вопросах.

Таким образом, вице-адмирал зачинал славянофильскую тему раскола между вестернезированными верхами и патриархальными низами общества. Причину социокультурной пропасти между условиями он видел в западном воспитании дворян: «Осьмилетнее дитя читает у нас, как сам Лакен⁶¹, стихи Вольтеровы и не умеет, не только наизусть, ниже по книге прочитать Блажен муж или Отче наш»⁶². Совсем иным Шишков показывал народное образование: «У нас всякий безграмотный мужик заставляет грамотного сына своего читать перед ним Пролог, Четию-минею и другие духовные книги, разумея и слушая его с удовольствием»⁶³.

В 1805 г. Шишков издал перевод выдающегося памятника древнерусской литературы «Слова о полку Игореве». «Сочинение сие как по древности, так и по красоте своей показалось мне достойным того, чтоб вникнуть и разобрать оное подробнее», — писал Шишков коллеге по Академии М.М. Хераскову⁶⁴. В примечаниях к тексту вице-адмирал развивал патриотические идеи о добрых нравах славян, об их воинской доблести. Связывая расцвет отечественной культуры с принятием православия, ключевое место он отводил киевским князьям Владимиру Святославичу и Ярославу Мудрому. Первый, по его словам, просветил русскую землю святым крещением, а второй распространил грамотность, способствовал переводу греческих книг и созданию русских сочинений. «Тридцатипятилетнее государство Ярослава I надолго осталось в памяти россиян», — с восхищением писал Шишков⁶⁵.

О периоде Древней Руси как о времени расцвета отечественного просвещения он говорил и прежде: «По красоте, с какою предки наши переводили славных греческих проповедников, и по высоте

слов и мыслей, каковыми повсюду в переводах своих гремят они и блистают, достоверно заключить можно, колико уже и тогда был учен, глубокомыслен народ славенский», — указывалось в «Рассуждении о старом и новом слоге»⁶⁶.

Идею о том, что русские не уступали европейцам в образованности, когда придерживались собственных православных основ, впоследствии развивал славянофил И.В. Киреевский. В работе «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» он говорил об удельной Руси как о сети монастырей, озарявших окрестности светом науки, нравственности и законов. По его словам, духовенство связало Русь с тогдашними центрами просвещения: с Царьградом, с Сирией и Афоном. В результате древнерусская образованность быстро достигла высокого уровня, а в библиотеках удельных князей XII–XIII вв. хранилось больше книг, чем в Парижской библиотеке⁶⁷.

Подобно А.С. Шишкову, И.В. Киреевский говорил о культурном разладе между простым народом и воспитанной на западный лад интеллигенцией: «Вся мыслящая часть народа своим воспитанием и своими понятиями значительно уклонилась, а в некоторых и совсем отделилась от прежнего русского быта, изгладив даже и память об нем из сердца своего. Этот русский быт, созданный по понятиям прежней образованности и проникнутый ими, еще уцелел почти неизменно в низших классах народа»⁶⁸.

Народные нравы и православную веру Шишков считал главным отличием России от Европы. По его словам, «Благодаря Святой Вере, научающей нас воздавать Божие Богу и Кесарево Кесареви, благодаря наследственным нам от предков наших благим нравам, Россия еще не такова»⁶⁹. Сохранение этой особенности страны, согласно вице-адмиралу, являлось гарантией от возникновения в ней революций, которые, по мнению славянофилов, являлись логическим продолжением западного пути развития.

Шишков всячески пытался повлиять на дворянство с тем, чтобы оно пересмотрело свое отношение к народу, к его обычаям и культуре, сделав последние источником вдохновения национального творчества: «Обратитесь к нему, согрейте его лучами вашего внимания; не требуйте, чтоб он вдруг и во мгновение ока представил взорам вашим рощи Африканских и Американских деревьев; потерпите...

вы увидите, что он со временем раскинется и будет великолепен; народ то же, что сад. Не отвращай взора от его произведений; полюби сперва несовершенство их, предпочти свое чужому, посели в него честолюбие, возроди ревность, возбуди в нем уважение к самому себе: тогда природное дарование найдет себе пищу, начнет расти, возвышаться, от часу делаться искуснее, и, наконец, достигнет до совершенства», — писал Шишков в одном из полемических сочинений⁷⁰.

Согласно его взглядам, усвоение дворянами народной культуры и воспитание их в русском духе являлись теми средствами, с помощью которых можно было восстановить социокультурное единство нации. Следуя этой цели, он пристально изучал устное народное творчество. В «Разговоре о словесности между двумя лицами Аз и Буки» (1811 г.), составленном из бесед с С.Т. Аксаковым, вице-адмирал вывел классификацию выразительных средств фольклора: частые повторения (ты дуброва моя, дубровушка, ты дуброва моя зеленая), уменьшительные имена (спинка, шейка, уздечка, попонка), частые эпитеты (красное солнышко, светлый месяц, синее море, белая лебедь), инверсии (столы дубовые, скатерти бранные, двери железные, гридни широкие), краткие формы прилагательных (садился на добра коня, мать сыра земля, чужа дальня сторона)⁷¹.

Таким образом, Шишков прокладывал народу путь к литературно-языковой субъектности, от которой было недалеко до оформления понятия «народность». В русском языке этот термин наделяется свойствами иностранного слова «национальность» и увязывается с традициями Российской империи. Политическая подоплека понятия «народность» у классиков славянофильства была связана с борьбой против крепостного права. Почти каждый из них выступал в пользу его отмены. Ю.Ф. Самарин написал известный манифест 19 февраля. А.И. Кошелев задолго до 1861 г. освободил своих крепостных. И.С. Аксаков день отмены крепостного права называл ни много ни мало началом «нового летоисчисления русской истории»⁷².

Идеям «вольности» и равенства сословий Шишков не симпатизировал, но был заботливым помещиком. С.Т. Аксаков отмечал, что он за десять лет владения крепостными не взял с них «ни ко-

пейки оброка». В конце первого десятилетия XIX в. мемуарист засвидетельствовал посещение крестьянами дома вице-адмирала на Фурштатской улице. Он наблюдал радушие и хлебосольство барина, его запрет крестьянам кланяться себе в ноги и восхищение их простонародной речью. По словам С.Т. Аксакова, лишь уговоры жены и Н.С. Мордвинова заставили Шишкова положить на крепостных небольшой оброк, который использовался на их же нужды⁷³.

Мнение о том, что мемуарист «слишком идеализировал своего героя»⁷⁴ отчасти справедливо. Так, например, 12 января 1798 г. Шишков сообщал жене: «Ты пишешь, что мужики к тебе пришли и принесли оброк. Очень хорошо, только так ли ты с ними поступила, чтоб они пошли от тебя довольны и дома бы рассказали, как ты их приняла и угостила. Ежели так, то очень изрядно»⁷⁵. Таким образом, наложение повинностей на крепостных имело место в практике вице-адмирала, хотя сведения на этот счет слишком эпизодичны, чтобы выстраивать из них целостную картину. Общий же тон его речей позволяет говорить об уважительном отношении к простонародью.

Воплощением народолюбия у Шишкова выступала Екатерина II. Несмотря на то, что императрица была немкой по происхождению, она отождествлялась им с любовью ко всему русскому: земле, народу, языку, обычаям, народным платьям, зрелищам, играм, забавам и обрядам⁷⁶. В оппозиции к этому монархическому идеалу стояли подражавшие иностранцам Петр III, Павел I и Александр I.

Объект восхищения западников — Петр I — вызывал у Шишкова противоречивые чувства. С одной стороны, он глубоко его уважал, с другой — осуждал начатую им вестернизацию страны. В 1804 г. вице-адмирал одобрительно отзывался о правлении Петра I. По его словам, тогда из-за рубежа «вызывались корабельные мастера, хлебопашцы, художники, а не учителя для воспитания наших детей», «Петр Великий желал науки переселить в Россию, но не желал из Россиян сделать Голландцев, Немцов, или Французов; не желал Русских сделать не Русскими»⁷⁷. Впоследствии Шишков откровенно высказался об ошибках Петра I: «Он ввел науки и просвещение, но не взял осторожности не допустить вместе с ними войти духу

уничуждения, — писал он вдовствующей императрице Марии Федоровне 25 мая 1816 г. — Отселе есть у нас науки, но нет их корня; есть просвещение, но не собственное свое, а потому не позволяющее быть нам самими нами; мы почитаем себя как бы творением рук чуждых народов. Отселе начало нравственного нашего рабства, от которого мы, при всей силе и торжестве оружия, освободиться не можем; ибо от сего не силой оружия освобождаются, но духом честолюбия и народной гордости, тогда только рождающейся в душах наших, когда воспитывают нас собственные наши отцы, матери и наставники»⁷⁸.

Как видно из этих оценок, Шишков с пониманием относился к приглашению в Россию при Петре I разного рода европейских специалистов. Однако начатый царем-реформатором процесс пересадки на отечественную почву западного образования, по его мнению, породил у русских людей чувство национальной неполноценности. По мысли вице-адмирала, иностранные учителя не могли научить российских подданных почитать собственные обычаи и традиции, любить свою землю и ее историю, не могли воспитать уважение ко всему тому, что составляет основу национального характера. Напротив, они могли обучить русских смотреть на себя глазами тех европейцев, которые считали традиции других народов варварскими.

Понимание негативных последствий европеизации России и необходимости национального воспитания мировоззренчески связывали Шишкова с последующими поколениями славянофилов, которые, так же как и он, выстраивали свои теории вокруг тричастного русского символа «православие, самодержавие, народность». Впрочем, славянофилы середины XIX столетия в идейном плане существенно отличались от своего предшественника. Их самодержавный идеал сочетался с представлениями о глубинных истоках самостоятельности крестьянских общин, народного самоуправления и личной свободы крестьян, то есть с теми демократическими началами, о которых вице-адмирал либо не задумывался, либо трактовал в отрицательном ключе. Самодержавие же в лице Николая I считало идеи славянофилов опасными, несовместимыми с существующим государственным строем, запрещало их к печати, а над ними самими устанавливало полицейский надзор.

Все это не позволяло некоторым исследователям видеть в Шишкове основоположника славянофильского направления. Так, например, академик А.Н. Пыпин утверждал: «Славянофилов нельзя серьезно сравнивать с Шишковым и его приверженцами, как это делал Белинский в разгаре полемики»⁷⁹. На излете советского периода Н.И. Цимбаев вообще отрицал какую-либо преемственность между взглядами адмирала и славянофилов: «Связи с идеями Шишкова, даже в смысле неприятия, отталкивания, у них не было»⁸⁰. Однако большинство исследователей, включая А.Г. Лушникова⁸¹, Ю.З. Янковского⁸², А.Ю. Минакова⁸³, М.Г. Альтшуллера⁸⁴, С.В. Тетеркину⁸⁵, эти связи все же показывали. Их отмечал один из идеологов славянофильства А.С. Хомяков: «...Мы не стыдимся Шишкова и его славянофильства. Как ни тесны были еще его понятия, как ни тесен круг его требований, он много принес пользы и много бросил добрых семян. Правда, почти вся литература той эпохи, все двигатели ее были на стороне Карамзина, но не забудьте, что Грибоедов считал себя учеником Шишкова, что Гоголь и Пушкин ценили его заслуги, что сам Карамзин отдал ему впоследствии справедливость»⁸⁶.

Таким образом, вице-адмирал стал предтечей славянофилов. Его публицистика предвосхитила их вопрос о том, что такое Россия: самобытная, ни на кого непохожая цивилизация или же часть Запада, да притом не самая лучшая, подражающая центру периферия. Эта тема составляла нерв всех последующих общественно-политических споров. Для Шишкова было совершенно очевидно, что западный путь развития, о котором грезили представители тогдашней элиты, являлся для России губительным. Он грозил ей потрясениями, утратой народной гордости, а в ближайшем времени — негативными внешнеполитическими последствиями. Неслучайно, вице-адмирал увязывал военные успехи французов с экспансией их просвещения и языка: «Европа <...> прежде, нежели оружием французским, побеждена уже была языком их», — говорил он⁸⁷. Шишков видел выход из тупика вестернизации в уважении к собственному прошлому, народной культуре, обычаям, православной вере, отечественному языку, в развитии национального воспитания.

§ 2. Консолидация патриотических сил. Создание литературного общества «Беседа любителей русского слова»

Она была выражением пламенной любви ко всему отечественному.

А.С. Стурдза

Военные поражения России в 1805–1807 гг. и заключение Тильзитского мира вызвали рост антифранцузских настроений. Приверженцы французской моды и языка превращались в общественном мнении в отъявленных консерваторов и убежденных националистов⁸⁸. Набирал популярность патриотический журнал С.Н. Глинки «Русский вестник», в котором помимо прочего печатались сочинения сторонников Шишкова⁸⁹. В третьем его номере (1808 г.) Тильзитский мир был назван перемирием. Это вызвало возмущение у французского посланника А. де Коленкура⁹⁰. Многие современники заучивали наизусть националистический памфлет графа Ф.В. Ростопчина «Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева», в котором проводилась идея превосходства русских над французами⁹¹.

О царивших в то время общественных настроениях Н.И. Греч писал: «Тяжкое время прожили мы от Тильзитского мира до разрыва 1812 года! Россия не была покорена врагом, не повиновалась ему формально, но и союз с властолюбивым завоевателем был уже некоторого рода порабощением. Земля наша была свободна, но отяжелел воздух; мы ходили на воле, но не могли дышать. Ненависть к французам возрастала по часам. А должно сказать, что послы Наполеона, Коленкур⁹² и Лористон⁹³, усердно содействовали ее распространению своею гордостью, дерзостью, тем, что называется по-французски *attogance*»⁹⁴.

Заносчивость Коленкура не осталась незамеченной Шишковым. По его наблюдениям, посланник считал себя равным Александру I, отказывал императрице в танце, а однажды накричал на русского полицейского, как «на самого последнего из своих подчиненных»⁹⁵. Поведение посланника в контексте внешнеполитических проблем

России побуждало вице-адмирала фрондировать. Шишкова заподозрили в авторстве французских стихов, где высмеивалось вручение георгиевских крестов после заключения Тильзитского мира. Стихи эти он получил от графа Ксавье де Местра, французского художника, писателя, ученого, и за обедом у сенатора А.А. Саблукова неосмотрительно передал их близкому к императору масону Р.А. Кочелеву. Вскоре вице-адмиралу пришлось отвечать на вопросы петербургского градоначальника С.К. Вязмитинова, который грозился донести о нем Александру I. Только вмешательство Местра избавило Шишкова от подозрений⁹⁶.

Заслуживает упоминания заступничество вице-адмирала за флотских офицеров Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова. Они обвинялись в организации вооруженных рейдов на японские фактории островов Сахалин и Итуруп в 1806–1807 гг. Шишков был убежден, что морские офицеры действовали по приказу своего начальника, главы Русско-американской компании Н.П. Резанова, который двумя годами ранее не сумел заключить торговый договор с Японией, а в 1807 г. умер. Александр I считал рейды Хвостова и Давыдова проведенными самовольно и поэтому отверг прошение о награждении их орденами за проявленное во время русско-шведской войны (1808–1809) мужество. Адмиралтейская коллегия собиралась разжаловать офицеров в матросы, что крайне возмущало Шишкова. Хвостов и Давыдов являлись близкими ему людьми. Первый из них был племянником жены Шишкова⁹⁷, второй проживал некоторое время в доме вице-адмирала и по его совету готовил к изданию записки о своем путешествии в Америку⁹⁸. Офицеры утонули в Неве 4 октября 1809 г. в результате несчастного случая. Ранее Шишков ходатайствовал за них перед П.В. Чичаговым, угрожая написать сто списков возражений против обвинения и раздать их всем, кого встретит.

Вице-адмирал полагал, что его действия вызывали негодование императора. Подтверждение этому он нашел в словах Александра I, переданных ему участником Семилетней войны, бывшим дипломатом, смоленским и псковским военным губернатором М.М. Философовым, о том, что император скорее не будет царствовать, чем сделает Шишкова членом Государственного совета⁹⁹.

На волне общественного недовольства «Тильзитом» консерваторы шишковского круга перешли к формированию своего рода

«русской партии», объединявшей защитников русских национальных интересов и патриотов. Формой такого объединения служили изредка собиравшиеся с 1803 г. литературные вечера: «Мы четверо, а именно: Державин, Муравьев, Хвостов и я, устраивали для чтения вечера, и в назначенные дни съезжались для чтения друг к другу. Некоторые другие любители русского языка присоединились к нашему обществу», — вспоминал Шишков¹⁰⁰.

В 1807 г. он заговорил о необходимости регулярного проведения литературных вечеров, о чем свидетельствовал их постоянный посетитель С.П. Жихарев: «Он (Шишков. — А. Г.) долго трактовал о пользе, какую бы принесли русской словесности собрания, в которые бы допускались и приглашались молодые литераторы для чтения своих произведений. И предлагал Гаврилу Романовичу (Державину. — А. Г.) назначить вместе с ним попеременно, хотя бы по одному разу в неделю, литературные вечера, обещая склонить к тому же Александра Семеновича Хвостова и сенатора Ивана Семеновича Захарова, которых дома и образ жизни представляли наиболее к тому удобств. Бог весть, как обрадовался этой идее добрый Гаврила Романович и просил Шишкова... устроить как можно скорее это дело»¹⁰¹.

Со 2 февраля 1807 г. литературные собрания проходили каждую субботу поочередно в домах Г.Р. Державина, И.С. Захарова, А.С. Хвостова и А.С. Шишкова. На них присутствовало порядка двадцати человек: «Гаврила Романович, И.С. Захаров, А.С. Хвостов, П.М. Карабанов, кн. Шихматов, И.А. Крылов, кн. Д.П. Горчаков, флигель-адъютант Кикин, ...полковник Писарев, А.Ф. Лабзин, В.Ф. Тимковский, П.Ю. Львов, М.С. Щулепников, молодой Корсаков, Н.И. Язвницкий, сочинитель букваря, Я.И. Галиновский, автор какой-то книги для прекрасного пола под заглавием «Утренник»... и наконец я», — отмечалось в дневнике Жихарева¹⁰².

Кроме перечисленных лиц посетителями собраний являлись Н.И. Гнедич, С.Н. Марин, А.А. Шаховской, А.П. Бунина, А.Н. Оленин и Е.И. Станевич. Помимо поэтов, прозаиков и драматургов там присутствовали сенаторы, обер-прокуроры, камергеры, военный министр С.К. Вязмитинов, министр просвещения граф П.В. Завадовский.

Пестрый состав участников вечеров предполагал широкую постановку вопросов. Обсуждались проблемы международной поли-

тики, военные батальоны русской и французской армий. Опальные политики надеялись вернуться к активной государственной деятельности. Молодежь в массе своей не разделяла их «охранительных» взглядов, редко посещала литературные собрания. Негласную поддержку А.С. Шишкову оказывала вдовствующая императрица Мария Федоровна.

На собраниях читались труды европейских авторов Ж. Лафонтена¹⁰³, Ф. Фенелона, Н. Буало¹⁰⁴, а также отечественные патриотические сочинения. Стоит упомянуть перевод 7-й и 8-й песен «Илиады», рассказ о грозных битвах троян и ахейцев, громогласно прочитанный Н.И. Гнедичем. Особенное впечатление на Шишкова произвела поэма в трех песнях «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия», написанная его любимым учеником князем С.А. Ширинским-Шихматовым¹⁰⁵. Ее содержание, по словам исследовательницы, было созвучно цели вице-адмирала — сплотить все сословия для победы над иностранным засильем¹⁰⁶. Сочинение пробуждало в нем дар красноречия: «Шишков читал творение своего любимца внятно, правильно и с необыкновенным одушевлением. Я от души любовался седовласым старцем, который так живо сочувствовал красоте стихов и передавал их с такою увлекательностью: судя по бледному лицу и серьезной его физиономии, нельзя было предполагать в нем такого сочувствия к поэзии», — отмечал Жихарев¹⁰⁷.

Сторонников Шишкова мало интересовало творчество литературных оппонентов. Жихарев сетовал на их обидное равнодушие к московским поэтам А.Ф. Мерзлякову, В.А. Жуковскому, В.Л. Пушкину. По его словам, лишь И.И. Дмитриев был у них в почете, и то «разве потому, что он сенатор и кавалер», а Н.М. Карамзиным восхищался только Г.Р. Державин, остальные «про него или молчали, или говорили, что пишет изряднехонько прозою»¹⁰⁸. Как вспоминал Ф.Ф. Вигель, шишковисты предполагали, что в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина «должны были встречаться все одни милые Святополки и нежные Мстиславы»¹⁰⁹. Назначение близкого друга историографа И.И. Дмитриева министром юстиции (январь 1810 г.) побудило их начать укреплять собственные политические позиции.

В октябре 1810 г. Шишков объявил о создании «Беседы любителей русского слова», регулярно действующего литературного обще-

ства со своим печатным органом. Инициатором создания «Беседы», по его словам, был приехавший из Москвы князь Б.В. Голицын, «разумевший больше по-французски, нежели по-русски, но любивший однако ж и свой язык»¹¹⁰. Голицын предложил превратить домашние собрания в общественные и приглашать на них всех любителей словесности. Первоначально думали назвать литературное объединение «Афинеем», то есть храмом Афины. Однако остроумный князь Д.П. Горчаков предвидел, что злые языки будут говорить «ахинейя». Тогда Шишков наименовал сообщество «Беседой любителей русского слова».

Организацию вице-адмирала ожидал успех, ибо ее цель — защита русского языка — все больше находила понимание в обществе. Вот, что писал Ф.Ф. Вигель об обстоятельствах появления «Беседы»: «Мудрено объяснить состояние умов тогда в России и ее столицах. По вкоренившейся привычке не переставали почитать Запад наставником, образцом и кумиром своим; но на нем тихо и явственно собиралась страшная буря, грозящая нам истреблением или порабощением. <...> Пристрастие к Европе приметно начало слабеть и готово было превратиться в нечто враждебное. <...> Воспрянувшее в разных состояниях чувство патриотизма подействовало наконец на высшее общество: знатные барыни на французском языке начали восхвалять русский, изъявлять желание выучиться ему или притворно показывать, будто его знают. Им и придворным людям натолковали, что он искажен, заражен, начинен словами и оборотами, заимствованными у иностранных языков, и что «Беседа» составила единственно с целью возвратить и сохранить ему его чистоту и непорочность; и они все взялись быть главными ее поборницами»¹¹¹.

Поворот светских дам к отечественному языку ознаменовал собой рост патриотических настроений в обществе. Представляется, что верховной власти следовало заняться культивированием национальных чувств заблаговременно, а не в условиях приближавшейся катастрофы. Однако император проявлял в этом вопросе нерешительность, колебания. Он не торопился утверждать шишковскую «Беседу», открытие которой ожидалось еще в ноябре 1810 г. Лишь спустя три месяца, 17 февраля 1811 г., Александр I одобрил проект литературной организации. Император никогда

не посещал ее заседаний. Не без его ведома над «беседчиками» подтрунивали при дворе. Оппоненты доводили до гротеска идею Шишкова заменить иностранные слова русскими эквивалентами. Ему глумливо приписывали фразу: «Хорошилище грядет по топталищу на позорище в мокроступах» (т.е. франт идет по тротуару в театр в галошах)¹¹².

Официальное открытие «Беседы любителей русского слова» состоялось 14 марта 1811 г. С того времени заседания проходили регулярно один раз в месяц и очень тщательно готовились. Местом их проведения стал роскошный особняк Г.Р. Державина на Фонтанке. Большой прекрасно освещенный зал с колоннами из желтого мрамора подчеркивал важность «Беседы», а ее посетители были уверены, что совершают великий патриотический подвиг. По словам К.С. Сербиновича, они «приезжали по чувству патриотизма, если и не по убеждениям литературным»¹¹³.

Попасть на заседания можно было только по пригласительному билету. Всюду царили парадность и элитарность: дамы приходили в бальных нарядах, вельможи и генералы — в мундирах с лентами и звездами. Члены литературного общества располагались в середине зала за столом, покрытым зеленой суконной скатертью. Слушатели занимали места вдоль стен. По примеру Государственного совета, состоявшего из четырех департаментов, «Беседа» разделялась на четыре разряда. Каждый из них имел своего председателя и попечителя, а также по несколько действительных членов и членов-сотрудников, составлявших своего рода канцелярию организации. «Беседа», по словам Ф.Ф. Вигеля, «имела более вид казенного места, чем ученого сословия, и даже в распределении мест держались более табели о рангах, чем о талантах»¹¹⁴. Она состояла из влиятельных особ. Попечителями были председатели департаментов Государственного совета П.В. Завадовский и Н.С. Мордвинов, министр просвещения А.К. Разумовский и министр юстиции И.И. Дмитриев. Председателями разрядов являлись: сенатор И.С. Захаров, тайный советник и управляющий Государственным заемным банком А.С. Хвостов, а также А.С. Шишков и Г.Р. Державин. К действительным членам «Беседы» принадлежали: директор Общей канцелярии Министерства полиции Г.Г. Политковский, тайный секретарь А.Н. Оленин, занимавший впоследствии пост

государственного секретаря (1814–1827). К почетным членам относились: С.К. Вязмитинов, будущий московский градоначальник писатель-патриот Ф.В. Ростопчин, министр внутренних дел О.П. Козодавлев, действительный статский советник, сенатор, попечитель Московского университета П.И. Голенищев-Кутузов, обер-прокурор Святейшего синода А.Н. Голицын, государственный секретарь М.М. Сперанский. По сути, часть управленческой элиты оказалась вовлечена в организацию Шишкова.

Кроме того, в рядах «Беседы» числились литературные оппоненты Шишкова: будущий «арзамасец» С.С. Уваров и Н.М. Карамзин. Пестрый состав общества свидетельствовал о намерении его организаторов сплотить накануне войны 1812 г. широкие политические силы. Для этой же цели в него были введены духовные особы: митрополит Санкт-Петербургский Амвросий (Подобедов) и архиепископ Вологодский Евгений (Болховитинов). По словам А.Ю. Минова, «Беседа» пользовалась демонстративной поддержкой высшей иерархии православной церкви¹¹⁵.

Интеллектуальные силы «Беседы» составляли писатели — поэты, прозаики, драматурги, которые с 1807 г. участвовали в литературных вечерах. По меткому замечанию М.Г. Альтшуллера, «самый беглый взгляд на список членов “Беседы” не позволяет рассматривать общество как сборище бездарностей и тупых реакционеров»¹¹⁶. Лицо организации определяли первоклассные писатели И.А. Крылов и Г.Р. Державин. Всеобщим уважением пользовалась талантливая поэтесса А.П. Бунина. Вопреки распространенному мнению современников о «беседчике» Д.И. Хвостове как о скудоумном несчастном графомане, его басни имели внутреннюю логику, опирающуюся на намеренное использование литературных нелепостей¹¹⁷.

Для первого заседания «Беседы» композитор Д.С. Бортнянский, по предложению Г.Р. Державина, написал поздравительную кантату «Сретение Орфеем солнца». Она была исполнена певчими из Придворной капеллы¹¹⁸. Затем с программной речью выступил вице-адмирал. В духе «Предисловия о пользе книг церковных» М.В. Ломоносова он объяснял важность поэзии для сохранения исторической памяти народа: «Где древние Вавилоны, Трои, Афины, Спарты? Где мраморные столпотворения их? Где огромные великолепные здания? Лежат повержены в прах, и око путешественника, смотря

на оные, не видит ничего, кроме мшистых камней и зеленого злака. Но, между тем как рука времени все в них истребила, красноречивое перо тверже мраморов и меди, сохранило красоту их в воображении нашем. Каким образом по сие время гремят у нас имена и подвиги Агамемнонов, Ахиллов, Аяксов? Стихотворство сделало их бессмертными»¹¹⁹.

По мысли вице-адмирала, укоренение народа в истории невозможно без создания литературы на национальном языке. Отечественный язык, полагал он, обладал для этого всем необходимым, ибо «есть один из древнейших, из ученейших языков, праотец многим другим. Он не уступает ни греческому, ни латинскому; не меньше их краток, не меньше силен, не меньше богат»¹²⁰.

Присутствующие слушали Шишкова с замиранием сердца и в полной тишине. Затем И.А. Крылов порадовал их своими баснями. По окончании заседания сардинский посланник, «пламенный реакционер», вдохновитель «русского католицизма» Жозеф де Местр похвалил первое на его памяти использование русской речи в высшем обществе¹²¹.

На заседании «Беседы» 15 декабря 1811 г. вице-адмирал решил озвучить свою общественно-политическую программу. Прежде он заручился поддержкой товарищей, ибо опасался противников в верхах¹²². Шишков эмоционально прочитал «Рассуждение о любви к Отечеству». Эта работа, по справедливому мнению А.Д. Галахова, была «лучшей из всех его сочинений по языку и по горячему чувству»¹²³. В ней осуждался космополитизм образованного общества, его «наклонность к безверию, к своевольству, к повсеместному гражданству, к новой и пагубной философии»¹²⁴.

«Граждане света», согласно сочинению, не признавали ни Родины, ни отцов, ни матерей и были хуже животных, которым свойственно любить место своего рождения. Видя основу патриотизма в языке и называя его «душой народа», «зеркалом нравов», Шишков обрушивался на идейных оппонентов: «Благонравен народ, благонравен и язык. Никогда безбожник не может говорить языком Давида: слава небес не открывается ползающему в земле червю. Никогда развратный не может говорить языком Соломона: свет мудрости не озаряет утопающего в страстях и пороках. Писания зловредных умов не проникнут никогда в храм славы: дар красноречия не спа-

сает от презрения глаголы злочестивых. Где нет в сердце веры, там нет в языке благочестия. Где нет любви к отечеству, там язык не изъясняет чувств отечественных. Где учение основано на мраке лжеумствований, там в языке не воссияет истина; там в наглых и невежественных писаниях господствует один только разврат и ложь»¹²⁵.

Апеллируя к неким «безбожникам», «развратникам», не изъясляющим «чувств отечественных», к их «лжеумствованиям», он, несомненно, бил по российским адептам французского просвещения. По эмоциональности, с которой А.С. Шишков это делал в прозе, ему может быть равен, пожалуй, только Н.М. Языков в стихах с красноречивым названием «К ненашим» (1845 г.):

Вы, люд заносчивый и дерзкой,
Вы, опрометчивый оплот
Ученья школы богомерзкой,
Вы все — не русский вы народ!¹²⁶

В сочинении Шишков объяснял смысл существования государств: «Люди без сих обществ были бы столько же злополучны, как без семейств и родства. Не было бы у них ни веры, обуздывающей страсти, исправляющей нрав и сердце; ни воспитания, просвещающего разум; ни общежития, улаживающего жизнь; ни могущества, величия и безопасности, проистекающих от совокупления воедино всех частных волей и сил»¹²⁷.

Таким образом, государство он уподоблял семье. Главную роль в семье играет родственная, духовная, эмоциональная связь между ее членами, а материальные эгоистические интересы индивидов отступают на второй план. Шишков предлагал выстраивать отношения в обществе на основе доверия, скрепленного традициями и общими корнями, не искать недостатков в своей стране, способных разрушить любовь к Отечеству, а также быть готовыми к жертвам во имя Родины, ибо Россия — это «страна, где мы родились; колыбель, в которой мы возлелеяны; воздух, которым дышали; земля, где лежат кости отцов наших, и куда мы сами ляжем»¹²⁸. В целом он отождествлял понятия государство, родина и народ, рассматривал отдельного человека как неотъемлемую частицу национальной общности¹²⁹.

Жертвенность во имя свободы и независимости Отечества как главную добродетель человечества Шишков рассматривал на при-

мере античных героев Спарты, Афин и Рима. В российской истории он вдохновлялся подвигами К. Минина, Д. Пожарского, патриарха Гермогена, символизировавших сплочение в «единое тело и единую душу» основных сословий России: простого народа, дворянства и духовенства.

Апелляция к Смутному времени обуславливалась приближением двухсотлетнего юбилея династии Романовых и схожим внешне-политическим раскладом. Как и в те далекие годы, Польша была враждебна России. Обещаниями расширить ее пределы Наполеон приобрел себе союзников в лице поляков. Кроме того, напоминание российскому обществу о разорениях Смуты должно было предостеречь его от опасности сословной розни.

Исходя из цели сплочения русского народа, Шишков называл главным источником национального единства православную веру. Ее он противопоставлял конституционалистским идеям западного Просвещения, которые, согласно его «Рассуждению», готовили для России цепи рабства. По словам вице-адмирала, вера — «единственный человеческого благополучия источник, из которого народоправитель почерпывает мудрость, закон, силу, судья правду, полководец мужество, земледелец трудолюбие, воин храбрость и бесстрашие»¹³⁰.

Она же, по мнению Шишкова, должна быть основанием отечественного воспитания, самодержавной формы правления, русского патриотизма, нравственности и народности. По его словам, молодых людей следовало воспитывать «в страхе Господнем, в наполнении сердец их любовью к вере, откуда проистекает любовь к Государю, к сему поставленному от Бога отцу и главе народной; любовь к отечеству, к сему телу великому, но не крепкому без соединения с главою своею; и, наконец, любовь к ближнему, под которою разумеются сперва сограждане, а потом и весь род человеческий»¹³¹.

Как видно, монархия у А.С. Шишкова проистекала из Божьей воли и означала отеческую власть правителя над подданными. Такое мнение противоречило распространенным в интеллектуальной среде теориям договорных взаимоотношений между обществом и властью. Связывая воедино православную веру, российское самодержавие и патриотизм, вице-адмирал, по справедливому замечанию Ф.Ш. Файнштейна, не воспринимал ника-

кого реформирования внутреннего порядка по западным образцам¹³².

Таким образом, Шишков обрисовал контуры национальной идеологии, сконцентрировав ее на трех источниках: православной вере, самодержавии, русском языке. В сущности, эта триада предвосхищала появление в царствование Николая I концепции «официальной народности». «Рассуждение о любви к Отечеству» стало своего рода политическим манифестом консервативной части российской элиты.

Патриотическая риторика сделала Шишкова одним из наиболее «адекватных ситуации русских идеологов»¹³³. Литературная деятельность его «Беседы» способствовала сплочению русского общества в условиях приближавшейся войны с Наполеоном: «Покровительство и уважение, оказываемые в столице отечественной словесности правительством и высшими сословиями, имели благотворное действие на провинции и некоторым образом способствовали сближению разных состояний и согласию между ними, столь необходимых в эту памятную эпоху», — вспоминал Ф.Ф. Вигель¹³⁴. Пользовавшийся в молодые годы благосклонностью «беседчиков» дипломат и писатель А.С. Стурдза отмечал патриотическую роль их литературной организации: «Она была выражением пламенной любви ко всему отечественному, родному — любви, пробужденной роковыми событиями того времени»¹³⁵.

Национальные мотивы публицистики Шишкова вызывали к нему симпатии современников, включая тех, кто не разделял его консервативных взглядов. Участник движения декабристов, крупнейший деятель русского либерализма Н.И. Тургенев в бытность свою студентом Геттингенского университета восхищался творчеством вице-адмирала. Он находил, что «Шишков очень твердо знает русский язык»¹³⁶. Другой декабрист, поэт, друг и однокурсник А.С. Пушкина по Царскосельскому лицей В.К. Кюхельбекер впоследствии причислял себя к литературным последователям главы «архаистов». 17 января 1833 г. он записал в своем дневнике: «Я вот уж 12 лет служу в дружине славян¹³⁷ под знаменами Шишкова, Катенина, Грибоедова, Шихматова»¹³⁸. Несогласный с вице-адмиралом в литературных вопросах поэт М.А. Дмитриев¹³⁹ в своих мемуарах высоко оценивал его борьбу с засильем иностранной

культуры в России: «Шишков предсказывал многие плоды этого приращения к чужому, этого отчуждения от самих себя: что и сбылось и что мы только теперь поняли. Шишков был, в некотором смысле, пророк; за то его и не слушали, как в древности пророков!»¹⁴⁰

Вице-адмирал напрасно опасался гнева Александра I за свое сочинение. 22 марта 1812 г. император вызвал его к себе, назвал его патриотические чувства полезными для Отечества и поручил составить манифест о рекрутском наборе ввиду неотвратимости войны.

Таким образом, Шишков окончательно вышел из политического забвения. Во многом этому способствовала его многолетняя оппозиция либеральному курсу, критика ценностей геополитического противника и космополитических настроений в правящем сословии. Накануне войны 1812 г. он являл собой образ небогатого умудренного сединой русского патриота, не боявшегося говорить правду и верившего в русский народ. Именно такому человеку судьба предоставила возможность стать национальным символом борьбы с наполеоновским нашествием.

§ 3. Патриотическая риторика государственного секретаря в период Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии

Россия не привыкла покорствоваться, не потерпит порабощения.

А. С. Шишков

Петербургское общество было изумлено внезапным известием 17 марта 1812 г. о высылке государственного секретаря М. М. Сперанского в Нижний Новгород¹⁴¹. Инициатор либеральных реформ оказался под подозрением в шпионаже в пользу Франции. 9 апреля Александр I назначил на его место Шишкова. Этим своим шагом он, по словам А. Л. Зорина, выразил готовность опереться на те общественные группы и круг идей, которые на протяжении целого десятилетия представлял вице-адмирал¹⁴².

Страна с восторгом встретила утверждение нового государственного секретаря: «В Москве и в других внутренних губерниях

России <...> все были обрадованы назначением Шишкова», — вспоминал С.Т. Аксаков¹⁴³. Ему было определено высокое по тем временам годовое жалование в 12 тыс. руб. Для следования за ставкой императора он получил коляску с лошадьми и 12 апреля отправился в Вильно.

Главной обязанностью Шишкова стало составление манифестов, рескриптов, воззваний к войскам и российским сословиям. Прежний сухой язык официальных декретов не мог возбудить народный гнев против армии Наполеона. При обращении к широким слоям населения требовались прямота, торжественность и патриотизм¹⁴⁴. Именно такими характеристиками обладали рукописи Шишкова. Впоследствии их стилистика воспроизводилась самодержавной властью вплоть до 1917 г.

С самого начала войны манифесты вице-адмирала служили цели сплочения власти и общества, ибо по стране распространялись слухи о «пугачевщине» и о готовящемся государственном перевороте¹⁴⁵. Для противодействия угрозе внутренней нестабильности Шишков призывал сословия объединиться, как это имело место в событиях Смутного времени: «Да встретит он (неприятель. — *А. Г.*) в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина, — говорилось в манифесте 6 июля 1812 г. «О созыве земского ополчения». — *Благородное дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем Отечества; Святейший Синод и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России; народ Русской! Храброе потомство храбрых Славян! Ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: с крестом в сердце и оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют*»¹⁴⁶.

Апелляция к народному единству оказывала сильное воздействие на настроения сословий. Указанный выше манифест и воззвание к «Первопрестольной столице нашей Москве», по словам Н.К. Шильдера, придали борьбе с Наполеоном характер народной и священной войны¹⁴⁷. А.С. Шишков же стал ее главным пропагандистом и вдохновителем.

Его патриотическая риторика благоприятствовала правительственным целям организации ополчения. Некоторые дворяне изъявляли желание вооружить своих крестьян и стать во главе их¹⁴⁸.

Произнесенная 15 июля в московском Слободском дворце речь вице-адмирала встретила бурную поддержку купечества: «Во 2-й галерее, где собрались купцы, я был поражен тем впечатлением, которое произвело чтение манифеста, — рассказывал московский глава Ф.В. Ростопчин. — Сначала обнаружился гнев; но когда Шишков дошел до того места, где говорится, что враг идет с лестью на устах, но с цепями в руке — тогда негодование прорвалось наружу и достигло своего апогея. Присутствующие ударяли себя по голове, рвали на себе волосы, ломали руки, видно было, как слезы ярости текли по этим лицам, напоминая лица древних. Я видел человека, скрежетавшего зубами. За шумом не слышно было, что говорили эти люди, но то были угрозы, крики ярости, стоны. Это было единственное в своем роде зрелище, потому что русский человек выражал свои чувства свободно и, забывая, что он раб, приходил в негодование, когда ему угрожали цепями, которые готовил чужеземец, и предпочитал смерть позору быть побежденным»¹⁴⁹.

Как видно, под влиянием патриотической риторики А.С. Шишкова публика забывала о несправедливости общественного устройства, объединяясь для борьбы с внешним врагом.

В центр сопротивления французам автор манифестов ставил фигуру императора. Согласно июньскому рескрипту, Александр I брал на себя всю ответственность за ход войны, по-отечески обращаясь к подданным: «Я надеюсь на усердие моего народа и храбрость войск моих. Будучи в недрах домов своих угрожаемы, они защитят их со свойственной им твердостью и мужеством. Провидение благословит праведное наше дело. Оборона отечества, сохранение независимости и чести народной принудило нас препоясаться на брань. Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в Царстве Моем»¹⁵⁰. Обещание императора не заключать мир до изгнания французов из России имело решающее значение для всего хода войны. Оно сдерживало сторонников примирения с Наполеоном после оставления русскими войсками Москвы.

Следует отметить, что вице-адмирал не одобрял присутствия Александра I в ставке, видя в этом причину разного рода беспорядков и интриг. Дабы положить конец неурядицам, он вместе

с А.Б. Балашевым и А.А. Аракчеевым 30 июня письменно просил императора покинуть армию. Их аргументы сводились к угрозе пленения и гибели государя, следствием чего могла стать смута¹⁵¹. В итоге 6 июля 1812 г. тот выехал в Москву, а оттуда в Петербург. Отъезд Александра I, по мнению Шишкова, предотвратил военное поражение России, подготовил почву для назначения главнокомандующим М.И. Кутузова¹⁵².

После занятия французами Москвы патриотический пафос манифестов государственного секретаря усилился: «Не в ту страну зашел он (Наполеон. — *А. Г.*), где один смелый шаг поражает всех ужасом и преклоняет к стопам его войски и народ. Россия не привыкла покорствоваться, не потерпит порабощения...», — ободряюще заявлял он¹⁵³. Такая уверенность в победе была по достоинству оценена биографом: «Надо отдать справедливость Шишкову, что вера в силы русского народа у него была непоколебима. Она проявлялась у него в те моменты, когда нужен был человек с такою верою, чтоб поддерживать унывающих и падающих духом»¹⁵⁴.

Идейно-политическое содержание воззваний вице-адмирала определялось консервативным неприятием революционной идеологии французов. Риторика «Священной войны» выставляла их «безбожниками», покусившимися на традиционные ценности и порядки. Идеологическую несовместимость противников наиболее красочно описал А.Ю. Минаков: «Буквально с первых же дней, не в последнюю очередь благодаря формулировкам в официальных документах А.С. Шишкова, война начинает восприниматься как столкновение двух миров с диаметрально противоположными приоритетами. <...> В манифестах Шишкова французы и Наполеон изображались как порождение дьявольского начала, как средоточие мирового зла, а революция как вселенская катастрофа. Противостояли этим явлениям те ценности, которые были дороги Шишкову и его единомышленникам: самодержавная монархия, православие, русский патриотизм»¹⁵⁵.

Ярким образчиком антифранцузских выпадов государственного секретаря стало его «Известие из Москвы от 17 октября». В этом пропагандистском сочинении рассказывалось об ужасах иностранной оккупации: о сожжении французами Москвы, об их зверствах, грабежах и поругании святынь: «Во многих местах лежали обру-

ганные, изувеченные и мертвые женщины. Инде могилы разрыты и гробы растворены для похищения корыстей с усопших тел. Но и сих всех мерзостей и неистовств еще не довольно: двери у храмов Божьих отбиты, иконы обнажены от окладов, ризы разодраны, иконостасы поломаны и разбросаны по полу»¹⁵⁶.

Как выяснилось впоследствии, Москва была сожжена вовсе не французами. Российские власти приняли необходимые меры для того, чтобы противник не смог зимовать в теплых столичных квартирах. Что касается описания Шишковым вандализма армии Наполеона в православных храмах, то с этим нельзя не согласиться. Историк русской церкви П.В. Знаменский говорил об этом следующее: «Храмы Божии и монастыри сделались добычей пожара или подверглись опустошению и поруганию безрелигиозных сынов французской революции. Многие из них были обращены в казармы, конюшни и бойни для скота; их золотые и серебряные вещи сливались в слитки; оклады икон и драгоценные камни с облачений сдирались и расхищались; святые мощи выкидывались из их раков и валялись в кучах разного хлама»¹⁵⁷.

Ненависть французов к православию и к религии вообще, по мысли Шишкова, превратила их в дикарей: «Мы в просвещенные нынешние времена, от народа, славившегося некогда приятностью общежития, и который всегда пользовался в земле нашей гостеприимством и дружбою, видим примеры лютой и злобы, каких в бытописаниях самых грубейших Африканских и Американских обитателей тщетно будем искать», — такую характеристику давал он «прогрессивной» миссии французов в России¹⁵⁸.

Вину за злодеяния на русской земле вице-адмирал возлагал на весь французский народ, а не только на его политическое руководство в лице Наполеона: «Мог ли бы он дух ярости и злочестия своего вдохнуть в миллионы сердец, если бы сердца сии сами собою не были развращены и не дышали злонравием? — говорилось в “Известии”. — Хотя, конечно, во всяком и благочестивом народе могут быть изверги; однако же, когда сих извергов, грабителей, зажигателей, убийц невинности, оскорбителей человечества, поругателей и оскорбителей самой Святыни, появится в целом воинстве почти всяк и каждый, то невозможно, чтоб в народе такой державы были благие нравы»¹⁵⁹.

Мысль Шишкова о коллективной ответственности французов нашла отражение в неоглашенном манифесте о занятии союзными армиями неприятельской территории: «Истребление вас всех с лица земли не удовлетворит достаточно правосудию, — заявлял вице-адмирал. — Тщетно во всех сих лютостях станете вы обвинять одного Наполеона. Нет! Вы прежде его показали, до какой степени разврата и свирепства безверие довело нравы ваши; оно, издавна посеянное, росло, распространялось и созревало; оно, одержав над вами силу, из глубины ада изрыгало к вам воспитанников и любимцев своих, Маратов, Робеспьеров и наконец послало Наполеона. Вы для того избрали их владыками над собой, что видели в них ум самый зловреднейший, сердце самое жестокое»¹⁶⁰.

По Шишкову, с французской нацией революционеров, царей, убийц, богоборцев и «злочестивых писателей» нужно было разорвать все связи. Именно об этом он писал в «Известиях из Москвы»: «Взглянем на адские, изрыгнутые в книгах их лжеумудрствования, на распутство жизни, на ужасы революции, на кровь, пролитую ими в своей и чужих землях... Где человечество? Где признаки добрых нравов? Вот с каким народом имеем мы дело! И посему должны рассуждать, может ли прекращена быть вражда между безбожием и благочестием, между пороком и добродетелью? Долго мы заблуждались, почитая народ сей достойным нашей приязни, содружества и даже подражания. Мы любовались и прижимали к груди нашей змею, которая, терзая собственную утробу свою, проливали к нам яд свой, и, наконец, нас же за нашу к ней привязанность и любовь всезлобным жалом своим уязвляет. Не постыдимся признаться в нашей слабости. <...> Опаснее для нас дружба и соблазны развратного народа, чем вражда их и оружие»¹⁶¹.

Война 1812 г. серьезно ослабила влияние галломанских настроений в обществе. Над принципами свободы, равноправия, следования за передовыми европейскими народами стояли дым сожженной Москвы, развалины православных храмов, трупы военных и гражданских лиц. В контексте «Священной войны» французы выступали врагами христианской цивилизации. Их отечественным подражателям по сути нечего было возразить на риторику Шишкова. Им оставалось только внимать словам его манифеста от 3 ноября 1812 г., в котором наибольшую похвалу получил незараженный

«чужебесием» простой народ: «Верный народ, мещанство и крестьяне показали такие опыты верности и любви к отечеству, какие одному только Русскому народу свойственны. Они, вступая охотно и добровольно в ополчения, в самом скором времени собранные, явили в себе мужество и крепость приученных к браням воинов. Твердая грудь их и смелая рука с такою же неустрашимостью расторгала полки неприятеля, с какою за несколько перед тем неделя раздвигала плугом поля», — говорилось в документе¹⁶².

Успехи патриотической риторики Шишкова признала верховная власть. 25 декабря 1812 г. он получил одну из высших наград России — орден Александра Невского с лестным изречением: «За примерную любовь к Отечеству»¹⁶³. С этим орденом он изображен на неоконченном портрете (1826–1827) работы Дж. Доу.

Освобождение России от неприятельских войск стало триумфом выстраиваемой Шишковым идеологии народного единства: «Войско, вельможи, дворянство, духовенство, купечество, народ, словом все государственные чины и состояния, не щадя ни имуществ своих, ни жизни, составили единую душу, душу вместе мужественную и благочестивую, толико же пылающую любовью к отечеству, колико любовью к Богу», — отмечалось в итоговом манифесте от 25 декабря 1812 г.¹⁶⁴

Война с французами, по мысли Шишкова, должна была служить предостережением от дальнейшего усвоения антирелигиозных идей просвещения. В его манифестах им противопоставлялась православная вера — источник стойкости русского народа: «Где Бог и вера в сердцах народных, там, хотя бы вражеские силы подобны были волнам Океяна, но все оне о крепость их, как о твердую непоколебимую гору, рассыплются и сокрушатся: из всей ярости и свирепства их останется один только стон и шум погибели», — говорилось в «Приказе войскам нашим» от 5 февраля 1813 г.¹⁶⁵

Православной вера в рукописях вице-адмирала являлась залогом великодушия победителей к побежденным: «Сему научает нас святопочитаемая в душах наших православная вера; она божественными устами вещает нам: любите враги ваша, и ненавидящим вас творите добро», — указывалось в декабрьском «Приказе российским войскам» 1813 г.¹⁶⁶

Первоначально Шишков хотел поставить в этом документе словосочетание «неизгладимая вера». Однако Александр I насто-

ял на слове «святопочитаемая». Причиной разногласия были экуменические настроения императора, вынашивавшего идею создания Священного союза с католической Австрией и протестантской Пруссией. Понимание Шишковым православной веры как фундамента благополучия России, его неприязнь к религиозным космополитам, к баронессе В.Ю. Крюденер и И.Г. Юнг-Штиллингу, могли противоречить замыслам Александра I¹⁶⁷.

В декабре 1815 г. вице-адмирал написал указ Правительствующему Сенату о высылке из Петербурга монахов-иезуитов, «сворачивавших» православных в католическую веру¹⁶⁸. Там между прочим православие называлось «твердым и непоколебимым камнем», на котором «почивает тишина и благоденствие тьмочисленного под Скипетром Нашим народа»¹⁶⁹. «Покушение» на русскую веру автор рассматривал как попытку вызвать в России раздоры.

Центральное место в манифестах А.С. Шишкова занимала тема преданности русского народа самодержавию. Верность престолу Романовых вице-адмирал считал важнейшей народной добродетелью, которую враги не смогли поколебать «даже хитрыми и ложными обольщениями»¹⁷⁰. Согласно написанным им документам, источниками царской власти были Божья воля и православные традиции, от императора требовалось «преклонять верноподданных к чувствам скромности и смирения духа»¹⁷¹.

Сакрализация неограниченной монархии не всегда находила понимание у светски воспитанного Александра I. В июне 1814 г. он согласился на предложение Шишкова принять титул «Благословенный». Однако от установления прижизненного себе памятника император отказался «по скромности мыслей... и чувств»¹⁷².

Патриотическая риторика вице-адмирала развивалась на почве неприятия галломании¹⁷³. Вандализм, совершенный армией Наполеона в Москве, по мысли Шишкова, должен был положить конец всякого рода симпатиям к современной французской культуре. Он был очень разочарован, узнав о том, что М.И. Кутузов выступал против закрытия французского театра в Петербурге¹⁷⁴.

Впрочем, они одинаково смотрели на дальнейшую судьбу Европы, опасаясь, что ее освобождение от Наполеона приведет к усилению влияния Англии. По меткому замечанию А.Ю. Минакова, Шишков намеревался предоставить судьбу «зачумленной»

Франции самой себе¹⁷⁵. После «битвы народов» под Лейпцигом в октябре 1813 г. он написал манифест, в котором поспешил объявить Европу освобожденной, а 6 ноября 1813 г. пытался убедить императора не переходить Рейн¹⁷⁶.

Твердое намерение Александра I стать вершителем судеб Старого света побуждало Шишкова следовать официальному курсу. В 1813–1814 гг. его пропагандистская деятельность ориентировалась на восстановление свергнутых Наполеоном династий и прежних порядков. Государственный секретарь говорил о том, что отречение французов от революционного прошлого и восстановление «законной» власти Бурбонов вернет их в европейскую семью народов. Манифестами, составленными Шишковым, в международную политику закладывались: консервативное неприятие революций, приверженность к древним королевским родам и к христианской вере.

Манифест от 30 августа 1814 г. объявлял о сохранении в России крепостного права и господствующего положения дворянства. С этим не вполне соглашался Александр I. Ранее он указал государственному секретарю не ставить дворянство выше воинства по степени их вклада в победу. Император вычеркнул строчку об «обоюдной пользе» крепостного права для крестьян и помещиков, назвав крепостнические отношения «старой традицией»¹⁷⁷. Общий же тон документа остался прежним. Правящее сословие удостоилось самых лестных слов: «Верная и крепкая ограда престола, ум и душа народа, издревле благочестивое, издревле храброе, издревле многократными опытами доказавшее ничем ненарушимую преданность и любовь к Царю и Отечеству»¹⁷⁸. Дворянству вменялось «увеличить заботу и попечение» за крепостными, по-отечески их «любить» как своих «домочадцев»¹⁷⁹.

Сентенции Шишкова о благе помещичьего патернализма получили негативные оценки в историографии. По ироническому замечанию В.И. Семевского, «Шишкову хотелось даже с высоты самого трона заявить, что крепостное право полезно для самих крестьян»¹⁸⁰. Тем не менее его интерпретация крепостного права «как оптимальной формы существования русских в единой патриархальной семье» была призвана обеспечить народную солидарность в условиях сословного деления общества¹⁸¹.

Современники высоко оценивали роль Шишкова в событиях 1812 г. С.Т. Аксаков вспоминал: «...Писанные им манифесты действовали электрически на целую Русь. Несмотря на книжные, иногда несколько напыщенные выражения, русское чувство, которым они были проникнуты, сильно отзывалось в сердцах русских людей»¹⁸². По словам А.С. Стурдзы, в этих манифестах «отразилось все изумительное величие тогдашних событий»¹⁸³. А.С. Пушкин во «Втором послании к Аристарху» (1824 г.) изображал Шишкова своего рода символом Отечественной войны:

Сей старец дорог нам: он блещет средь народа
Священной памятью двенадцатого года¹⁸⁴.

Таким образом, имя вице-адмирала оказалось неразрывно связанным с событиями войны 1812 г. Его призывы к жертвенности ради свободы Отечества, к защите веры и святынь оказали значительное влияние на чувства и настроения масс. Сила, выразительность, прямота мысли Шишкова не оставляли равнодушными всех, кто читал составленные им официальные бумаги спустя многие годы. В преддверии столетнего юбилея событий 1812 г. Н.А. Палицын отмечал, что слова вице-адмирала «проникали в глубочайшие тайники народного духа и, вызывая в народе сильный патриотизм, всю Русь как единого человека поднимал на защиту отечества»¹⁸⁵.

Александр I наградил его орденом Святого Владимира 1-й степени¹⁸⁶, и произошло это несмотря на имевшиеся у них разногласия. Представления вице-адмирала об «особом» пути России противоречили установкам верховной власти на либерализм и универсалистские модели человеческого развития. В то же время они оказались крайне востребованными в условиях войны, вызвавшей необходимость сплочения нации¹⁸⁷. В связи с замирением Европы российская власть вновь обратилась к экспериментам в идеологической сфере, что повлекло за собой отставку А.С. Шишкова с поста государственного секретаря.

Глава III

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.С. ШИШКОВА В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ И КОМИТЕТЕ МИНИСТРОВ

§ 1. А.С. Шишков в споре о проекте Гражданского уложения

Русские законы требуют русских мыслей и выражений.

А.С. Шишков

30 августа 1814 г. Шишков покинул пост государственного секретаря и в тот же день был назначен членом Государственного совета. Кроме того, он получил право присутствовать на заседаниях Комитета министров, где рассматривались дела особой важности¹. Прежде такое право имели только министры, в их отсутствие — товарищи министров, а в особо важных случаях — главы департаментов. Высокий статус Шишкова подчеркивал его переезд из скромного домика на Фурштатской улице в великолепную казенную квартиру напротив дворца².

Учрежденный 1 января 1810 г. Государственный совет был продолжателем Непременного совета, созданного в 1801 г. в целях упорядочивания отечественной правовой системы и организации государственной жизни на «твердых основаниях закона». Новый орган занимал верхнюю позицию в бюрократической структуре. Его широкие законосовещательные функции ассоциировались с парламентской деятельностью³. Канцелярию учреждения возглавлял государственный секретарь. Далее по иерар-

хии шли департаменты, комиссии, особые совещания, комитеты и присутствия.

Являясь членом Департамента законов, Шишков заседал в общем собрании Совета. Голос убежденного сединой патриота имел вес, особенно в вопросах кодификации отечественного законодательства и крепостного права.

Проблема упорядочения разрозненных правовых актов находилась в центре внимания российской власти со времен Петра I. С целью решения этого вопроса Александр I образовал десятую по счету Комиссию составления законов. Ей предписывалось руководствоваться «Наказом» Екатерины II — своеобразной компиляцией просветительских сочинений (прежде всего «О духе законов» Ш. Монтескье и «О преступлениях и наказаниях» Ч. Беккариа), а также «духом Правления, характером народным, политическим и естественным положением Государства»⁴.

Назначенный в 1809 г. на пост главы этой Комиссии М.М. Сперанский опирался на общий план государственного преобразования. Он задумывал установить в России принцип разделения властей, ввести выборность судей, создать избираемую на три года законодательную Думу, перед которой отвечали бы назначенные императором министры. По его замыслу, крепостные крестьяне не получали избирательных прав, но ограждались от помещичьего произвола запретами наказывать их без суда, отдавать в рекруты без очереди, облагать повинностями сверх определенных законом. Предполагалось наделить крестьян правом собственности на движимое и недвижимое имущество, создать для них собственные сословные суды.

Идеи реформатора были направлены против привилегий правящего сословия. Подготовленные им указы от 3 апреля и 6 августа 1809 г. вызывали гнев дворянства. По этим указам камергеры и камер-юнкеры должны были «вступать в действительную службу», а претенденты на чины коллежского асессора и статского советника — обучаться в отечественных университетах или сдавать там специальный экзамен.

Члены Государственного совета, увидев в проекте Уложения Сперанского идею равенства сословий, потребовали ясного раз-

граничения гражданских и политических прав. 18 января 1810 г. Департамент законов предложил уточнить, что мера гражданских прав определяется принадлежностью людей к «состояниям», т.е. к сословиям⁵. Критики выступили против ст. 2 проекта Уложения, где указывалось: «Права гражданские в действии своем суть независимы от прав политических, принадлежащих особнным состояниям»⁶. Они изменили ее таким образом: «Права гражданские сами по себе никому не сообщают прав политических, присвоенных особнным состояниям»⁷.

Критическое отношение Сперанского к сложившейся в России системе права было отмечено его биографом М.А. Корфом: «Напитанный наполеоновскими идеями, он не давал никакой цены отечественному законодательству, называл его варварским и находил совершенно бесполезным и лишним обращаться к его пособию»⁸. Мнение противников реформатора в феврале 1811 г. озвучил Н.М. Карамзин, прочитав в тверском салоне сестры императора Екатерины Павловны свою «Записку о древней и новой России». Там говорилось, что проект Уложения носил умозрительный характер, был чужд традициям и сословному строю. Карамзин называл этот проект «переводом Наполеонова Кодекса»⁹ и приводил примеры заимствованных оттуда фраз¹⁰. Шишков, ознакомившись в 1813 г. с третьей частью Гражданского уложения, сказал следующее: «Я нашел ее написанною худым языком, без всякого тщания и соображения с нашими законами, с нашими нравами и обычаями, инде двусмысленно, часто невразумительно, и даже наполнено безнравственными статьями, бестолково переведенными из так называемого Кодекса Наполеона»¹¹.

После начавшегося в декабре 1814 г. повторного рассмотрения проекта Сперанского вице-адмирал представил общему собранию Государственного совета свое мнение о первой главе. Он говорил, что новое Уложение не соответствует идеям екатерининского «Наказа» о ясности, краткости и понятности законов. По его мнению, в новом уложении с точностью не были определены гражданские и политические права. Под гражданскими часть членов Государственного совета обозначала права всех подданных, а под политическими — особнные права и преиму-

щества сословий (касательно дворянства: владение крестьянами и имениями).

Шишков выступал за придание Гражданскому уложению отчетливо сословного характера. Оспаривая определение гражданских прав как отношений «по лицу» и «по имуществу», он считал более верной фразу «отношения между подданными»¹². Его возражения вызвал § 2, где указывалось следующее: «Закон государственный определяет, в какой мере права гражданские принадлежат каждому по его состоянию»¹³. Вице-адмирал полагал, что в данном случае нужно вести речь о политических правах, поскольку под словом «состояния» понимались сословия дворян, купцов и мещан¹⁴.

Ожесточенные споры вызвал § 6 проекта Уложения. В нем говорилось о лишении гражданских прав тех лиц, которые «укоренились» (приобрели недвижимость) в иностранных государствах или без дозволения правительства поступили там на службу. Против этого пункта выступал адмирал Н.С. Мордвинов¹⁵. С его точки зрения, параграф противоречил позитивной практике, при которой иностранцы поступали на русскую службу, приобретали в России имения, сохраняя права в своих странах. Положительным примером он считал Англию, отрицательным — закрытую для иностранцев Японию. По мнению Мордвинова, запрет не имел смысла, ибо за 100 лет мог коснуться лишь двух-трех человек, да и то торговцев, стариков, больных, «несчастных» и «гонимых»¹⁶.

Комиссия составления законов отмечала иное: «Всем известно, что многие российские подданные разных состояний и даже из знатных фамилий владеют имениями в чужих государствах»¹⁷. Впрочем, такая ситуация не противоречила отечественным законам. Только чиновникам и дипломатам Петр I и Александр I не позволяли приобретать имения в других странах, остальные такое право имели.

Позиция А.С. Шишкова по вопросу владения заграничной недвижимостью неизвестна. Зато он считал, что для поступления на иностранную службу не следовало испрашивать разрешения правительства, ибо такое право оговаривалось в Жалованной грамоте дворянству: «Подтверждаем благородным дозволение всту-

пать в службы прочих европейских Нам союзных держав и выезжать в чужие края», — гласил § 19 грамоты¹⁸. В качестве примера вице-адмирал приводил судьбу М.В. Ломоносова, который поневоле вступил в прусскую службу, но при этом не был «извержен» из числа россиян¹⁹.

В мелочной регламентации всевозможных прав Шишков видел нарушение здравого смысла. По его мнению, в § 9 проекта Уложения было излишне говорить о том, что человек, лишенный гражданских прав, не мог наследовать, располагать, дарить и завещать имущество, принимать какую-либо собственность по завещаниям и сделкам: «Как бы, сказав о человеке, что он умер, начать исчислять, что он не может беседовать с живыми, не может жениться, не может ходить, ездить и прочее», — с легким сарказмом разъяснял свою точку зрения Шишков²⁰. Ему казалась нелогичной последовательность пунктов этого параграфа: сначала говорилось, что «имущество лишенного гражданских прав поступает к его наследникам», а затем — «он не имеет права располагать, дарить, завещать свое имущество». По этому поводу вице-адмирал отметил: «Да оно у него взято. Оно уже не его»²¹.

Некоторые статьи он пытался исправить в духе Жалованной грамоты дворянству, где § 11 не позволял лишать дворян имений без суда²². Шишков хотел внести в Уложение параграф о том, что изымать у подсудимого право управлять имением можно только в случае тяжкого преступления.

Существовавшие законы вице-адмирал определял как русские, а попытки их изменить связывал с пагубным иностранным влиянием. По его мысли, правовые акты должны опираться на отечественные традиции и обычаи: «Составление оных требует крайней осторожности, основанной не на легких и опрометчивых порывах умозрительной учености, но на правилах веры и благонравия, на зрелости рассудка, на правах и обычаях своего народа и вообще на знании дел и сердец человеческих», — полагал Шишков²³.

Он считал, что законы не должны иметь двоякого толкования, а потому их следовало писать языком «простым, чистым, состоящим из слов ясных и с точностью определенных»²⁴. По его мнению, «русские законы требуют русских мыслей и выражений,

дабы всякой удобно понимать их мог»²⁵. Такой подход был близок Н.М. Карамзину, выступавшему против галлицизмов в переводе наполеоновского Кодекса²⁶.

Дискуссии в Государственном совете не внесли ясность в предлагаемое проектом распределение гражданских прав, что само по себе свидетельствовало о его чуждости для России того времени. Министр юстиции Д.П. Трошинский в 1815 г. от имени правящей элиты высказался за сохранение *status quo* между сословиями, заявив, что права русских подданных должны определяться следующим образом: «Дворян по содержанию всемилостивейше пожалованной грамоты; купцов и мещан — по изданному для них городовому положению; крестьян казенных и помещичьих — по существующим об них узаконениям»²⁷. Таким образом, принцип сословности стоял на пути уравнивания россиян в гражданских правах.

Полемика вокруг правовой реформы была отложена до сбора полного свода прежних постановлений Комиссией составления законов. В 1822 г. Государственный совет возобновил обсуждение проекта Уложения. Шишков подверг критике его шестую главу «О браке». Позиция вице-адмирала заключалась в неприятии идеи гражданского брака, в сохранении ведущей роли в этом вопросе духовенства, в необходимости соблюдения Таинств церкви²⁸. Мнение консерваторов поддержал министр духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицын. Благодаря ему, по словам Ю.Е. Кондакова, «дело о введении светского бракосочетания вообще не дошло до Св. Синода, обер-прокурор “зарубил” его еще на стадии слушания в Государственном совете»²⁹.

Подводя итоги, отметим, что споры о реформе российского законодательства при активном участии А.С. Шишкова завершились победой консерваторов. В николаевское царствование отечественные кодификаторы стали руководствоваться идеей систематизации уже существующих в России постановлений наряду с введением новых законов, содержавших элементы права стран Европы. Николай I отверг идеи «Уложения» Сперанского как слишком теоретические, отвлеченные от российских реалий, потрясавшие существовавшие порядки³⁰. Результатом стало создание в его царствование Полного собрания и Свода законов

Российской империи, построенных по хронологическому и тематическому принципам. Они определяли разметку отечественного правового поля вплоть до начала XX в.³¹

Отсутствие в России Гражданского кодекса по примеру французского свидетельствовало о несовместимости ее сословного уклада с западными нормами. Попытки подвести под них отечественные традиционные порядки были заранее обречены на неудачу и, как показывал Шишков, могли вызвать судебные ошибки, неверные толкования, не говоря уже о возможных потрясениях вследствие резкого слома веками складывавшейся социальной иерархии.

§ 2. Мнение вице-адмирала о крепостном праве

В России продаются люди как люди, а не как скоты.

А. С. Шишков

Попытки кодификации законов были тесно связаны с распространением идеи отмены крепостного права. В обществе утверждалась мысль о несоответствии «рабства» духу времени. Зависимость крестьян от помещиков была чужда либеральным представлениям о правах и свободах человека, о равенстве всех перед законом.

Издравле великие князья московские, не располагая достаточными финансовыми ресурсами, вознаграждали служилых людей поместьями. Продолжение такой практики в последующие столетия превратило небольшое государство в крупнейшую континентальную империю. Наиболее выдающиеся ее представители, в том числе М.В. Ломоносов, А.В. Суворов, Г.Р. Державин, М.И. Кутузов, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, владели крестьянами.

При Павле I началась разработка законодательных мер, направленных против произвола помещиков. Среди них можно отметить указ от 5 апреля 1797 г., ограничивавший барщинную работу тремя днями в неделю. Александр I покончил с практикой, когда воцарение монархов сопровождалось раздачей казенных крестьян в частные руки. Он же запретил отдавать крепостных

в работу за долги помещиков, возложил на дворян обязанность помогать им хлебом в голодные годы. Владельцы публично строго наказывались за жестокое обращение с крепостными. 12 декабря 1801 г. император разрешил лицам «свободных состояний» приобретать земли в собственность, что прежде могли делать только дворяне.

Указом «о вольных хлебопашцах» 20 февраля 1803 г. Александр I запустил процесс ликвидации крепостного права. Отныне помещики могли отпускать за выкуп крестьян на волю как поодиночке, так и целым селением с передачей земельного участка. Опасаясь ложных толков, Государственный совет распространил указ «частно» — на владельцев, готовых им воспользоваться, при условии получения ими высочайшего соизволения³².

Важным итогом политики Александра I стала отмена крепостного права в Прибалтике в 1816–1819 гг. Вся земля там и административно-полицейская власть остались за помещиками, крестьяне не могли покидать территорию своих губерний и уходить в города, вольнонаемный труд не получил большого распространения. В великорусских губерниях эмансипация так и не наступила. Большинство дворянских проектов изменения крепостнических отношений, написанных с середины 1810-х по 1825 г., сводились только к ограничению помещичьего произвола.

В затягивание решения крестьянского вопроса Шишков внес свою лепту. Наряду с Н.М. Карамзиным, Ф.В. Ростопчиным, Г.Р. Державиным, Ж. де Местром, И.В. Лопухиным и О.А. Поздеевым он составлял оппозицию эмансипационным веяниям эпохи, при этом являя собой образ «идеального», «гуманнейшего» помещика. Его не упрекнешь ни в корысти, ни в жестоком обращении с крепостными. Имея привычку рассчитывать прежде всего на служебное жалование, Шишков не брал с подвластных ему людей чрезмерных повинностей. По словам В.И. Семевского, «ввиду его отношений к крестьянам, нельзя не признать, что его действия в этом вопросе были основаны на глубоком убеждении и что в нравственном отношении до него было далеко как царедворцу Сперанскому, <...> так и противнику последнего по убеждениям, Карамзину, бывшему самым заурядным помещиком»³³.

Следует отметить, что на фоне вице-адмирала даже многие противники крепостного права не отличались особым гуманизмом в помещичьем быту. Никто из декабристов не дал своим крестьянам вольную. Член «Союза благоденствия» А.А. Оленин и вовсе был убит дворовыми людьми за жестокое с ними обращение. Близкие к декабристам племянники А.С. Шишкова Александр и Семен Ардалионовичи не считали взимание повинностей с крестьян чем-то предосудительным. В письме от 20 января 1832 г. Александр Семенович сообщал своей племяннице П.Д. Шишковой о том, что племянники без спроса приезжали в его поместье и требовали у старосты 700 руб. оброка³⁴.

Доброе отношение вице-адмирала к зависимому населению во многом определялось свойственным ему национализмом. Простой народ был для него единственным носителем русских традиций, хранителем обычаев предков. Шишков пытался раскрыть творческий потенциал у наиболее талантливых представителей низших сословий для создания подлинно национальной культуры. Поощрял литераторов наградами Российской академии. Крепостному поэту Е.И. Алипанову вице-адмирал помог получить волю. В 1832 г. крепостной поэт Ф.Н. Слепушкин написал к его именинам замечательное стихотворение «К портрету его высокопревосходительства Александра Семеновича Шишкова»:

Летал по синим он морям,
 Бурь не страшился Аквилона;
 Он четверем служил царям,
 Как лев рвал сеть Наполеона!
 Отечеству он был щитом,
 В вельможах — был благотворитель,
 Вития мудрый — правды гром,
 И слова русского блюстител³⁵.

К этой красочной детали биографии А.С. Шишкова следует прибавить и то, что он был апологетом крепостного права. Вице-адмирал не одобрял либеральные взгляды Александра I по крестьянскому вопросу, считая их следствием иностранного воспитания. Он писал: «Сие несчастное в государе предубеждение против крепостного в России права, против дворянства и против всего прежнего устройства и порядка внушено в него было

находившимся при нем французом Лагарпом³⁶ и другими окружавшими его молодыми людьми, воспитанниками французов, отвращавших глаза и сердце свое от одежды, от языка, от нравов, и, словом, от всего русского»³⁷.

Как видно из этих слов, Шишков ставил крепостное право в один ряд с русскими нравами, одеждой и языком. Оно для него являлось «частью самодержавной системы и уклада народной жизни»³⁸. Наиболее полно свои взгляды по крестьянскому вопросу вице-адмирал высказал в 1820 г. в Государственном совете, когда там рассматривался проект закона о запрете продавать людей без земли и поодиночке с раздроблением семей.

Вопрос о торговле людьми поднимался еще в мае 1801 г. при рассмотрении проекта указа о запрете продажи крестьян без земли. Члены Непременного совета нашли предлагаемую меру преждевременной, способной стать причиной бунтов из-за «превратного истолкования» ее крестьянами, ограничивающей возможность продажи с целью переселения. Тогда же обсуждался вопрос о том, чтобы крепости на продажу людей с переводом их на другие земли совершать при условии, что крестьян переселяют с семьями и имуществом³⁹. Указом от 29 мая 1801 г. Александр I запретил печатать объявления о продаже крестьян без земли с раздроблением семьи⁴⁰.

Департамент законов, в котором заседал Шишков, стоял на стороне помещиков. 22 мая 1818 г. сановники высказались против резолюции Павла I от 16 октября 1798 г., не позволявшей продавать крепостных без земли в Малороссии⁴¹.

В январе 1820 г. министр юстиции Д.И. Лобанов-Ростовский представил Государственному совету записку санкт-петербургского военного губернатора графа М.А. Милорадовича. В ней перечислялись помещичьи злоупотребления: продажа людей в гаремы, в рекруты, в счет погашения долга и на ярмарках, разлучение членов семей крепостных⁴². Цель записки состояла в том, чтобы побудить членов Государственного совета принять меры против неограниченной торговли людьми как самого вопиющего проявления крепостничества.

Подготовкой соответствующего законопроекта занималась Комиссия составления законов во главе с Г.А. Розенкампом⁴³.

В ходе ее работы был обнаружен указ Петра I от 15 апреля 1721 г., которым осуждался обычай продавать людей, как скот. Такой обычай, по мнению членов Комиссии, не соответствовал духу времени, являлся безнравственным и недопустимым «ни по естественным, ни по политическим законам»⁴⁴.

Первое, на что обращал внимание Шишков — декларативность упомянутого указа Петра I. Вице-адмирал задним числом даже поспорил с царем-реформатором: «В России продаются люди как люди, а не как скоты, — говорил он. — Смешивать права продажи людей с правами продажи скотов есть несправедливое смешение, никогда в России не существовавшее»⁴⁵.

К 9 марта 1820 г. законопроект был готов. По нему продавать, приобретать и закладывать крестьян можно было только целыми селениями, со всем имуществом и с землей. Запрещалось продавать людей за долги их владельцев, передавать крестьян в помещичий двор, а также дробить имения с числом крепостных до 100 душ. Переселяя крепостных в другие уезды, владельцы должны были обеспечить их на новом месте жительства домом и не меньшим, чем прежде, количеством земли. «Укреплять» крестьян могли только потомственные дворяне. Кроме того, предусматривались меры для облегчения положения «дворовых людей», в старину бывших холопами⁴⁶.

В Департаменте законов Государственного совета этот законопроект, по свидетельству Шишкова, произвел неблагоприятное впечатление: «Тогда по прочтении оного всяк из нас почувствовал, до какой степени простиралась охота и свобода законодательствовать. Каждый мальчик выдавал себя за Ликурга⁴⁷ и Солона⁴⁸»⁴⁹. 20 октября 1820 г. он озвучил там свое мнение, которое заключалось в необходимости сохранить за помещиками право распоряжаться личностью крепостных и землей по своему усмотрению.

Свободная торговля людьми, с его точки зрения, имела твердые правовые основы, заложенные Соборным Уложением 1649 г. и последующими законами. В качестве примера он отметил указ о пошлинах от 28 октября 1808 г., который оговаривал помещичье право продавать и дарить «крепостных людей с землею и без земли», продавать женщин «поодиночке и раздельно от мужского пола»⁵⁰. Значимость юридического аргумента вице-

адмирала признавал его оппонент, министр внутренних дел В.П. Кочубей: «Тот, кто поднес государю к подписанию указ 1808 года о пошлинах, на котором утверждается Шишков, сделал великое преступление», — пересказывал его слова декабрист Н.И. Тургенев⁵¹.

Другой аргумент, приводимый Шишковым: «Почему продажа нескольких человек вместе предпочитается продаже одного человека, и по каким причинам первая свойственна духу нынешнего времени, а вторая несвойственна и равняется продаже бессловесных животных?»⁵² С его точки зрения, торговля крестьянами без земли была выгодна им самим, ибо позволяла менять род занятий, становиться ремесленниками, портными, кучерами, поварами и лакеями. Она же помогала малоземельным крепостным переселяться в большие поместья. Перевод крестьян с «пашни» в помещичий двор, по его мнению, был редким явлением и касался прежде всего сирот, не имевших крова. По Шишкову, дворянам не было никакой выгоды отрывать земледельцев от хлебопашества, ибо это наносило ущерб их собственному благосостоянию. Произвол же пресекался передачей имений в опеку. Как языковед, он не видел ничего постыдного в слове «раб», потому что оно, с его точки зрения, произошло от глагола «работаю»⁵³.

Свое представление о крепостном праве вице-адмирал выражал так: «Данное в России над людьми право не есть ни беспредельное, ни насильственное, но огражденное законами, требующими, чтоб помещик сочетал пользу свою с пользою своих подвластных, и купно с государственным благом наблюдая между ними, как отец между детьми, благосостояние, порядок и устройство. В противном случае, законы приемлют на него жалобы, отнимают у него власть и его самого наказуют»⁵⁴.

Появление законопроекта вице-адмирал связывал с «вредными умствованиями» о свободе личности, с пагубными желаниями реформаторов угодить духу времени, который отождествлялся им с «общим стремлением к своевольству и неповиновению»⁵⁵. Идти навстречу либералам он явно не собирался.

Его критика показывала слабые стороны законопроекта. Одна из них заключалась в том, что крестьяне не являлись собственниками земли, а потому требование продавать их вместе с участком

земли звучало абсурдно. Шишков вопрошал: «На какой истине основано мнение, что при продаже деревни человеку продавать-ся вместе с господскими полями, лесами и коровами — не бесчестно, а одному, без них, для посадки на другую господскую землю или для употребления к другим соответственным состоянию его занятиям — бесчестно? Разве продается он от земли, собственно ему принадлежащей?»⁵⁶

Право владения землей, изначально признаваемое только за дворянством, Указом от 12 декабря 1801 г. было распространено на купцов, мещан и казенных крестьян. Как показала реформа 1861 г., вопрос о праве собственности на землю играл главенствующую роль. Без постановки проблемы в данной плоскости проект Комиссии Розенкампа выглядел не до конца последовательным и не вполне логичным. Умеренность и ограниченность требований либералов проявлялась и в том, что они не ставили ребром вопрос о предоставлении крестьянам личной свободы.

В крепостном праве Шишков видел оптимальную модель взаимоотношений между сословиями, своего рода максимально возможную гармонию в несправедливом от природы обществе. Она заключалась в том, что дворяне по-семейному заботились о своих крестьянах и тем самым приносили пользу им, себе и государству. По словам А.Н. Долгих, рассуждения о пользе дворянского попечительства над крестьянами в то время были типичны для средних помещиков⁵⁷. Идеино близкий Шишкову С.Н. Глинка на страницах своего журнала «Русский вестник» создавал образ «отца-помещика», ответственного за нравственность, здоровье и благосостояние вверенных ему крестьян⁵⁸.

Позиция вице-адмирала по некоторым вопросам шла вразрез с существовавшими указами. Так, например, правительство не раз запрещало торговлю рекрутами как распространенный способ обогащения. Шишков же говорил, что приобретение одиноких мужчин для отправки их в армию избавляло от рекрутчины крепостных, имевших семьи.

Вице-адмирал полагал, что вред от ограничительных мер превышал пользу. Поэтому он призывал не абсолютизировать злодеяния отдельных «неблагоразумных» помещиков, тем самым очерняя большинство дворян. Такая установка Шишкова хорошо

видна из его отношения к случаям произвола, изложенным в записке М.А. Милорадовича.

По резонансному делу штабс-капитана Раздеришина, купавшего малолетних девок в свой гарем, вице-адмирал осведомлялся: «Почему за одного Раздеришина считать всех Раздеришинами?»⁵⁹ В схожем деле коллежского асессора Лупандина он предлагал сначала разобраться, и в случае вины передать имение помещика в опеку. При этом Шишков высказал соображение о том, что тот мог продавать невест по просьбам их отцов в целях бракосочетания, тем самым оберегая молодежь от распутств. Оправдывая статскую советницу Полонскую, которая при продаже семейства своего дворового человека Ивана Чернышева оставила у себя его старшую дочь, он прибегал к софистике: «Разлука родственников есть необходимое в жизни зло: дочь выходит замуж, сын, женись или по иным каким обстоятельствам, отходит от отца, брат оставляет брата. Какой закон вопреки природы можно сделать, чтоб семейства пребыли до смерти неразлучными?»⁶⁰ Таким образом, участие дворян в семейных делах крепостных, согласно вице-адмиралу, было их природным правом.

Шишков выступал против предоставления свободы дворовым людям после смерти залезшего в долги владельца, а также против запрета продавать крепостных в присутственных местах «заочно», ибо в данном случае они не выводились на торг лично, как на ярмарках. Он стоял за незыблемость крепостного права, которое пошатнулось бы в случае принятия либерального законопроекта и предлагал оставить все на прежних основаниях, пресекая отдельные злоупотребления помещиков.

Себя в этом деле Шишков позиционировал как человека, не преследующего корыстных целей и нацеленного лишь на общее благо: «Имение у меня самое малое, — говорил вице-адмирал. — От рождения моего я не продавал и не покупал ничего. И так, никакие виды или страсти не могут меня побуждать к защите одной стороны больше, чем другой. Я говорю, как думаю, как мне кажется, горя единственным усердием к пользе и общему благу»⁶¹. Небольшой размер поместья Шишкова подтверждается его письмом от 20 января 1832 г. к племяннице П.Д. Шишковой. В нем он завещал своей второй жене Ю.О. Лобаржевской «бла-

гоприобретенное» имение, «состоящее в одном каменном доме и деревнях, содержащих в себе около четырехсот душ»⁶².

Во многом консерватизм вице-адмирала в крестьянском вопросе определялся страхом перед народными бунтами. Он был убежден, что крепостные примут облегчение своего положения за полное освобождение от помещичьей власти, выйдут из «повиновения и обузданности», разрушат страну и свое благоденствие. Свою защиту крепостнической системы Шишков подкреплял словами из Священного Писания: «Повинуясь властям, начало премудрости — страх Господень»⁶³.

Среди аргументов вице-адмирала были победы России над врагами, ее стабильность на фоне революций в Испании и Неполе, произошедших в 1820 г.: «В то время, когда мы слышим и видим, что почти все европейские державы вокруг нас метутся и волнуются, наше благословенное отечество пребыло всегда и пребудет спокойно. Единодушный гром на восставшего врага, далеко простертые победы и внутренняя, среди неустойств Европы, тишина не показывают ли, что оно больше благополучно, больше благоденствует, нежели все другие народы? Не есть ли это признак добродушия и не зараженной еще ничем чистоты нравов? На что ж перемены в законах, перемены в обычаях, перемены в образе мыслей?» — подытоживал он⁶⁴.

Таким образом, потрясения в европейских странах, по мысли Шишкова, должны были служить сдерживающим либеральные преобразования фактором. Похожим образом европейские революции 1848–1849 гг. вызвали надежды на укрепление самодержавия у поэтов-консерваторов царствования Николая I — В.А. Жуковского, позднего П.А. Вяземского, Ф.И. Тютчева⁶⁵.

На общем собрании Государственного совета 22 ноября 1820 г. вице-адмирал от лица Департамента законов высказал свое мнение. Оно встретило как насмешки, так и одобрение советников⁶⁶. 29 ноября председатель Государственного совета П.В. Лопухин представил ответ Комиссии составления законов на критику Шишкова. Там говорилось о древних вольностях крестьян, о праве Юрьева дня⁶⁷, о том, что Петр I с целью получения податей стремился «укрепить» крестьян за землей, а не за помещиками. По мнению Комиссии, обычай обращать земледельцев в дворо-

вых людей противоречил прямому смыслу Соборного Уложения 1649 г., а указ о пошлинах 1808 г. сочли относящимся к гражданскому праву, потому не имеющим силу закона в крестьянском вопросе. Члены Комиссии утверждали, что «грубым» законам, унижавшим человеческое достоинство, не место в современном гражданском обществе и что русский народ не меньше достоин свободы, чем население Прибалтики. На замечания Шишкова о том, что эмансипационные идеи пришли в Россию из училищ охваченных революциями государств, Комиссия отвечала следующее: «Гишпания и Неаполь не имели и не имеют училищ и весьма далеки от всякого просвещения»⁶⁸.

На просьбу Шишкова объявить имя вольнодумца, составившего бумагу, почтенный старик П.В. Лопухин во всеуслышание назвал себя. Взяв слово, министр внутренних дел граф В.П. Кочубей сообщил, что «нынешнее наше правительство от самого начала своего всегда изъявляло и поддерживало либеральные идеи, во всей Европе принятые; и что в наше время нельзя держаться правил старого времени, сделавшихся смешными»⁶⁹.

Своим противодействием принятию законопроекта, запрещающего продажу людей поодиночке и без земли, Шишков снискал славу выразителя крайне консервативного мнения правящего сословия. В.И. Семевский считал его главой «русской консервативной партии», которая «протестовала против всякой меры на пользу крестьян, против всякой книги, написанной в защиту необходимости изменения их быта»⁷⁰. А.В. Предтеченский называл вице-адмирала «наиболее реакционным деятелем Александровского царствования»⁷¹. А.Н. Долгих объявлял его «апостолом крепостничества», идеологом русского провинциального дворянства, которое было слабо затронуту начавшимся развитием капитализма и не испытывало стыда столичных либералов перед просвещенным Западом за «мерзости» крепостного права в России⁷².

Однако позиция Шишкова была продиктована реалиями того времени и имела точки соприкосновения с воззрениями видных управленцев. Так, например, Государственный контролер барон Б.Б. Кампенгаузен⁷³ тоже опасался, что либеральные меры могут вызвать потрясения: «Одни только слухи о намерении правительства улучшить положение крестьян, по невежестве их и

подучениям от корыстных и злонамеренных людей, неоднократно производили сильные волнения», — говорил он на заседании Государственного совета 29 ноября 1820 г.⁷⁴ Адмирал Н.С. Мордвинов, подобно Шишкову, рассуждал 2 декабря о правовой защищенности крестьян: «Жалобам их открыты суды. Чиновники гражданские постановлены им покровителями, и за поступки, противные благонравию, за нерадение о их благосостоянии помещик лишается права власти над подчиненными ему крестьянами и с лишением сей власти лишается даже права владения той землей, на коей оскорбленные им крестьяне жительство имеют»⁷⁵.

Шишков последовательно излагал свою точку зрения, не подстраиваясь под либеральные настроения эпохи, не стремясь получить политические дивиденды от продвижения набиравшей популярность темы прав и свобод личности. Он руководствовался убеждениями о государственной пользе, которая виделась ему в сохранении сложившихся порядков.

§ 3. Оценки А.С. Шишковым положения дел в сфере просвещения

Новомыслие и вольнодумство заразило все наши училища.

А.С. Шишков

Будучи поборником национального воспитания, Шишков в 1815 г. выступил в Государственном совете с критикой учебных пособий по философии и эстетике. Его возмущали неясность слога и нравственная неприемлемость их содержания. «Науку вкуса» эстетику Шишков называл «темным», непонятным «бредом», рожденным в «воспаленных немецких головах», а о книгах по философии говорил: «Каким светом озарится ум юноши, когда он, прочитав сие или затвердя наизусть, станет, ничего не понимая, сам себе говорить: “Я есмь собственное мое существо, остающееся в представлении там же и называемое особою или душою”? На полезное ли он употребит драгоценное время свое, когда в классе философии станет слушать произносимое с важностию от учителя толкование тому, чему давно уже он от

резвых сотоварищей своих научился: что “щекотание есть ощущение, рождающее смех и подобное ощущению трения и зуда”? Какая добродетель вкоренится в сердце его, или какой должности своей научится он от всех сих “чувствований игр удовольствия, приятных или неприятных, сильнейших и слабейших, имеющих влияние одно на другое, отчасти или совершенно уничтожающихся и производящих горькое удовольствие и сладкое неудовольствие”? Науки ли это? В том ли состоит любомудрие и просвещение, чтоб не разуметь самого себя?»⁷⁶

По мысли Шишкова, через книги подобного содержания юношам внушались безверие, кошунство, злонравие, сладострастие и другие пороки. Их распространение он увязывал с отказом правителей эпохи Просвещения смотреть за нравами общества: «Прошедший век, названный просвещенным и философским, усыпля бдение правительств, породил и возлелеял сей дух безбожия и злонравия, сей дух, истреблениями и убийствами дышащий, от которого потрясаются правительства, потухает свет веры, умолкает закон, гибнет власть, водворяется, свирепствует шумное буйство, а добродетель, труды, науки, художества утопают в потоках крови. Таковы суть следствия, рождающиеся от дремоты правительства смотреть за нравами», — говорил вице-адмирал⁷⁷. Он предлагал изменить правила цензуры. Впоследствии, став министром народного просвещения, Шишков сокрушался, что к нему вовремя не прислушались, и в свет вышло еще больше сочинений, враждебных монархическому правлению и православной вере⁷⁸. Впрочем, его упреки предшественникам были связаны с борьбой за власть в верхах бюрократии. В действительности в послевоенный период сфера просвещения испытывала возрастающее давление со стороны правительственных чиновников.

При Главном правлении училищ⁷⁹ 27 марта 1818 г. был создан Ученый комитет. Его членами являлись И.С. Лаваль, Н.И. Фус, А.С. Стурдза, К.А. Ливен, С.С. Уваров, М.Л. Магницкий, митрополит Филарет, П.С. Мещерский, И.И. Мартынов, С.С. Штер, В.М. Попов. Основной функцией Ученого комитета была предварительная цензура сочинений, написанных частными лицами, и учебников, изданных университетскими профессорами⁸⁰. Учреждение крайне негативно относилось к теориям о животном

состоянии первобытного человека, о появлении власти не от Бога, а в результате договора между людьми. Из преподавания в гимназиях и училищах полностью исключались некоторые дисциплины: естественная история, статистика, начальный курс философии и изящных наук, начальные основания политической экономии и технологии⁸¹.

В том же году министр духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицын обязал попечителей учебных округов запрещать те места в книгах, которые были несовместимы с христианским вероучением, насаждали «вольнодумство», «неверие», безбожие, «революционную необузданность», «мечтательные философствования», опорочивали догматы православной церкви⁸².

На положение дел в образовании оказывала влияние общественно-политическая ситуация в Германии⁸³. Немецкий народ, разделенный границами феодальных княжеств, грезил мечтой о национальном единстве. В 1817 г. торжества, устроенные в Вартбурге в честь победы над французами в Лейпцигской битве 1813 г. и в честь 300-летия Реформации Лютера, обернулись беспорядками. Студенты жгли книги, содержание которых по тем или иным причинам противоречило идее единства и независимости Германии.

Центрами недовольной молодежи были университеты: Гейдельбергский, Йенский, Гессенский, Вюрцбургский, Берлинский, Кенигсбергский. В 1819 г. в Мангейме студент К.Л. Занд убил писателя А. Коцебу, которого либеральное общественное мнение подозревало в шпионаже в пользу России и который публично защищал положения записки «Mémoire Sur l'Etat Actuel de l'Allemagne», написанной в 1818 г. для Аахенского конгресса российским дипломатом А.С. Стурдзой. В этой записке критиковались либеральные традиции немецкой высшей школы как источник распространения революционных идей⁸⁴. У Занда оказалось немало защитников, считавших его поступок принесением очистительной жертвы за свободу отечества⁸⁵.

За этим последовала реакция держав Священного союза — России, Австрии и Пруссии, совместно пресекавших народные недовольства. Убежденный сторонник абсолютизма, ненавист-

ник конституционных и либеральных идей министр иностранных дел Австрии К. Меттерних в 1819 г. собрал конгресс немецких государств в Карлсбаде. На нем было решено усилить контроль за книгопечатанием и университетами, учредить комиссию по расследованию заговоров и революционных замыслов. За неосторожное высказывание преподавателя могли предать суду или не допустить к учебной деятельности во всех государствах Германского союза. С помощью розысков и преследований немецкое конституционное движение было разгромлено.

Шишков считал германские университеты очагами революции и высказывался за ужесточение правительственного контроля в сфере просвещения: «Об немецких университетах, не по слухам, часто неверным, но по самым гласным приключениям, всему свету обнародованным, открылись дерзкия, упразднительные учения и правила, клонящиеся к безначальству, к оправданию наглых смертоубийств, к низпровержению всех божеских и человеческих законов. Сии правила до того поднимают и распространяются, что уже и меч правосудия не только не приведет их в трепет, но к силе, устранинной ими, не смеет против них обнажиться. Мы слышим только жалобы на сей дух своеволия и нигде не видим твердых поставляемых против них оплотов. Слабые предпринимаются против него меры, подобно тому как бы разъяренному тигру погрозить прутиком, который умножит только дерзость его и бешенство», — полагал он⁸⁶.

Либеральные идеи немецкого образования усваивались и российскими студентами. Учеба в Геттингене усилила неприязнь к крепостническим порядкам одного из авторов ненавистного Шишкову проекта закона о запрете продавать крестьян порознь и без земли Н.И. Тургенева⁸⁷. В 1820–1821 гг. правительство запретило российским студентам обучаться в германских университетах⁸⁸.

В то же время шла реорганизация отечественного высшего образования в духе религиозно-монархических идей Священного союза. Приоритетом в воспитании становились начала веры, в согласии с которыми предполагалось развивать научные знания⁸⁹.

Такого рода «консервативный поворот» в сфере просвещения был связан с именем М.Л. Магницкого — правнука автора

знаменитого учебника «Арифметики» Л.Ф. Магницкого⁹⁰. Прежде он являлся ближайшим сподвижником М.М. Сперанского, по «делу» которого в 1812 г. был обвинен в государственных преступлениях и отправлен в вологодскую ссылку. В 1816–1817 гг. Магницкий поочередно занимал должности воронежского вице-губернатора и симбирского губернатора. В 1819 г. его навыки борьбы со злоупотреблениями на местах использовал А.Н. Голицын, поручив ему провести ревизию Казанского университета и предоставив права попечителя соответствующего учебного округа. По результатам ревизии оттуда было уволено 11 из 25 профессоров. В учебную программу вводились богопознание и христианское учение⁹¹.

Меры Магницкого во многом обуславливались хозяйственными и финансовыми нарушениями в университете, нравственной распущенностью студентов, низкой квалификацией преподавателей; некоторые из них находились в преклонном возрасте и имели пристрастие к алкоголю⁹². В историографии действия Магницкого интерпретировались как «погром» высшего образования. Либералы, привыкшие противопоставлять науку религии, не могли простить Магницкому введения клерикальных порядков, свойственных католическим университетам Франции и Австрии. Успехам в богословии тот отдавал предпочтение при вручении золотых медалей. Ученые обязывались отвергать материалистические теории. Студенты в зависимости от поведения были разделены на три разряда, для каждого отводился свой этаж. Учебный день сопровождался чтением молитв. Провинившихся студентов именovali грешными. Их помещали в карцер с железными решетками, распятием Иисуса и картиной страшного суда. По словам В.И. Панаева, преобразования Магницкого характеризовались «распространением между наставниками и воспитанниками духа лицемерия и ханжества как верного средства к снисканию благосклонности попечителя; происками и враждою членов университета, щедрыми наградами и возвышением окладов доверенных лиц, частою оных переменою; наконец, огромными издержками по части строительной»⁹³.

Схожие последствия для Петербургского университета имела ревизия 1821 г., проведенная Д.П. Руничем, известным масоном,

директором Московского почтамта⁹⁴. Ранее, в 1820 г., он произвел разбор книги «Право естественное» (автор — близкий к декабристам профессор Царскосельского лицея и Петербургского университета А.П. Куницын), где звучали либеральные мотивы: «Каждый человек внутренне свободен и зависит только от законов разума, а посему другие люди не должны употреблять его средством для своих целей, — говорилось в сочинении. — Кто нарушает свободу другого, тот поступает против его природы, и как природа людей, несмотря на различие их состояний, одинакова, то всякое нападение, чинимое несправедливо на человека, возбуждает в нас негодование»⁹⁵. Книгу эту Д.П. Рунич считал собранием идей Ж.-Ж. Руссо и Ж.-П. Марата, ведущих к революционному террору, антихристианским сочинением, направленным против союза родителей и детей⁹⁶. Его мнение нашло поддержку у большинства членов Главного правления училищ. С предложением М.Л. Магницкого прекратить преподавание естественного права не согласились академик Н.И. Фус и ректор Петербургского университета М.А. Балугьянский⁹⁷. Книга Куницына была запрещена, а его самого в марте 1821 г. отстранили от преподавания в лицее и университете. Впоследствии он работал в Пажеском корпусе, являлся членом Второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии и участвовал в составлении Полного собрания законов.

Начала, схожие с идеями «Права естественного» А.П. Куницына, Д.П. Рунич обнаружил в лекциях, взятых у студентов Петербургского университета. Он писал А.Н. Голицыну: «Профессор Раупах при преподавании Всеобщей истории не признает Библейских книг достаточным источником даже для самой Еврейской истории. Профессор Герман в статистике России находит Священное Писание не сообразным с географией. Экстраординарный профессор Галич открыто проповедует систему, по которой в наше только время достигшему высшего просвещения разуму приписывается способность познавать вещи, как они действительно сами по себе суть. Профессор Лодий увлекается обыкновенными умозрениями философия; но так как он ныне философию в университете больше не преподает, то дальнейших последствий от образа понятий его опасаться не следует»⁹⁸. Рунич утверждал, что в лекциях преподава-

телей «опровергается достоверность Священного Писания, подрывается в основании учение Христа Спасителя, укореняются разрушительные начала»⁹⁹.

Из университета было уволено 12 профессоров. Из них А.И. Галич, К.Ф. Герман, Э.-В.-С. Раупах, адъюнкт-профессор К.И. Арсеньев подверглись судебным преследованиям. Они обвинялись в отрицании христианских догматов, в утверждении атеизма и материализма, в проповедовании теории общественного договора и философии Ф. Шеллинга, в критике крепостного права, сословного строя и государственной статистики. Их сочинения, как составленные по иностранным образцам, изымались из учебного процесса. Вступившийся за профессоров М.А. Балугьянский был вынужден покинуть ректорский пост. В Петербургском университете усиливалась власть попечителя Д.П. Рунича, вводилась строгая дисциплина, изложение наук стало опираться на идеи Библии и верность самодержавию¹⁰⁰.

Комитет министров признал труды петербургских профессоров опасными и возмутительными. А.Н. Голицын предлагал выслать Германа и Раупаха из России, запретить Арсеньеву преподавать, а Галича перевести на другую университетскую должность. Мнения разделились пополам. Пять членов, включая Шишкова, хотели запретить Герману, Раупаху и Арсеньеву заниматься преподавательской деятельностью, остальные считали достаточным их увольнение из университета¹⁰¹.

Выступая на заседании Комитета министров 14 февраля 1822 г., вице-адмирал напомнил о своем «мнении о цензуре, семь лет тому назад двукратно читанном в Государственном совете и всеми тогда одобренном», но никаких мер не последовало, учащимся внушались «мечтательные», «дерзкие» идеи, несовместимые с «нравочениями веры» и «общими правилами». По его словам, «новомыслие и вольнодумство заразило все наши училища, в них под предлогом нового просвещения, нового образа мыслей преподавалось презрение ко всему старому, к языку, правительству, законам, нравственности и даже к самой вере»¹⁰². Как отмечал В.Я. Стоюнин, «в обвинении профессоров Шишков видел подтверждение всего, что он говорил прежде об испорченности наших школ, из которых выходили юноши уже развращенными»¹⁰³.

Как и прежде, вице-адмирал критиковал «неясность» мыслей ученых, а также обвинял их во взимании большой платы за свои уроки. Он осуждал запоздалость мер против либерализма в области просвещения. По мысли Шишкова, власти долгие годы поощряли преподавателей ровно за то, в чем теперь стали их обвинять. По его мнению, это и стало причиной того, что петербургские профессора не считали свое вольнодумство виной¹⁰⁴.

Следствие против них, с точки зрения вице-адмирала, было чрезмерно репрессивным: ученых целые сутки держали взаперти, допрашивали и не отпускали, пока те не повинятся и не напишут свои оправдания, им предлагались «странные и притеснительные вопросы, какие может делать облеченное в силу и власть суеверие»¹⁰⁵.

Шишков вновь предлагал преобразовать цензуру. Ему сделалась «благоразумная и прилежно наблюдающая должность свою цензура... ни слабая, ни строгая; ибо слабая не усмотрит и по-прежнему будет пропускать вредные внушения, а строгая не даст говорить ни уму, ни правде»¹⁰⁶. Действия голицынских цензоров вице-адмирал считал неумными: с одной стороны, они удаляли из поэтических произведений безобидные высказывания, с другой — закрывали глаза на опасные книги¹⁰⁷.

Таким образом, отношение Шишкова к «делу» петербургских профессоров показывает, что он пребывал в оппозиции к политике Министерства духовных дел и народного просвещения. Вице-адмирал критиковал как либеральные идеи, распространяемые учеными, так и непродуманные действия бюрократии, которая несвоевременно и с излишней жесткостью боролась с последствиями долго утверждавшегося в системе просвещения либерализма. Он задумывал преобразование цензуры на новых началах, которые устроили бы всех: не сковывали свободу творчества и самовыражения, но пресекали распространение антимонархических идей.

Глава IV

МИНИСТР НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И ГЛАВНОУПРАВЛЯЮЩИЙ ДУХОВНЫМИ ДЕЛАМИ ИНОСТРАННЫХ ИСПОВЕДАНИЙ В 1824–1828 гг.

§ 1. Преодоление религиозного космополитизма

Главнейшее и сильнейшее потрясение царства происходит стремлениями к разрушению господствующей в нем веры.

А. С. Шишков

Во вторую половину своего царствования Александр I руководствовался идеей единства христианских народов в рамках Священного союза. Следуя этому вектору, он отводил религии роль фундамента отечественного образования и индифферентно относился к конфессиональным различиям. В 1817 г. для реализации его замыслов было создано «объединенное» Министерство духовных дел и народного просвещения. Оно возглавлялось личным другом императора, «убежденным экуменистом»¹ князем А.Н. Голицыным². Министр способствовал пропаганде западного мистицизма, считая обрядовую сторону христианства второстепенной³. Параллельно он установил контроль над Святейшим синодом и духовными делами на местах⁴. Период министерской деятельности А.Н. Голицына, по словам исследователя А.Ю. Минакова, был временем «фактического отказа от православного характера Российской империи»⁵.

Шишков находился в оппозиции к его религиозному курсу. Он надеялся обратить отечественное воспитание к началам пра-

вославия, полагая, что «науки, изощряющие ум, не составляют без веры и без нравственности благоденствия народного»⁶. Препятствием на этом пути могло стать отступление европеизированных верхов от традиций господствующей религии. По замечанию историка православной церкви П.В. Знаменского, все высшее общество, «питомцы XVIII века», в обращении к вере примыкали или к «аристократическому» католицизму, или чаще к модному в Европе «бездогматному» мистицизму, а на православие смотрели свысока, «как на веру исключительно простонародную»⁷.

В западном мистицизме аристократия искала путь к некоему «духовному возрождению»⁸. Сочинения мистиков И.Г. Юнга-Штиллинга, К. фон Эккартсгаузена, Ф.-Р. де Шатобриана, Э. Сведенборга, Л.К. де Сен-Мартена, Я. Беме, Ф. Фенелона, Ж.М. Гюйон пользовались большой популярностью. Зачастую в них проповедовались отказ от церковной обрядности, отрицание необходимости священства, экуменизм. Шишков в докладной записке к Николаю I отмечал, что такие книги наводняли Россию, обращались среди всех ее сословий, раздавались воспитанникам училищ в награду за успехи и благонаравие⁹.

В стране росла численность сектантов, особенно хлыстов, скопцов и не признававших никакой власти молокан. В ходе так называемых радений они исполняли эмоциональные песнопения и ритуальные танцы, доводя друг друга до экстатического состояния. Отставной есаул Евлампий Котельников на Дону пророчествовал о скором Апокалипсисе, произвольно толковал Священное Писание, отрицал святость икон, выдавал себя за предтечу Христа, называл священными книги мистиков¹⁰.

Свой «золотой век» переживало российское масонство. После преследований конца Екатерининского царствования¹¹ и переменчивого правления Павла I оно видело в Александре I своего покровителя и единомышленника. Часть представителей этого течения придерживались принципов, родственных консервативным. Так, например, А.Ф. Лабзин¹², публиковавший в своем журнале «Сионский вестник» мистические сочинения, являлся монархистом, критически относился к рационалистической философии Просвещения. Д.П. Рунич осуждал Петра I за отказ от народных при-

вычек и традиций, он считал, что Россия способна духовно преобразовать человечество. М.И. Невзоров¹³ наставлял юношество оставаться приверженными «вере, закону и религии»¹⁴.

Тем не менее на масонов нередко смотрели как на тайных заговорщиков, безбожников и даже шпионов. Таким оценкам в немалой степени поспособствовало издание в России в 1805–1809 гг. книги французского аббата О. Баррюэля «Вольтерианцы, или история о якобинцах, открывающая все противу христианские злоумышления и таинства масонских лож, имеющих влияние на все европейские державы». В ней рассказывалось о тайном обществе, которое действовало в Европе под прикрытием масонских лож. Его основателями объявлялись Вольтер, Дидро, д'Аламбер, император Фридрих II. Им вменялись намерения уничтожить монархии и христианские церкви, размножить беззаконные книги, защитить завоевания французской революции 1789 г. В «Записке о мартинистах», представленной Ф.В. Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне (1811), говорилось, что целью масонов была революция. Там же показывалась связь с ними М.М. Сперанского. В 1812 г., занимая пост московского генерал-губернатора, Ростопчин стремился выслать из древней столицы наиболее авторитетных масонов, предполагая в них агентов Наполеона¹⁵.

Противостояние масонству является характерной чертой православно-самодержавного консерватизма, видным представителем которого был поздний А.С. Шишков¹⁶. В середине 1820-х гг. он резко отрицательно говорил о появлении масонства в России: «Зло сие, от времен православия неизвестное в благословенном русском царстве (ибо хотя так называемые расколы и прежде существовали у нас, но они были малочисленны и гораздо меньше зловредны), пришло к нам из чужих земель. Начало оно было следующее: в царствование великой Екатерины, некто Новиков¹⁷ с товарищами — Тургеневым¹⁸, Лопухиным¹⁹ и некоторыми другими, задумали украдкой сочинять развратные книги и проповедовать заимствованные ими у чужеземных лжеучителей злочестивые правила. Для расширения связей своих и приобретения некоторых сведений послали они в чужие края молодого, тогда еще малоизвестного писателя Карамзина...»²⁰

В 1822 г. масонские ложи в России были официально запрещены (в апреле 1826 г. запрет подтвердился), а чиновников обязали представить записки о своем отношении к тайным организациям. Шишков и его подчиненные по службе в Министерстве народного просвещения на запрос Министерства внутренних дел, разумеется, отвечали, что никогда не состояли в тайных обществах, не давали им никаких клятв и словесных обещаний²¹.

Средоточием всех экуменических настроений с 1812 г. являлось Российское библейское общество: «Небесный союз веры и любви, — цитировал отчет этой организации за 1818 г. И.А. Чистович, — учрежденный посредством библейских обществ в великом христианском семействе, открывает прекрасную зарю брачного дня христиан и то время, когда будет един пастырь и едино стадо, то есть, когда будет одна божественная христианская религия во всех, различного образования, христианских исповеданиях»²².

Задачами отечественного Библейского общества были переложение Священного Писания на языки народов страны и распространение его в массах по доступной цене. У истоков такого рода деятельности стояли английские протестанты, стремившиеся приобщить народы к своей версии христианства с помощью переводимой на национальные языки Библии. Лондон оказывал некоторую поддержку Российскому Библейскому обществу, покрывая его издательские издержки. Английский агент Р. Пинкертон собирал в России отчеты об успехах распространения Слова Божия²³.

Инициатива развития в стране библейской деятельности исходила от Александра I, который надеялся сделать специфическую религиозность мистиков и «библейцев» основанием для христианского воспитания, счастья и спокойствия народов²⁴. Ю.Е. Кондаков небезосновательно видел в нем религиозного космополита, сторонника полной веротерпимости в рамках христианства, экумениста и проводника реформации Православной церкви²⁵.

Позиция императора способствовала вовлечению в Библейское общество значительной части бюрократического аппарата империи: министров, губернаторов, военачальников, руководи-

лей учебных заведений, прокуроров, почтмейстеров, архиереев²⁶. Президентом общества являлся А.Н. Голицын, вице-президентом — обер-прокурор Святейшего синода, член Главного правления училищ П.С. Мещерский. Секретарями были главы департаментов духовных дел и народного просвещения А.И. Тургенев и В.М. Попов соответственно. Библейское общество стало своего рода школой кадров для правительства.

Преобладающим влиянием в нем пользовались мистики западноевропейского толка и масоны. А.Н. Голицын пресекал критику их учений. В 1816 г. он не пропустил через духовную цензуру сочинение С.И. Смирнова «Вопль жены, облеченной в солнце, или Победная Повесть Православной Греко-Российской Соборной и Апостольской Церкви против “Победной Повести” Юнга-Штиллинга», где разоблачался масонский заговор, осуждались ожидания всемирной революции и вольная трактовка пророчеств Иоанна Богослова.

В 1818 г. был конфискован и сожжен весь тираж «Беседы на гробе младенца о бессмертии души» близкого к Шишкову литератора Е.И. Станевича. В книге проводились мысли о неотделимости веры от церковных таинств и обрядов, об антихристианском характере мистицизма. Ее автора выслали из Петербурга. Пропустившего сочинение через цензуру ректора Санкт-Петербургской духовной семинарии, члена Ученого комитета Министерства народного просвещения архимандрита Иннокентия (Смирнова) сначала удалили в Оренбург, затем поставили на епископство в Пензу. Противник «мистической партии» А.С. Стурдза вспоминал следующие обстоятельства этой истории: «На Иннокентия злились духовные крамольники за то, что, пробыв некоторое время деятельным членом Библейского общества и комитета, переводившего Новый Завет, вдруг отказался от сих должностей, вероятно, подметив в товарищах своих нечистые побуждения против церкви»²⁷. В 2000 г. епископ пензенский был причислен к лику святых Русской православной церкви.

Революции в Неаполитанском королевстве и в Испании, восстание в лейб-гвардии Семеновском полку в 1820 г. способствовали усилению позиций православных консерваторов. Резня греческого духовенства, учиненная турками в 1821 г. с молча-

ливого согласия Англии, склонила правительство к запрещению проанглийских учреждений. Против А.Н. Голицына сложилась своего рода «православная партия». Ею руководили А.А. Аракчеев, архимандрит Фотий (Спасский), А.С. Шишков, М.Л. Магницкий.

В мае 1824 г. последовала отставка Голицына и назначение Шишкова министром народного просвещения и главноуправляющим духовными делами иностранных исповеданий. Ему было определено ежегодное жалование в 12 тыс. руб., кроме того, за ним сохранялся оклад члена Государственного совета, выплаты за пост президента Российской академии, а также доходы от Адмиралтейства в размере, близком к 5 тыс. руб.²⁸ Ранее, 6 декабря 1823 г., он был произведен в адмиралы.

Назначение на министерский пост стало для Шишкова событием неожиданным. Он ощущал недостаток сил для занятия такой высокой должности ввиду своей старости, болезней, слабого зрения и плохой памяти²⁹. Впрочем, поскольку речь шла о защите православия, адмирал был готов переносить тяготы государственной деятельности.

Шишков 20 мая в Комитете министров прочитал составленный им разбор сочинения «О Евангелии от Матфея» немецкого миссионера, одного из директоров Библейского общества И.Е. Госснера. Перевод этой книги на русский язык и прохождение ее через цензуру явились поводом к отставке Голицына. Адмирал усматривал в ее содержании идею революции. Он отмечал: «Проповедник везде располагает учения свои так, чтоб они были двусмысленны, то есть чтоб вдавшемуся уже в революционные мысли были ясны, а христианину, твердому еще в вере своей, казались христианскими и только понемногу смущали его и отвлекали от оной»³⁰.

В сочинении, согласно Шишкову, попиралось монархическое правление. Он обнаружил в нем «некоторую черноту на имена царей», именование их «людьми злыми», «иродами», призывы «всякому бежать и удаляться от них, как от некой заразы». В словах проповедника о том, что Вифлеемская звезда — не та, которую носят на одежде, адмирал видел неуважение к чинам: «Кому придет в голову свет Евангельского откровения сравнивать с ка-

валерскою звездою? Вся цель уподобления сих звезд не может быть иная, как та, чтоб внушить некоторое неуважение и презрение к звездам на платьях»³¹.

Далее Шишков приводил места из книги, где клир обвинялся в карьеризме, лицемерии, в обмане паствы с целью добиться мирских благ, «почестий и преизобилия», где священники именовались «ослепленными книжниками», «служившими одному только Ироду», а православная паства называлась «чуждой благочестия»³². По современной оценке, сочинение И.Е. Госснера действительно содержит открытые нападки на русскую церковь³³.

Адмирал цитировал призывы проповедника порвать с православной верой, чтобы вернуться к аскетизму первохристиан, так сказать, обрести Христа в «униженном, презренном» Вифлееме, «в яслах, в бедности, в поругании, в гонениях и страданиях», но «не во храме Иерусалимском, который соделался вертепом разбойников, не при дворе Ирода, не в пышном и блистательном состоянии»³⁴. Он обращал внимание на следующие слова Госснера: «Вы, состоя в православной церкви, при всей тщетной славе и ложном уповании на вашу устную веру и наружно честное житие останетесь чадами дьявола и ада»³⁵.

Как показывал Шишков, проповедник имел космополитические убеждения, ибо утверждал, что «христианин не желает иметь иного отечества, кроме обширного шара земного, принадлежащего Господу»³⁶. Для адмирала же православная вера являлась атрибутом «русскости», средством национальной самоидентификации³⁷.

Центральная тема госснеровского сочинения — интерпретация новозаветной истории об «избиении младенцев» царем Иродом и чудесном спасении Иисуса Христа — согласно адмиралу, являлась тайным паролем революционеров: «Какая опасность стоит? И по какой недоверчивости проповедник велит готовиться к оружию? — Вопросал он. — Никто из князей мирских не восстает на разрушение веры; никто из христианских государей не думает, что Христос возрастет и придет отнять у него царство и престол. Как возрасти тому, кто давно уже возрос, умер и воскрес? По какому приличию дела и мысли Ирода относить на нынешних царей? Не явно ли и здесь, как и везде в других местах,

открывается хитрость проповедника, что он под именем младенца-Христа разумеет революцию, то есть разрушение православной церкви и престолов? О ней говорит, что князья мирские, разведав о расположении сердец, стараются потушить ее, не дать возрасти Младенцу и что, несмотря на их кротость и смирение, не надобно доверять им и должно готовить против них оружие»³⁸.

В то время, когда Шишков интерпретировал книгу И.Е. Госснера как революционную, в России назревал мятеж декабристов. Позднее, в ходе суда над ними, верховная власть получила подтверждение тому, что в стране уже десять лет действовали тайные антиправительственные организации³⁹. Некоторые заговорщики использовали религиозную пропаганду в революционных целях. Так, например, С.И. Муравьев-Апостол и М.П. Бестужев-Рюмин подготовили прокламацию «Православный Катехизис», которая распространялась среди солдат и крестьян во время восстания Черниговского полка. В ней говорилось о том, что цари-тираны вопреки Божьей воле похитили у русского народа свободу. Заговорщики призывали поднять оружие против монархии и «восстановить правление, сходное с законом Божиим», то есть такое, где все равны⁴⁰. Декабристы осуждали присягу мирским царям как отступление от истинного христианства, а также официальную церковь, призывавшую молиться за самодержцев.

На фоне таких настроений попытка Шишкова обнаружить в содержании госснеровской книги идею революции не кажется абсурдом. Полагая, что революции возникают из-за ослабления влияния церкви и утраты в обществе духовного единства, он 7 июня 1824 г. предостерегал Александра I словами: «Главнейшее и сильнейшее потрясение царства производится стремлениями к разрушению господствующей в нем веры»⁴¹.

Благодаря усилиям адмирала, И.Е. Госснера выслали за границу, а его «Евангелие от Матфея» сожгли в печах кирпичного завода Александро-Невской Лавры. Лица, причастные к цензуре, переводу и изданию сочинения (В.М. Попов, К.К. фон Поль, А.С. Бируков, А.Хр. Безак, Ф.А. Трескинский, И.Ф. Яковкин, Н.И. Греч), были отданы под суд. Они, по мнению Шишкова, внесли свои крамольные добавления в книгу. Там, где говорилось об избавлении народа от «тягости, мучительства и насилия

греха», переводчики написали: «Спаситель избавит народ свой от грехов, мучений и власти»⁴².

Главного фигуранта этого дела В.М. Попова в Сенате защищал И.М. Муравьев-Апостол. По его словам, бывший директор Департамента народного просвещения сделал почти буквальный перевод книги, не внося в нее собственных мыслей. Он указывал, что обвиняемый не отрицал правительственного мнения о вреде госснеровского «Евангелия», не оказывал влияния на цензоров, ибо находился за границей⁴³.

Согласно сенатору П.И. Сумарокову, Попов не направил книгу в духовную цензуру, как того требовал закон, хвалил сочинение после того, как оно было осуждено правительством, считал изгнанного из Баварии «за лжеучения» Госснера истинным христианином. Сумароков показывал, что богохульство предусматривало суровые наказания, вплоть до сожжения, и милостиво предлагал выслать «опасного фанатика» в монастырь⁴⁴. Симпатизировавший этому мнению Шишков был убежден, что Попов способствовал насаждению в России протестантизма, а его оправдание расценивал как потворство «самому злейшему покушению на церковь, престол и отечество»⁴⁵.

Благосклонное отношение Александра I позволило В.М. Попову избежать наказания и продолжить службу под началом А.Н. Голицына в Почтовом департаменте. Он оставался фанатичным последователем известной в то время «прорицательницы» кн. Е.Ф. Татариновой, принуждал ходить на ее собрания своих дочерей. В 1837 г. до полиции дошли слухи об истязании им своей средней дочери, которая испытывала отвращение к сектантской обрядности таких собраний. Следствием этого стала высылка Татариновой, Попова и их сообщников в разные монастыри.

Задачи своего министерства Шишков видел в том, чтобы добиться закрытия Российского Библейского общества и ликвидировать пагубные последствия его работы. Необходимость таких мер он объяснял многими причинами и обстоятельствами. По его мнению, Библейское общество являлось орудием иностранного влияния в России: возникло благодаря английским методистам, ориентировалось на идеи иностранных проповедников. Эти про-

поведники, по словам адмирала, «почитали церковь нашу заблудшею, первосвященников наших неверующими, всех царей и вельмож угнетателями народов»⁴⁶. В конечном итоге, полагал Шишков, Библейское общество стремилось «составить из всего рода человеческого одну какую-то общую республику и одну религию»⁴⁷.

Присутствие православного духовенства на заседаниях Общества в окружении католиков, лютеран, кальвинистов, иноверцев позволяло адмиралу говорить об унижении господствующей веры. Обстановка таких собраний, по его словам, не имела ничего общего с христианским благочестием: «Они собираются в домах, где часто на стенах висят картины языческих богов или сладострастные изображения любовников, — говорилось в одном из писем Шишкова. — И сии собрания свои, без всякого богослужения, без чтения молитв и Евангелия, сидя, как бы в театре, без малейшего благоговения, равняют с церковною службою; и дом безпрестольный, неосвященный, где в прочие дни пируют и пляшут, называют храмом Божиим! Не похоже ли это на Содом и Гомор»⁴⁸?

«Библейская» деятельность, по мнению адмирала, ослабляла почитание народом Библии и готовила в стране почву для революции. Он отмечал, что массовое распространение Священного Писания было нужно только для того, «чтоб Евангелие, выносимое в церкви с такою торжественностью, потеряло важность свою, было измарано, изодрано, валялось под лавками, служило оберткою каких-нибудь домашних вещей и не действовало более ни над умами, ни над сердцами человеческими»⁴⁹. С точки зрения Шишкова, «библейцы» искажали смысл Священного Писания при переводах его на национальные языки, способствуя тем самым распространению ересей. Рассылаемая ими мистическая литература, полагал адмирал, содержала призывы к восстанию. 16 ноября 1824 г. он докладывал императору, что Библейское общество замышляло «истребить правоверие, возмутить отечество и произвести в нем междоусобия и бунты»⁵⁰.

Зная о колебаниях Александра I в данном вопросе, Шишков обращался за поддержкой к А.А. Аракчееву⁵¹. Впрочем, он не оставлял надежд лично повлиять на императора, когда отправлял

ему письма следующего содержания: «Покажи себя защитником православной веры своей и покровителем других христианских вер, не попуская им разделяться на секты и ереси. Будь прямо Русский Царь, надеющийся на своих верноподданных. Возвысь дворян, ограду Твоего престола. Будь отец народу, но не давай возмущать его преждевременными внушениями о вольности, вовлекающими его в своеволие. Да посеется между сими двумя состояниями тишина и мир, а не вражда и злоба. Тогда Ты один посреди своего народа сильнее будешь всех царей. Одно слово Твое, один взор рассеет в царстве Твоем всех вольнодумцев, учеников чужих земель»⁵².

Как видно, Шишков ожидал от самодержца твердых и решительных шагов в защиту православной веры и социальной стабильности. В этом его полностью поддерживал пользовавшийся большим влиянием в придворных кругах архимандрит Фотий (Спасский). По словам А.Н. Пыпина, их обвинения против Библейского общества повторялись порой буквально⁵³. Бывший ученик Иннокентия (Смирнова) Фотий усматривал в деятельности А.Н. Голицына масонский заговор, координируемый из-за границы, тайную подготовку конституционной реформы и церковного раскола⁵⁴. Похожим образом мыслил новый председатель Библейского общества митрополит Серафим (Глаголевский). В декабре 1824 г. он сделал Александру I представление о вреде сект и массового распространения Библии, о союзе «библейцев» с мистическими лжеучениями, о необходимости закрытия Библейского общества⁵⁵. Оно осталось без ответа.

Ярким образчиком взглядов православных консерваторов является «Записка о крамолах врагов России». Священник М.Я. Морошкин получил ее от чиновника «за обер-прокурорским столом» Святейшего синода А.А. Павлова и приписывал авторство директору Канцелярии министерства народного просвещения П.А. Ширинскому-Шихматову, впоследствии занимавшему пост министра народного просвещения (1850–1855)⁵⁶.

Согласно этой «Записке», могущество России было основано на приверженности народа к православию и самодержавию. Оно вызывало страх у европейцев, «шатких в своих верованиях в Бога, буйных и дерзких против своих государей»⁵⁷. Далее ука-

зывалось, что Запад стремился разрушить Россию посредством своих миссионеров, а также идей «шайки» философов во главе с Вольтером и д'Аламбером. Там же говорилось об опасности, исходившей от «напитанных германским вольномыслием» университетов, от библейских обществ, раскольников, сектантов, от тайных обществ и масонов, которые печатали мистические книги в обход духовной цензуры, учили презирать государственные чины, готовили революцию. Сектанты критиковались за то, что отвергали богослужебные обряды, святыне таинства, помазание царей, церковные пожертвования, повинности, подати, молитвы за правителей. Самые злейшие из них — «беспоповцы», говорилось в «Записке», вместе с Наполеоном грабили православные храмы, а «духоносцы» во главе с Евлампием Котельниковым ожидали упразднения православной церкви как «жилища бесов» и Антихриста, как «вавилонской блудницы»⁵⁸. Деятельность Библейского общества отождествлялась с попыткой ослабить в русском народе «отвращение» к чужой вере.

Мысливший в таком ключе адмирал являлся ярким противником перевода церковнославянских книг на русский язык. Он добивался запрещения «Известий Библейского общества» и «Краткого катехизиса» архиепископа Московского Филарета (Дроздова)⁵⁹. Напечатанные в них литературным русским языком молитвы «Отче наш», «Верую во единого Бога» и «Заповеди Господнии», по мнению Шишкова, сделали священный текст похожим на комедийные представления: «Не всяк ли бы по неволе рассмеялся, если бы в псалтыре вместо: Рече безумец в сердце своем, несть Бог, стали говорить: дурак говорит — нет Бога», — возмущался адмирал⁶⁰.

Возможно, он упрощал ситуацию. По словам Г.В. Бежанидзе, «библейцы» не допускали в своих переводах разговорных слов⁶¹. Тем не менее их тексты встречали нарекания современников. Даже такой известный сторонник всевозможных новшеств, как М.М. Сперанский, полагал, что русские переводы не обладали выразительностью церковнославянского языка⁶². 4 ноября 1824 г. в ответ на слова митрополита Серафима о непонимании многими церковнославянского языка А.С. Шишков сказал: «Кто из нас не разумеет церковной службы? Разве тот один, кто, отрешась

от отечества своего, забыл и язык свой? Можно ли с рассудком поверить, что “верую в единого Бога” мы не понимаем, а “верую в одного Бога” понимаем? Что “Отче наш иже еси на небесах” есть чуждый нам славянский, а “Отче наш сущий на небесах” собственно наш русский язык?»⁶³.

Как видно, разница между двумя текстами Священного Писания для адмирала заключалась в стилистике. На русский язык он смотрел как на простонародное наречие «высокого славянского слога». Отказ от последнего, согласно Шишкову, означал отрыв от национальных корней, уподобление себя современным грекам, забывшим бессмертного Гомера⁶⁴.

По мнению А.А. Кочубинского, сама православная вера, в представлениях адмирала, основывалась на церковнославянском языке⁶⁵. Написанные на нем заповеди, по словам Шишкова, почитались народом за «Божеские изречения»⁶⁶. В намерениях Библейского общества переложить их на русский литературный язык министр видел «сильнейшее орудие революционных замыслов»⁶⁷.

Следует отметить, что переводчики Священного Писания подавали поводы к тому, чтобы их считали сторонниками революции. В первом стихе седьмой главы «Первого послания к коринфянам» апостола Павла, написанном по-церковнославянски, есть слова: «Раб ли призван был еси; да не нерадиши: но аще и можеша свободен быти, *большие поработи себе*». «Библейцы» переложили их так: «Рабом ли призван, не беспокойся; но если можешь сделаться и свободным, *тем больше и воспользуйся*». Здесь чиновники заподозрили явный умысел возмутить крестьян против помещиков⁶⁸.

Шишков добился своего. Осенью 1825 г. на кирпичном заводе Александро-Невской лавры был сожжен весь тираж переведенной на русский язык Библии, Катехизис Филарета постигла та же участь. Ранее, 18 июля 1824 г., попечителю Петербургского учебного округа было предложено раздавать прилежным ученикам Библию, псалтыри и евангелия на церковнославянском языке⁶⁹.

Министру удалось реабилитировать запрещенную при Голицыне «Беседу на гробе младенца» Е.И. Станевича. Благодаря

Шишкову, это сочинение сохранилось для потомков, ибо к 1824 г. оно существовало в единственном экземпляре. Статс-секретарь П.А. Кикин предоставил его адмиралу, а тот доложил императору, что труд содержит возражения «против тех ложных умствований, которые к поколебанию веры, церкви и престола рассеивались тогда во многих сочиняемых и переводимых книгах»⁷⁰. 17 ноября 1824 г. сочинение было разрешено к печати и продаже⁷¹.

Шишков 9 августа 1824 г. получил императорский указ, повелевавший «истреблять и обличать» рассеянные в книгах лжеучения⁷². Основываясь на нем, министр призывал членов Главного правления училищ обращать особенное внимание на труды, в которых содержалось что-либо против веры, правительства и нравственности. Книги, напечатанные без рассмотрения духовной цензурой, направлялись в Святейший синод, изымались из обращения и из библиотек. Были конфискованы следующие труды: «Воззвание к человекам о последовании внутреннему влечению Духа Христова», «Таинство креста Иисуса Христа и членов его», «Путь ко Христу» Я. Беме, «Победная повесть, или Торжество веры христианской» Юнга-Штиллинга, «Письма к другу и завещание сыну об ордене свободных каменщиков», журнал «Сионский вестник», «Краткое рассуждение о важных предметах жизни Христа», «Сочинения г-жи Гюйн» и прочие⁷³. Министерство народного просвещения направило в Священный синод тридцать томов такого рода сочинений⁷⁴. Таким образом, адмирал пресекал инакомыслие в вопросах веры.

По решению Николая I Библейское общество было закрыто 12 апреля 1826 г. Начав свое правление с подавления декабрьского восстания 1825 г., новый император не хотел допустить повторения такого рода событий в будущем. Шишков поддерживал эту линию, ставя знак равенства между декабристами и членами Библейского общества⁷⁵.

Кровь, пролитая на Сенатской площади, словно подтвердила мнение адмирала о вреде распространения мистических книг, революционных идей Просвещения, тайных обществ. Восстало против самодержавия не угнетенное крестьянство, но образованная элита общества. Шишков дал ей жесткую оценку: «Кто были тогдашние заговорщики, умышлявшие с лишением жизни тогда еще царство-

вавшего, ныне покойного, императора уничтожить престол и повергнуть мать свою Россию в безначалие, в раздоры и междоусобия? Кто были сии, одуревшие от чужих наставников, россияне? — Вопросал он в своем “Рассуждении старца, желающего блага своему отечеству”. — О срам! Чиновники, дворяне, ученики чужеземцев, воспитанные в новом духе просвещения, наслышавшиеся, начитавшиеся новых книг, изгнавших из голов их рассудок, из сердец их веру, и долг повиновения царю, и любовь к отечеству. Пример неслыханный в России!»⁷⁶

В качестве члена Верховного уголовного суда над декабристами А.С. Шишков голосовал за четвертование П.И. Пестеля, К.Ф. Рылеева, П.Г. Каховского, С.И. Муравьева-Апостола, М.П. Бестужева-Рюмина как особо опасных бунтовщиков⁷⁷. Впоследствии эта мера наказания была заменена на повешение. На фоне охватившего чиновников страха быть заподозренными в связях с «цареубийцами» позиция адмирала не выглядела из ряда вон выходящей. Из почти восьми десятков членов Верховного суда только Н.С. Мордвинов голосовал против смертной казни.

В ходе разбирательств Шишков, нередко вопреки мнению большинства, выступал за смягчение наказания для декабристов⁷⁸. Адмирал призывал Следственную комиссию и Николая I изменить принцип избрания меры пресечения, изложив свой алгоритм подсчета судейских голосов⁷⁹. Его предложения были отвергнуты.

Крайне неприятными для адмирала стали известия о причастности к делу декабристов его племянников. Владимир Ардалионович по обвинению в написании и распространении «возмутительных стихов», посвященных событиям 14 декабря 1825 г., был помещен в сумасшедший дом, откуда спустя три месяца его выпустили на поруки дяди. Его брат, поэт-романтик Александр Ардалионович, характеризовался Третьим отделением императорской канцелярии как человек с «плохими и развратными наклонностями». Благодаря протекции дяди, он был освобожден из Петропавловской крепости. После его преждевременной гибели адмирал заботился о его дочери Софии, завещал в ее пользу доходы от издания своих произведений⁸⁰.

Определенная политическая лояльность к декабристам демонстрирует весьма достойный образ действий Шишкова — он не ставил целью сломать судьбы противников, но лишь стремился отвлечь распространение революционных идей, идущих в Россию с Запада. Адмирал убедительно показывал связь между покровительством нетрадиционным религиозным взглядам, падением авторитета господствующей церкви и потрясениями.

Таким образом, Шишков одним из первых начал говорить о том, что важнейший для национального самосознания и духовного единства народа институт Православной церкви нуждается в оберегании. Ослабление же его влияния вместе с недооценкой опасностей, исходящих от тайных обществ, масонских лож, сект, иностранных духовных миссий, от ложно понимаемой веротерпимости представляют угрозу социальной стабильности и самому существованию страны.

§ 2. Политика адмирала в сфере просвещения

Обучать грамоте весь народ... принесло бы более вреда, нежели пользы.

А. С. Шишков

Преобразования Петра I положили начало светскому образованию в России. Появились цифирные, артиллерийские, гарнизонные школы. Они характеризовались строгой сословностью и «солдатской» дисциплиной⁸¹. При Екатерине II началась «гуманизация» просвещения. Произошел отказ от применения телесных наказаний. Обучение приобрело бессловесный характер. Приоритетом в преподавании стало воспитание гражданственности⁸². Со второй половины 1780-х гг. в стране массово открывались государственные училища. Параллельно действовали частные школы и дворянские благородные пансионы, а также три гимназии: при Академии наук в Санкт-Петербурге, при Московском университете и в Казани⁸³. Дворянство предпочитало домашнее обучение. Государственные школы имели трудности с наполняемостью учащимися — купцы и мещане охотнее отдавали детей для обучения грамоте причетни-

кам. Грошовое жалование учителей зачастую выплачивалось неполностью и с задержкой⁸⁴.

Александр I вывел отечественное образование на новый организационный уровень. В 1802 г. было создано Министерство народного просвещения, которому подчинялись Главное правление училищ, Российская академия, Академия наук, типографии, библиотеки, музеи. Петербургский, Московский, Виленский, Дерптский, Харьковский и Казанский университеты являлись центрами одноименных учебных округов. Либеральный устав 1804 г. обеспечивал им широкую автономию⁸⁵. В его основе лежали германская система выборности должностей университетскими советами и самостоятельность профессоров в определении структуры учебного курса⁸⁶.

Начальное и среднее образование в целом сохраняло ступенчатость екатерининских школ. Внизу находились одноклассные приходские и двухлетние уездные училища, вверх — четырехлетние губернские училища или гимназии. Гимназический устав 5 ноября 1804 г. закрепил бессловесный и светский характер обучения, утвердил преемственность степеней обучения, бесплатность образования, запретил телесные наказания. Аттестат гимназии открывал дорогу в университеты, выпускники которых получали право на обер-офицерский чин. Многие дворяне предпочитали укороченный путь к чинам посредством обучения в Демидовском, Царскосельском, Ришельевском лицеях.

В 1810-х гг. власть начала рассматривать просвещение масс как угрозу социальной стабильности. Принцип равного доступа сословий к образованию постепенно снимался с повестки дня. С 1813 г. несвободным категориям населения для поступления в университеты и гимназии требовалось разрешение министра⁸⁷. Ведомство А.Н. Голицына усиливало консервативные начала в просвещении. Влиятельный член Ученого комитета Министерства народного просвещения А.С. Стурдза активно выступал в пользу распространения религиозного образования⁸⁸. В 1823 г. М.Л. Магницкий официально предлагал А.Н. Голицыну исключить из преподавания философию и естественное право как науки, враждебные христианству и монархическому правлению. В том же году он с «об-

личительной» целью устроил в Казанском университете «кафедру конституций»⁸⁹.

Первые распоряжения Шишкова в должности министра народного просвещения свидетельствовали о продолжении им охранительного курса в образовательной политике. 14 августа он сделал следующие предписания всем учебным округам:

— исключить из гимназического преподавания естественное право и политические науки; увеличить число уроков латинского, греческого и русского языков; сократить часы риторики и поэзии; составить университетский сборник тем для сочинений;

— увеличить число надзирателей за учащимися; отсылать в полицию списки студентов с указанием их места жительства; выработать новые правила надзора.

Учащиеся должны были повиноваться начальству, посещать лекции, не входить в тайные общества, пребывать в университетах только в предписанном мундире. Без письменного дозволения ректора им запрещалось посещать театры, рауты, выезжать за город. Не дозволялись хождения в публичные дома, трактиры и билиардные. Запрещалось читать «противные христианской вере» и «правительственной системе» книги⁹⁰.

Вышеуказанные меры отчасти уже были приняты в некоторых учебных заведениях до того, как Шишков стал министром народного просвещения⁹¹. Он же хотел сделать их обязательными на всем пространстве Российской империи.

Свою цель — выстроить образование по сословному принципу — адмирал обозначил 11 сентября 1824 г. в Главном правлении училищ. Он говорил: «Науки полезны только тогда, когда, как соль, употребляются и преподаются в меру, смотря по состоянию людей и по надобности, какую всякое звание в них имеет. Излишество их, равно как и недостаток, противны истинному просвещению. Обучать грамоте весь народ или несоразмерное число одного количество людей принесло бы более вреда, нежели пользы. Наставлять земледельческого сына в риторике было бы приуготовлять его быть худым и бесполезным, или еще вредным гражданином»⁹².

Из его речи следовало, что для каждой категории населения должны быть свои программы обучения, что низшим сословиям

не нужны знания, выходящие за рамки хозяйственной деятельности. Вред всеобщей образованности, по Шишкову, заключался в создании предпосылок для ментального отрыва низов от привычного им образа жизни, от веками устоявшихся норм поведения.

О приоритетах своей образовательной политики адмирал рассказал 11 декабря 1824 г. в Главном правлении училищ. Его речь носила программный характер. Она нацеливала собравшихся на выработку единого плана просвещения, на составление общего перечня учебных книг, на воспрепятствование распространению опасных идей. Если каждый преподаватель сам станет решать чему обучать молодежь, полагал Шишков, то вместо воспитания «чистой христианской веры и доброй нравственности» будут поприцаться монархический строй и православная вера⁹³.

Далее он высказал основные принципы своей образовательной политики:

«I. Воспитание народное во всей империи нашей, несмотря на разность вер, ниже языков, должно быть русское.

II. Греко-католик, римско-католик и лютеранин должны быть воспитаны, первый в твердом и незыблемом православии, а второй и третий во всей точности положительного исповедания своей веры.

III. Все иноверное юношество должно учиться нашему языку и знать его. Оно должно преимущественно изучать нашу историю и законы.

IV. Все науки должны быть очищены от всяких не принадлежащих к ним и вредных умствований.

V. Излишнее множество и великое разнообразие учебных предметов должно быть благоразумно ограничено и сосредоточено, во-первых, в тех познаниях, кои самым учреждением разных учебных заведений постановлены и, во-вторых, сообразно с званиями, к которым учащихся предназначают.

VI. Язык славенский, то есть высокий, и классическая российская словесность повсеместно должны быть вводимы и ободряемы.

VII. Язык греческий должен везде, кроме училищ иноверных, иметь преимущество перед латинским.

VIII. Не должно терять из вида, что одно обучение не есть воспитание и даже вредно без возделания нравственности, кото-

рой христианину вне церкви нигде найти не можно; что Государь и польза отечества требуют от воспитания юношества верных сынов церкви и верных подданных, людей, преданных Богу и Царю; и что в сем только смысле человек просвещенный должен быть почтен благовоспитанным»⁹⁴.

Итак, адмирал помышлял скрепить разнородную империю распространением во всех ее частях русского воспитания. С этой целью он 24 февраля 1826 г. предписал учителям Дерптского учебного округа преподавать по четыре часа в неделю русский язык, причем для бедных учеников — бесплатно⁹⁵. Для повышения знания крымскими татарами русского языка 14 февраля 1827 г. в Симферополе было открыто Училищное отделение⁹⁶.

Многое делалось А.С. Шишковым для возвращения белорусских и украинских греко-католиков в православную веру. Препятствием на этом пути являлось влияние монашеских орденов, прежде всего базилиан. Во время войны 1812 г. они передавали капиталы и золотые сосуды на организацию польских войск для армии Наполеона, а в течение последующих 15 лет способствовали «сворачиванию» в католическую веру около 200 тыс. униатов. Базилиане присваивали церковные имения, обращали храмы в свои монастыри и перестраивали их по католическому образцу: снимали иконостасы, вводили органы и хоровое пение на польском языке. Богатство монастырей более чем в 6 раз превосходило совокупные капиталы белого греко-униатского духовенства, сохранявшего православную обрядность и богослужение на церковнославянском языке⁹⁷.

Долгие годы российское правительство смотрело на униатов как на поляков, исповедующих католицизм. Библиейские общества переводили и распространяли среди них Священное Писание на польском языке. В годы попечительства над Виленским учебным округом А.Е. Чарторыйского там сложились националистические организации польских студентов, добивавшиеся независимости Царства Польского. В 1824 г. Н.Н. Новосильцев занимался расследованием их деятельности, в результате свыше сотни человек были преданы суду. Из них два десятка получили тюремные сроки или отправились в ссылку.

Шишков стремился ослабить польское и католическое влияние на западе России. По его указу 5 августа 1824 г. делопро-

изводство в Виленском учебном округе должно было вестись на русском языке⁹⁸. Министр занимался ликвидацией монополии монашеских орденов в системе начального образования посредством устройства светских училищ в Белоруссии⁹⁹. Он переподчинил Витебскую и Могилевскую губернии от Виленского учебного округа Санкт-Петербургскому, распространив на них те же правила образования, что действовали в коренных русских губерниях¹⁰⁰. С октября 1827 г. условием принятия в базилианский орден стало доказательство знаний православных обрядов и церковнославянского языка. В униатских церквях утверждалось богослужение на началах русского православия, а в епархиях открывались духовные училища для образования белого духовенства¹⁰¹. Большая часть базилианских монастырей упразднялась. По сути, при Шишкове начались подвижки цивилизационного характера. Греко-католическое украинское и белорусское население западных губерний постепенно обращалось к православным русским корням.

Защита отечественных религиозных традиций, нравственное воспитание учащихся, повиновение их властям и укрепление патриотизма являлись главными требованиями министра к учебному руководству на местах. О необходимости следовать этим правилам министр 28 июня 1825 г. писал новому попечителю Московского учебного округа генерал-майору А.А. Писареву. Ему вменялось строго следить, чтобы на уроках профессоров и учителей не было ничего колеблющего православную веру, чтобы во всех учебных заведениях со всей внимательностью изучался Закон Божий, «не вдаваясь в лжемистику и не увлекаясь бессмысленной филантропией, поставляющей все ереси на ряд с истинной христианской верой». Учащиеся должны были соблюдать церковные правила, хотя бы по праздникам посещать храм, а по будням — собираться на общую молитву, читать Священное Писание и толкования Святых Отцов на церковнославянском языке. От преподавателей требовалось примерное поведение, ограждение воспитанников от пороков и дурных знакомств, наблюдение за содержанием библиотечных книг. Попечитель должен был смотреть, с надлежащим ли тщанием юноши учат русский язык и отечественную словесность, внушается ли им при всяком удоб-

ном случае верность к престолу и повиновение властям, укрепляется ли у них любовь к Родине и ко всему отечественному¹⁰².

Необходимо отметить, что А.С. Шишков повсеместно восстановил забытое при А.Н. Голицыне преподавание церковно-славянского языка, способствовал изданию его грамматики. Как следовало из министерского отчета за 1824–1825 гг., церковно-славянский язык имел ключевое значение для формирования русского самосознания, ибо на нем написаны «все наши священные и церковные книги», «исторические древности народа»¹⁰³.

Он же являлся связующим мостом с говорами других славянских народов. Об этой его роли говорил врач, педагог, литератор, карпаторосс И.С. Орлай в статье «О необходимости обучаться преимущественно отечественному языку и нечто об обучении языкам иностранным»¹⁰⁴. В ней высказывалась обеспокоенность тем, что славяне со временем могут перестать понимать друг друга. Этому, по мнению И.С. Орлая, способствовали австрийская политика по введению немецких слов в славянские «наречия» и насыщение русской речи галлицизмами. Предполагалось, что знание русского и церковнославянского языков позволяет славянам без переводчика понимать друг друга, тогда как изучение иностранной словесности для них не является необходимостью и только перегружает учебный процесс.

Преподаванию греческого языка Шишков отдавал приоритет перед латынью. Позиция адмирала обуславливалась тем, что с греческой словесности «мы взяли Священное Писание и учение православной веры нашей»¹⁰⁵. Когда ощущалась неостребованность древних языков для дальнейшей карьеры выпускников, министр делал послабления: «Для своекоштных студентов, не посвящающих себя учебной службе, а желающих вступить в гражданскую или военную, по мнению моему, не требуется основательное знание древних языков», — говорил он¹⁰⁶. После введения греческой словесности в Санкт-Петербургском высшем училище обнаружилась обременительность этой меры¹⁰⁷. В итоге там от нее отказались¹⁰⁸.

С целью придать отечественному просвещению единообразие министр создал Комитет для составления проекта общего устава университетов и училищ, которому поручалось подробно рассмо-

треть порядок управления всеми учебными заведениями, а также действующие в них распоряжения и постановления. Комитетом руководили члены Главного правления училищ: отец будущих декабристов, имевший репутацию либерала, тайный советник И.М. Муравьев-Апостол, попечитель Казанского учебного округа, действительный статский советник М.Л. Магницкий, а также историк, действительный статский советник, сенатор А.В. Казадаев¹⁰⁹.

Новый устав, по замыслу Шишкова, не должен был подражать иностранным правилам просвещения. Однако зарубежный опыт не отвергался. Министерской канцелярии поручалось собрать узаконения об образовании во Франции, в Австрии и Англии, а университетам — предоставить мнения профессоров о предлагаемом проекте устава¹¹⁰. Последнее обстоятельство, согласно Ф.А. Петрову, принципиально отличало Шишкова от прежней бюрократии, которая не опиралась на мнения с мест¹¹¹.

Начав работу 5 января 1825 г., Комитет провел 16 заседаний. 14 мая 1826 г. рескриптом Николая I он был преобразован в Комитет устройства учебных заведений. Его председателем стал А.С. Шишков, а «правителем» — П.А. Ширинский-Шихматов. Членами комитета являлись: К.А. Ливен, М.М. Сперанский, К.О. Ламберт, С.С. Уваров, Е.К. Сиверс, А.К. Шторх, А.А. и В.А. Перовские, С.Г. Строганов. В случае несогласия с ними, председатель имел право предоставить императору свое заключение.

В Комитет поступали предложения профессоров. Они касались открытия новых кафедр, введения дополнительных курсов преподавания, увеличения преподавательского штата¹¹². Чтобы высвободить время на занятие науками, Шишков 26 июня 1826 г. предложил снять с профессоров хозяйственные и административные обязанности, переложив эти функции на чиновников. Такая, безусловно, положительная мера была воплощена в жизнь общим университетским Уставом 1835 г.¹¹³

В свете правительственной реакции на восстание декабристов звучали мнения об отмене университетской автономии, о необходимости ориентироваться на австрийские образовательные учреждения, поскольку в них не было беспорядков, как в некоторых германских высших учебных заведениях¹¹⁴.

Подобные предложения соответствовали охранительным тенденциям политики Шишкова. Он укреплял полномочия попечителей учебных округов, выступал против выборности ректоров¹¹⁵. 28 июля 1826 г. Николай I утвердил его доклад о назначении ректоров Виленского университета правительством. В этом докладе адмирал ссылаясь на мнение Н.Н. Новосильцева, который считал, что копирование системы «древних немецких университетов» и «республиканского» управления в них вредно для России, несообразно с ее самодержавной системой¹¹⁶.

В Комитете устройства учебных заведений 2 июня 1826 г. Шишков вновь поднял вопрос об упущении в училищных уставах сословного принципа¹¹⁷. Он предлагал сохранить три разряда учебных заведений, с тем чтобы каждый из них давал «законченное» образование тому сословию, для которого предназначался. По его мнению, в приходских училищах должны были обучаться дети крестьян, мещан и «промышленников низшего класса»; в уездных училищах — купеческие, обер-офицерские и дворянские дети; в гимназиях — преимущественно дворяне¹¹⁸.

После потрясшего страну декабрьского мятежа 1825 г. инициативу в этом вопросе проявляла верховная власть. Николай I своим рескриптом 19 августа 1827 г. на имя Шишкова предписал допускать в высшие учебные заведения и гимназии только людей «свободных состояний» и вольноотпущенников, а крепостных и дворовых людей обучать в уездных, приходских, сельскохозяиственных, ремесленных и промышленных училищах. Против совместного обучения крепостных и дворян в гимназиях приводились аргументы: дурное влияние первых на вторых и, как следствие, нежелание дворян отдавать своих детей в гимназии; приучение крепостных к несвойственному им образу жизни, к формированию мыслей о трудном своем зависимом положении, порождавшем в свою очередь недовольство и «пагубные мечтания»¹¹⁹.

Монаршая воля — приблизить просвещение к потребностям сословий — звучала недвусмысленно: «Необходимо, чтобы предметы учения и самые способы преподавания были по возможности соображаемы с будущим вероятным предназначением обучающихся, чтобы каждый вместе со здоровыми, для всех общими

понятиями о вере, законах и нравственности приобретал познания, наиболее для него нужные, могущие служить к улучшению его участи, и не быв ниже своего состояния, также не стремился чрез меру возвыситься над тем, в коем по обыкновенному течению дел ему суждено оставаться»¹²⁰. Эти слова как нельзя лучше характеризуют консервативную направленность министерства Шишкова.

На заседаниях Комитета устройства учебных заведений он выступал противником частного и домашнего образования. В его планы входило повысить престиж гимназий, закрыть частные пансионы как источник поверхностных знаний и французского воспитания, обязать домашних учителей получать свидетельства о допуске к преподаванию, а в перспективе — отказаться от учителей-иностранцев. Кроме того, министр являлся сторонником восстановления такой воспитательной меры, как битье розгами. По его мнению, запрет телесных наказаний порождал у учащихся непокорство и самоуверенность в вопросах, находившихся вне их понимания¹²¹.

Некоторые мысли министра были близки содержанию «Записки о народном воспитании», которую 15 ноября 1826 г. А.С. Пушкин представил Николаю I. В частности, там говорилось, что недостатки просвещения и нравственности были причинами преступных заблуждений молодых людей, что «необходимой вывеской хорошего воспитания» стали либеральные идеи, а литература превратилась в пасквили на правительство¹²².

Близкими Шишкову были послы Пушкина о засилье иностранных языков в преподавании. Главной же точкой соприкосновения их взглядов являлась идея общественного, государственного воспитания. О частном и домашнем образовании поэт писал: «В России домашнее воспитание есть самое недостаточное, безнравственное. Ребенок окружен одними холопами, видит гнусные примеры, своевольничает или рабствует, не получает никаких понятий о справедливости, о взаимных отношениях людей, об истинной чести. Воспитание его ограничивается изучением двух или трех иностранных языков и начальным основанием всех наук, преподаваемых каким-нибудь нанятым учителем. Воспитание в частных пансионах немногим лучше. Здесь и там оно

кончается на шестнадцатилетнем возрасте воспитанника. Нечего колебаться, во что бы то ни стало подавить воспитание частное. <...> Молодой человек, не воспитанный в государственном училище, вступая в службу, не получает вперед никаких выгод и не имеет права требовать экзамена»¹²³.

Таким образом, адмирал затронул болезненный вопрос, который интересовал и его именитого современника, и верховную власть. В 1827 г. Министерство народного просвещения осуществило ревизию частных пансионатов. Было выявлено, что «многие иностранцы содержали пансионаты без разрешения, весьма многие обучали, не имея нужного свидетельства, и что в пансионатах русская история и русский язык были, по большей части, “в великом пренебрежении”»¹²⁴. По итогам проверки повторно было дано распоряжение о преподавании всех наук на русском языке. Добиться исполнения этого требования было крайне трудно, так как в иностранных языках многие дворяне видели главную ценность воспитания. На запрет частного образования ни Шишков, ни чиновники, сменившие его на посту министра, не пошли ввиду потребности в нем правящего сословия.

Наработки шишковского ведомства нашли отражение в изданном 8 декабря 1828 г. Уставе гимназий, уездных и приходских училищ¹²⁵. Документ подвел черту под усилиями адмирала сделать российское просвещение единообразным. Первое, что бросается в глаза, — это сословная дифференциация учебных заведений. Приходские училища предназначались для распространения первоначальных знаний между «самыми нижними состояниями». В уездные училища принимались представители всех сословий, но они давали преимущественно «нравственное образование» и «полезные» знания купцам, ремесленникам и мещанам. Двери гимназий открывались для детей дворян и чиновников. Прежняя образовательная цепочка, позволявшая по окончании низших училищ продолжать обучение в средних, была разорвана. Образование юноши завершалось в той школе, которая соответствовала его сословному происхождению.

Устав воплощал в жизнь идею Шишкова о необходимости воспитывать веру и нравственность в молодом поколении. Пение молитв, соблюдение церковных празднеств являлись частью

образовательного процесса. От учителя, помимо сдачи экзамена на право преподавать, требовалось свидетельство о «беспорочном поведении». Учебные предметы — Закон Божий, Священная и церковная история, словесность — утвердились в гимназической программе. Зато в ней не оказалось эстетики, естественного права, т.е. дисциплин, нарушавших, по мнению Шишкова, нравственные устои.

Среди методов воздействия учителя на ученика в Уставе значились: убеждение, личный пример, выговоры, «пристыжения», выставление имени провинившегося на черной доске, запираение в классе на несколько часов, битье розгами. Учителя должны были приучать юношей рассуждать. Простое диктование уроков, заучивание наизусть «ни в коем случае» не позволялось¹²⁶. Разбивка должностных лиц по классам Табели о рангах, укрепление вертикали училищного управления, ясные правила административного надзора за воспитанием придавали просвещению вид государственной службы.

Министр проявлял большое внимание к положению дел на местах. Им был создан Комитет для осмотра университетов, училищ и пансионов во главе с генерал-майором Л.Л. Карбоньером, капитаном I ранга П.И. Рикордом и капитан-лейтенантом П.А. Ширинским-Шихматовым. Учреждение занималось приведением к единому знаменателю инструкций для осмотра учебных заведений. Предполагалось сделать эти инструкции различными для университетов, училищ и пансионов российских, римско-католических и лютеранских¹²⁷.

В мае 1825 г. Шишков возмутился тем, что из Казанского учебного округа с 1821/22 г. не поступали отчеты о проверках учебных заведений. Попечитель округа М.Л. Магницкий написал ему оправдательное письмо, в котором сообщал, что школы проверялись с завидной регулярностью, а для личного осмотра университета не было нужды, ибо тот был принят в «совершенной развалине». По словам Магницкого, он занимался важными делами в Главном правлении училищ, противостоял «германскому» воспитанию, обличал «разрушительные начала» естественного права, прекращал преподавание «нечестивой» философии в благородном пансионе Московского университета, разбирал тетради

петербургских профессоров и конспекты из Виленского университета, составлял инструкции для Казанского университета. Там же попечитель указал, что им готовились цензурный устав, записка о «гибельном положении нашего народного воспитания», доклад об опасной деятельности масона И.А. Фесслера¹²⁸.

Как бы убедительно ни звучали его доводы, конфликт с министром назрел. 26 июня 1825 г. Магницкому последовал жесткий ответ: воссоздание Казанского университета требовало его личного присутствия, а он не был там с 1819 г., хотя в 1822 г. получил для объезда вверенного ему округа 4 тыс. руб. Далее следовали упреки в превышении должностных полномочий: чиновник взял на себя функцию целого комитета, готовившего цензурный устав, самовольно запрещал книги, когда министерство не запретило ни одного сочинения. Шишков пригрозил донести о нем императору, если на его предписания будут делаться возражения¹²⁹.

Этот ответ опровергает историографическое мнение о полной зависимости министра от Магницкого и «подобных ему обскурантов»¹³⁰. Корни такого рода оценок берут начало в общественных настроениях середины 1820-х гг. Тогда многие осуждали Шишкова за то, что он не удалял Магницкого из своего министерства¹³¹. Последний, как показывал мемуарист, имел властные амбиции, много интриговал против адмирала, помышлял «осмотреть» университет в Дерпте, чтобы закрыть его как опасный источник либерализма¹³². Шишкову удалось упредить противника. Он сам произвел проверку и доложил Александру I о хорошем состоянии университета¹³³.

Против Магницкого были настроены видные представители элиты: М.М. Сперанский, А.Н. Голицын, ближайшее окружение адмирала в лице директора Департамента народного просвещения Д.И. Языкова и правителя канцелярии П.А. Ширинского-Шихматова. Покровительство, оказываемое попечителю Казанского учебного округа А.А. Аракчеевым, заставляло Шишкова действовать осторожно.

Точка в конфликте была поставлена в начале царствования Николая I. Казанский университет подвергся ревизии генерал-майора П.Ф. Желтухина. М.Л. Магницкий был признан виновным в противозаконных и самовольных поступках, в превышении

должностных полномочий, в неповиновении начальству и в расстройстве учебной части. 6 мая 1826 г. последовало его увольнение с попечительской должности и из Главного правления училищ. Тогда же по обвинению в растрате денежных средств при строительстве нового здания университета был отстранен от должности и отдан под суд попечитель Санкт-Петербургского учебного округа Д.П. Рунич.

Удаление из Министерства просвещения Магницкого и Рунича показывает, что Шишков вовсе не был настроен продолжать их жесткую линию в отношении профессорско-преподавательского состава. Однако революционные настроения в обществе побудили его ведомство к пристрастной проверке Московского университета и состоявшего при нем Благородного пансиона. В разные годы там прошли обучение около шестидесяти будущих декабристов¹³⁴.

За ходом расследования, начатого ревизией флигель-адъютанта С.Г. Строганова в апреле 1826 г., следил сам Николай I. По результатам осмотра было отмечено, что лекция профессора И.И. Давыдова «при некоторых справедливых о философии понятиях оказалась содержащею в себе многие места неудобопонятные и темные, неуместный восторг и отчасти мудрования новейших философов Фихте и Шеллинга»¹³⁵. Кафедру философии закрыли, а Давыдова сняли с должности инспектора пансиона. Пост ректора покинул А.А. Прокопович-Антонский. Поэт А.И. Полежаев был отдан в солдаты. По университету усиливался надзор. Руководству предписывалось пресекать инакомыслие, наблюдать за поведением студентов, обыскивать их спальни на предмет запрещенной литературы, делать ежедневные осмотры учебного заведения¹³⁶. Несмотря на строгость этих мер, при Шишкове-министре ни разу не вставал вопрос о закрытии какого-либо из университетов.

В целом контроль за положением дел на местах при нем был усилен. Он обязал попечителей ежегодно отчитываться не только по хозяйственной, но и по учебной части. Министр истребовал исторические записки о многолетней деятельности учебных заведений¹³⁷. После перестановок попечителями учебных округов стали: К.М. Бороздин с 1826 г. возглавил Санкт-Петербургский,

А.А. Писарев с 1825 г. — Московский, А.А. Перовский с 1825 г. — Харьковский, М.Н. Мусин-Пушкин с 1827 г. — Казанский, Н.Н. Новосильцев с 1824 г. — Виленский, К.А. Ливен продолжал возглавлять Дерптский¹³⁸.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что А.С. Шишков проводил взвешенную политику в сфере просвещения. Массового увольнения профессоров с долгими судебными преследованиями, характерных для управления министерством А.Н. Голицыным, при нем не было. Религиозный космополитизм больше не определял систему воспитания. Выборные начала в университетском управлении сохранились, хотя и вызывали нарекания. В то же время Шишков стремился не допустить, чтобы посредством просвещения подтачивались устои Российской империи. Именно поэтому его министерство разрабатывало долгосрочные основы образовательной политики, определяло ее принципы, приводило к единообразию уставы и инструкции, укрепляло административный надзор. За четыре года своей министерской деятельности в условиях брожения умов Шишков донес до верховной власти, что просвещение в России должно быть национальным, государственным, патриотическим, дифференцированным в соответствии с социальным устройством государства.

§ 3. Цензурная политика, президентство в Российской императорской академии и последние годы жизни А.С. Шишкова

*Требование свободного книгопечатания не иное что
заключает в себе, как желание издавать развратные,
богопротивные и все человеческие добродетели разру-
шающие книги.*

А. С. Шишков

Цензура печати относилась к компетенции Министерства народного просвещения. Она осуществлялась комитетами при университетах, которые должны были руководствоваться Уставом 1804 г. В начале 1820-х гг. либеральные правила этого устава вошли в противоречие с запретительными тенденциями министер-

ства А.Н. Голицына. Для ученых и литераторов настало время «несноснейшей цензуры»¹³⁹. А.С. Пушкин ожидал от Шишкова смягчения контроля за печатью, ибо цензоры «Бируков и Красовский»¹⁴⁰ невтерпеж были глупы, своенравны и притеснительны»¹⁴¹. Его надежд не разделял поэт Н.М. Языков. Он не видел между прежним и новым министрами большой разницы¹⁴².

Очевидно, в вопрос о цензуре Шишков должен был внести ясность: или вернуться к букве существовавшего Устава, или определить новые правила. Он предлагал второй путь. 31 мая 1824 г. министр читал свой доклад Александру I, где говорилось следующее: «Устав должен быть таков, чтоб, давая свободу и отнюдь не связывая ума и дарований писателя, служил однако ж к обуздыванию своевольных и неосновательных мыслей»¹⁴³. С точки зрения борьбы против вольнодумства Шишков держался линии предшественника. Для него более опасными преступниками, чем заговорщики, были «сочинители злочестивых и развратных книг»¹⁴⁴.

Тем временем количество запретов в печати росло. Не дозволялось издавать помещичьи уставы об управлении крестьянами. Чиновникам запрещалось писать о внутренних и внешних делах России без разрешения своего начальства. К nereкомендованным темам относилась жизнь в военных поселениях А.А. Аракчеева. Сильнейшее наводнение в Петербурге 7 ноября 1824 г. приковало к себе внимание всей Европы, а в российских газетах материалы о нем появились только спустя год. Замалчивалось число убийств и самоубийств в стране¹⁴⁵.

Тем не менее Александр I до конца жизни так и не позволил тронуть детище либеральных идей начала своего царствования, Устав 1804 г. Зато император Николай Павлович после восстания декабристов мог на полном основании говорить о пагубном образе мыслей молодежи и усиливать цензуру. 24 декабря 1825 г. он поручил Шишкову составление нового устава, а тот возложил эту задачу на директора своей канцелярии князя П.А. Ширинского-Шихматова.

Николая I стремился выслушать разные мнения по данному вопросу. 26 мая 1826 г. он получил от агента Третьего отделения Императорской канцелярии Ф.В. Булгарина записку «О цензуре в России и о книгопечатании вообще»¹⁴⁶. В ней цензура называ-

лась недопустимой в цивилизованном обществе «полицейской». Предлагалось направлять общественное мнение в нужное правительству русло путем нравственных наставлений¹⁴⁷. После ознакомления с запиской Шишков отметил, что неограниченная гласность вызывает нарушение должного уважения к властям и приводит к народным бунтам¹⁴⁸.

Адмирал являлся сторонником централизации управления цензурой, стремился вывести ее из-под надзора университетских советов, хотел устранить медлительность в рассмотрении книг и путаницу, при которой одно и то же сочинение в некоторых университетах запрещалось, а в других было разрешено. Беспрепятственное выписывание профессорами книг из-за границы он считал недопустимым, как и нарушение запрета печатать законы без сообщения в Собственную его императорского величества канцелярию. Министр считал необходимым увеличить число цензоров, расширить правила и руководства при разборе сочинений¹⁴⁹.

Некоторые места из готовившегося им устава казались Николаю I излишне строгими. По мнению императора, параграфы, которые запрещали двоякий смысл, критику монархического правления, произвольные умствования об истории, ставили под запрет почти все книги, в том числе сочинения по истории римской и греческих республик, труды Тацита, Ливия, Карамзина¹⁵⁰. Запрещать такого рода книги Шишков не собирался. Он лишь хотел, чтобы наука о прошлом способствовала формированию благоприятного образа самодержавной формы правления. История, согласно взглядам адмирала, должна учить молодое поколение патриотизму, почтению к православной вере, народным нравам и традициям¹⁵¹. Впоследствии такое понимание задач науки и образования в целом получило развитие в деятельности С.С. Уварова на посту министра народного просвещения в 1833–1849 гг.¹⁵²

В докладе, представленном императору 10 июня 1826 г., причиной пересмотра Устава о цензуре 1804 г. Шишков указывал недостаток правил для разбора содержания книг¹⁵³ и определял цель нового Устава: «оградить веру отцов наших, преданность к престолу, любовь к Отечеству и чистоту нравов народных»¹⁵⁴. По сути, это была формулировка консервативной триады Нико-

лаевского царствования: «православие, самодержавие, народность».

В тот же день Устав был утвержден. От предыдущего «либерального» Устава 1804 г. он отличался большим объемом (19 глав, 230 параграфов) и большей строгостью. Задача цензуры состояла в том, чтобы придать произведениям словесности, наук и искусства «полезное или, по крайней мере, безвредное для блага отечества направление»¹⁵⁵. С этой целью создавалось Главное управление цензурой. Оно состояло из высшей и низшей инстанций. В высшую инстанцию, Верховный цензурный комитет, входили министры народного просвещения, внутренних дел и иностранных дел. Его правителем был директор канцелярии Министерства народного просвещения. В Санкт-Петербурге, Москве, Вильно и Дерпте учреждались цензурные комитеты, подчинявшиеся попечителям учебных округов.

В Уставе подробнейшим образом оговаривались ограничения печати. Запрету подлежали необнародованные властями важные документы, произведения о монарших особах, записки частных лиц по тяжбыным делам, учения тайных обществ, суеверия, магические, астрологические и каббалистические сочинения. Не допускались к публикации тексты, содержавшие сомнения в святости и достоверности Библии, порицавшие христианские исповедания, церковную иерархию, православные обряды и предания. Запрещалось печатать политические статьи, написанные без указания источника, критику монархического правления и держав Священного Союза, а также мнения об изменении прав сословий, двусмысленные сочинения, безграмотные рукописи, умолчания в виде точек¹⁵⁶. Сочинителям не позволялось оправдывать революции, излагать историю в неблагоприятном для монархического правления ключе. Из юридических сочинений исключалась теория «общественного договора», а из медицинских наук — всякое покушение на понятие о душе и загробной жизни.

В гл. 16 Устава говорилось об антихристианском характере некоторых еврейских религиозных книг. Следует отметить, что иудейские духовные сочинения издавна вызывали недоверие правительства. Так, например, в 1820 г. администрация в Царстве Польском и в Гродненской губернии собрала выписки из Талмуда

и других религиозных трактатов. В них она обнаружила «самые вредные правила и внушения»: «якобы человек другой веры не есть ближний, а нечистое животное, другие народы должны работать для евреев, еврей не должен быть свидетелем в пользу человека другой веры, может его обманывать, может давать ложную присягу со спокойной совестью, евреи не должны прибегать к суду христианскому, хотя бы суд был справедливый, могут убить еврея, объявляющего тайны их общества или отступающего от их закона»¹⁵⁷.

Проявления антисемитизма были присущи некоторым русским консерваторам. Так, например, поэт, сенатор Г.Р. Державин после посещения в 1800 г. голодающей Белоруссии всю ответственность за бедственное положение крестьян возложил на евреев, промышлявших винокурием и ростовщицеством. Он обвинил раввинов в проповедовании ненависти к христианам и предложил ряд мер ассимиляционного характера¹⁵⁸. В консервативных кругах пользовался популярностью перевод произведения французского аббата Гене «Иудейские письма к Вольтеру», выполненный московским писателем С.И. Смирновым и сопровождаемый его юдофобскими комментариями. Переводчик видел в евреях «орудие Сатаны»¹⁵⁹. Поздний М.Л. Магницкий винил еврейство в возникновении ересей, утверждал существование некой связи между масонством и еврейством¹⁶⁰.

Устав 1826 г. действовал менее двух лет, вызывая бурное недовольство общественности. Цензор С.Н. Глинка полагал, что им можно было «Отче наш перетолковать якобинским наречием», и дал ему закрепившееся в общественном сознании прозвание «чугунный»¹⁶¹. По оценке В.Ф. Одоевского, «чугунным» Уставом «запрещались не только целые роды сочинений, но целые отделы наук; запрещалось не только что-либо противное какому бы то ни было правительству или какому бы то ни было вероисповеданию, но философия, политика, геология, вообще всякое рассуждение, где автор от рассмотрения природы восходит мыслию к божеству; наконец, даже биография, и мемуары, и прочее»¹⁶². Н.М. Языков называл новые правила цензуры «совершенной инквизицией», которая могла быть инициирована разве что «монархом Высокой Порты»¹⁶³. По словам Ф.В. Булгарина, Устав

«объявлял явную войну каждой мысли и чувству», с ним не могло быть «ни истории, ни статистики, ни путешествий», все опасались преследований¹⁶⁴. По современным оценкам, для печати и литературы наступили «черные дни»¹⁶⁵. Адмирал же считал, что новые правила не стесняли благонамеренных писателей и вызывали гнев лишь у вольнодумцев.

Он выступал против ревизии своего Устава, о которой заговорили в ходе подготовки проекта по цензуре иностранных книг. 8 ноября 1826 г. управляющий Министерством внутренних дел В.С. Ланской предложил Николаю I при рассмотрении зарубежной литературы руководствоваться общими цензурными положениями. Император поручил этот вопрос Временному комитету. Там полагали, что иностранные книги не несут угроз России, поскольку «читаются обыкновенно немногими и образованнейшими людьми в государстве»¹⁶⁶.

Адмирал не хотел делать послаблений образованной части общества, ибо считал ее повинной в восстании на Сенатской площади. Отвечая оппонентам, он противопоставлял изменническому поведению элиты неграмотный, но верноподданный народ: «Часто Миныны с бородами и простые воины, поступающие из земледельцев, которых не называют образованными, оказывали великие отечеству услуги и умирали за Бога и Царя. Напротив того, из осужденных за 14-е число Декабря 1825, да забудется день сей, едва ли не все по наружному виду и наукам были образованные люди, но по заблуждению ума, неутвержденного в Вере и Законе Божиим, сделались хуже необразованных», — говорил он¹⁶⁷.

С Шишковым спорил его давний литературный противник Д.В. Дашков. На стороне последнего было общественное большинство, внимавшее слухам о намерении государя изменить правила рассмотрения книг. По словам Ф.В. Булгарина, везде, где он был, «25 и 26 ноября — в Адмиралтействе, Департаменте министра юстиции, Сенате 3-го и 4-го департаментов, Комиссии прошений и в нескольких обществах — один предмет разговоров: рассмотрение Цензурного устава»¹⁶⁸.

В 1828 г. «чугунный» устав был заменен более либеральным. В том же году адмирал почувствовал, что усиливающаяся болезнь лишала его возможности носить звание министра народ-

ного просвещения¹⁶⁹. 23 апреля Николай I принял его отставку¹⁷⁰. За Шишковым оставались должности члена Государственного совета и президента Российской академии с полным министерским содержанием.

В его работе уже не было системности. Он отлучался из Петербурга для лечения. Встречи академиков фактически проходили у него на дому. Несмотря на это, при финансовой и организаторской поддержке Российской академии были изданы «Русская грамматика» А.Х. Востокова (1831 г.), «Общий церковнославяно-русский словарь» П.И. Соколова (1834 г.), «Русско-французский словарь» К.Ф. Рейфа (1835–1836). Лексический материал (69 282 слова — большая часть алфавита), собранный и обработанный при Шишкове, был использован в академическом толковом «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847 г.).

В 1830-е гг. ученое сообщество издавало исторические исследования, переводило на русский язык византийские и немецкие хроники, содержавшие сведения о славянах, полемизировало со «скептической школой» М.Т. Каченовского о достоверности летописных событий, сотрудничало с кружком мецената Н.П. Румянцева и с Археографической комиссией, возглавляемой академиком П.А. Ширинским-Шихматовым. Членами Российской академии были профессиональные историки: К.И. Арсеньев, П.Г. Бутков, А.Н. Муравьев, Д.И. Языков, С.В. Руссов, М.П. Погодин, И.И. Шульгин. Кроме того, поддерживался книгообмен с иностранными обществами, в том числе с Матицами сербской и словацкой. Академия издавала труды начинающих литераторов, писателей из простого народа, талантливых поэтов¹⁷¹. В президентство А.С. Шишкова бюджет учреждения вырос на треть. В состав учреждения входили представители творческой элиты страны Н.М. Карамзин, В.А. Жуковский, А.Ф. Воейков, А.И. Михайловский-Данилевский, М.Н. Загоскин, А.С. Пушкин, П.А. Вяземский; государственные деятели Н.С. Мордвинов, М.М. Сперанский; церковные иерархи Е.А. Болховитинов, В.М. Дроздов; профессора университетов. Почетными членами ученого сообщества были высшие сановники, переводчики, польский лексикограф С.Б. Линде, чешские слависты Й. Добровский, Я. Неедлый. Представительный состав Академии отражал намерение Шишко-

ва сделать ее законодательницей в области словесности. Идеино близкий ему поэт, переводчик М.Е. Лобанов полагал, что Академия должна заниматься цензурой сочинений, прежде всего произведений французского романтизма как восхваляющих безнравственность и «ужасы революции»¹⁷².

В ту пору, когда самодержавие с осторожностью наблюдало за национально-освободительным движением славян, адмирал надеялся привлечь их ученых к созданию общеславянского словаря, к открытию в России Славянской библиотеки и университетских кафедр славяноведения. Приглашения на русскую службу получали чешские «будители»¹⁷³ П.Й. Шафарик, В. Ганка, Ф.Л. Челаковский. В силу разных обстоятельств эти замыслы не были реализованы во время президентства Шишкова, тем не менее Академия поддерживала ученых, симпатизировавших России¹⁷⁴. Золотой медалью 3-й степени был награжден польский славист И.Б. Раковецкий за свое исследование «Правда русская». Шафарику была оказана помощь в сборе материалов для написания его «Славянских древностей», переведенных на русский язык Г.Т. Меглицким и О.М. Бодянским. Самого автора поощрили крупной денежной премией. Финансовую поддержку получали южнославянские ученые, в том числе Л. Гай. Благодаря Шишкову сербскому просветителю В.С. Караджичу с 1826 г. предоставлялась ежегодная пенсия¹⁷⁵. Академия профинансировала его научно-этнографические экспедиции 1830-х гг., как и поездки в славянские земли отечественных ученых: Ю.И. Венелина, Д.М. Княжевича, Н.И. Надеждина.

Помимо научной деятельности адмирал занимался изданием своих филологических сочинений и записок, которые вел во время войны с французами 1812 г. За это он получал благодарности от членов русской императорской фамилии, а также от прусского короля и сербского князя.

Шишков принимал деятельное участие в жизни родственников. Внукам своего покойного брата Ардалиона он помогал поступить в учебные заведения. По его прошению Ардалион Дмитриевич в 1833 г. был зачислен кандидатом Александровского кадетского корпуса, а Владимир Владимирович в 1837 г. — кадетом Морского корпуса. Надежду Дмитриевну и Софью Алек-

сандровну адмирал определил воспитанницами в Смольный институт благородных девиц. Софье Александровне он посвятил произведение «Разговоры старца с юною девицею» (1835 г.).

После смерти первой жены Д.А. Шельтинг в 1825 г. адмирал вступил в брак с Юлией Осиповной Лобаржевской (в девичестве Нарбут; 1779–1849). Своим выбором он удивил многих современников — невеста была полькой, католичкой, разведена и моложе его на четверть века. Несмотря на все толки, Шишков оказался счастливым мужем. Юлия Осиповна стала его верным и заботливым другом.

Согласие на их неравный брак дал сам Николай I. Сестра первой жены адмирала Е.А. Бибикова, изначально настроенная против Ю.О. Лобаржевской, смогла с ней подружиться. Племянницы, опасаясь, что дядина супруга оставит их без наследства, часто с ней ссорились. В 1832 г. адмирал завещал жене право пожизненно владеть своим поместьем, разрешив племянницам (Прасковье, Анастасии, Софье, Евдокии), дочерям Д.С. Шишкова и Е.В. Юрьевой, пользоваться частью годового оброка, а в случае продажи супругой имения — получить часть выручки.

К такому решению его подтолкнуло скверное поведение племянников, детей Ардалиона Семеновича. Они, по словам Шишкова, «проиграли и промотали» немалое отцовское имение, «по службе везде замарали себя, выгнаны из ней, и ко мне только тогда прибегали, когда настояла нужда выпрашивать у меня денег»¹⁷⁶.

Для внуков своих умерших братьев Ардалиона и Дмитрия Шишков в 1827 г. положил под проценты в Государственный заемный банк 15 тыс. руб. Он рассчитал, что к 1854 г. эта сумма возрастет до 50 тыс. руб., и тогда они разделят ее поровну. Банковские билеты на этот вклад адмирал доверил хранить своей любимой племяннице П.Д. Ушаковой. Ей же А.С. Шишков завещал положенные им в банк 5 тыс. руб., а также золотую медаль Российской академии и портрет работы Дж. Доу. Другой банковский билет на вклад в 5 тыс. руб. должны были разделить ее сестры. Кроме того, четыре племянницы наследовали бриллиантовую Александровскую звезду с подвеской. Впоследствии адмирал оформил денежные вклады и на других племянников.

Благодаря Ю.О. Лобаржевской, дом Шишкова с конца 1820-х гг. стал своеобразным центром польской диаспоры Петербурга. У него в гостях бывал знаменитый польский поэт А. Мицкевич, беседы с которым касались вопросов славянской филологии. Родственника жены, молодого журналиста О.А. Пржецлавского адмирал убеждал в том, что поляки и чехи совершили историческую ошибку, выбрав латинскую письменность. Кириллица, по его мнению, больше соответствовала звукам славянских языков. Ее использование всеми славянами, согласно Шишкову, могло бы сделать незаметными фонетические и грамматические различия между их говорами. Пржецлавский с иронией относился к таким рассуждениям, но всегда внимательно выслушивал собеседника¹⁷⁷.

Адмирал внимательно следил за государственными делами и обсуждал их с современниками. «В обществе Шишков и в глубокой старости был интересным собеседником, — отмечал В.Я. Стоюнин, — с одними он любил серьезный спор, других занимал забавными рассказами о прошедших временах, как человек бывалый»¹⁷⁸. В последние десять лет жизни Шишков сокрушался о том, что его предостережения об опасности свободы в сфере книгопечатания остались тщетными. По словам адмирала, в России появилось множество «вредных» книг, «несмотря на происшедшие от них во Франции разврат и неустройства»¹⁷⁹. Шишков был убежден, что «требование свободного книгопечатания не иное что заключает в себе, как желание издавать развратные, богопротивные и все человеческие добродетели разрушающие книги»¹⁸⁰. Кроме того, рационалистическая философия Просвещения вызывала у него негодование: «Она есть не богом, не верою, не совестью и не разумом, но отступлением от Бога и от веры помрачением ума, злонравием и страстями внушаемое чувство, заражающее под видом просвещения невинные сердца юношей ложными понятиями, укореняющими разврат и безнравственность, которые не редко к их и других людей несчастью остаются в них до самой старости»¹⁸¹.

Помимо прочего, Шишков вспоминал о «мнимой набожности», превращавшей людей в безбожников. Адмирал говорил, что причиной ненависти к властям, вольнодумства и бунтов было

презрение к проповедуемой верою кротости. В сущности, он не испытывал уверенности в том, что «своими административными распоряжениями остановил вредное направление умов и подчинил дух времени правительству», как о том писал биограф¹⁸².

Здоровье Шишкова с 1829 г. начало ухудшаться. Через десять лет он полностью ослеп. Посетивший его в 1840 г. С.Т. Аксаков увидел перед собой «уже труп человеческий, недвижимый и безгласный; только близко наклонясь к нему, можно было заметить, что слабое дыхание еще не прекратилось»¹⁸³.

Скончавшийся 9 апреля 1841 г. А.С. Шишков был похоронен в Александро-Невской лавре в Санкт-Петербурге. По ходившим тогда слухам, он до самого последнего вздоха не забывал об обязанностях перед императором: «Рассказывали мне также, — вспоминал Аксаков, — что один раз, во время подобного летаргическому сна, когда уже никто не церемонился около него, говорили громко, шумели и ходили, как около покойника, к которому все равнодушны, вдруг вбежал камердинер и сказал довольно тихо, что государь остановился у ворот и прислал спросить о здоровье Александра Семеновича. К общему изумлению, почти испугу, в ту же минуту Шишков открыл глаза и довольно твердым голосом сказал: “Благодарю государя! Скажи ему, что мне лучше”, — и впал в прежнее бесчувствие, продолжавшееся еще две недели»¹⁸⁴.

Всей своей деятельностью адмирал стремился укреплять самодержавные начала империи, пресекать распространение чуждых государственному и социальному строю России идей. На это была нацелена политика Министерства народного просвещения. Увеличением надзорных функций учебных заведений, приоритетом религиозно-нравственных основ в воспитании, сословно-профессиональной ориентированностью образования Шишков стремился привести систему просвещения в соответствие с потребностями развития России так, как он их понимал. Введенная им жесткая цензура печати должна была стать ответом на распространение антигосударственных идей, обусловивших восстание на Сенатской площади. Немало делалось адмиралом для укрепления на всей территории империи позиций русского языка, православной веры, для перехода западных областей от унии с католическим Римом к православию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Александр Семенович Шишков, адмирал, литератор, языковед, государственный деятель — одна из наиболее ярких фигур отечественной истории. Его долгая жизнь (1754–1841) соединила шесть царствований, начиная с Елизаветы Петровны и заканчивая правлением Николая I. Она стала примером ревностного служения Отечеству: оружием, литературным пером, управленческими решениями. Большой теоретический и практический опыт Шишкова оказал влияние на развитие в России морского дела, словесности, законотворчества, государственно-религиозных отношений, просвещения, цензуры и идеологии. Под его влиянием шел процесс оформления русской консервативной триады «православие, самодержавие, народность», ставшей ответом на распространение революционных ценностей. В философском плане эта формула созвучна идеям славянофилов середины XIX столетия, чьим предшественником по праву можно назвать Шишкова.

Биография адмирала является примером того, как небогатый, но родовитый провинциальный дворянин, благодаря усердию и талантам, мог оказаться у вершины власти. Прилежно учась в Морском кадетском корпусе, а затем рискуя жизнью в морских походах и на войне, он получил бесценные навыки коллективизма, принятия ответственных решений. Важную роль в его карьерном росте играли семейно-родственные связи. Однако далеко не каждый представитель правящего сословия, имея сходные с Шишковым стартовые позиции, смог достичь исторической славы. Для этого требовались широкий кругозор, служебные амбиции, большой объем знаний, горячий патриотизм. Всеми названными качествами в полной мере обладал адмирал.

Уже в царствование Екатерины II он был известен как талантливый переводчик иностранных сочинений, автор собственных

трудов, знаток современной педагогики, морского дела, активный участник литературной жизни, т.е. человек весьма просвещенный. Последующие обвинения Шишкова в невежестве являлись неблагоприятной попыткой идейных оппонентов очернить его.

Либералы и марксисты часто подчеркивали враждебность адмирала к передовой европейской культуре, к понятиям свободы и прогресса. В действительности, он симпатизировал западной культуре, восхищался просвещенным правлением Екатерины II, неприязненно относился к тираническим проявлениям царствования ее сына. Если бы не кровавая революция 1789 г., то мы, возможно, не узнали бы в нем защитника традиционных порядков, ревнителя старины, критика либерального образа мыслей российской элиты.

Террор, доносы, казни периода французской революции были в глазах адмирала следствием распространения определенного набора ложных ценностей, провозглашенных философами-энциклопедистами. Их популярность, по мысли Шишкова, обуславливалась распространением французского языка в России. Ему удалось показать связь между приверженностью правящего сословия к языку Вольтера, Руссо, Дидро и усвоением либеральных идей. Он впервые предложил критически осмыслить ценности западного просвещения.

Лейтмотивом творчества А.С. Шишкова была критика отечественной «галломании», пристрастия российского общества к французским культурным, бытовым и идеологическим моделям. Погрузившиеся в чужую культурно-лингвистическую среду дворяне, согласно его взглядам, утрачивали ментальную связь с народом, теряли чувство национальной гордости, унижали себя «обезьянничеством» перед иностранцами. К таким же последствиям, по мнению Шишкова, вела бытовая зависимость правящего сословия от уроженцев других земель. Ситуация виделась ему следующим образом: «Воспитывают и всему обучают нас иностранцы; дома наши, храмы, здания строят они же; убирают и украшают их внутри они же; одевают и обувают нас, жен наших, сыновей и дочерей они же. Без них не умели бы мы ни занавесок развесить, ни стульев расставить, ни чепчика, ни кафтана, ни сапогов на себя надеть. Кареты, коляски, комоды, кресла и все домашние для нас приборы делают они же, руками русских.

Детей наших стоять прямо, кланяться, танцевать, верхом ездить, смотреть в лорнет, и проч., и проч., обучают они же. Оркестрами и театрами увеселяют нас они же. По крайней мере, кушанья на кухнях наших готовят нам русские повара? Нет, и то делают они же!»¹

В ходе критики дворянской «галломании» адмирал затронул ключевую для российской общественно-политической мысли тему западничества значительной части правящего сословия. Она нашла свое продолжение в творчестве А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, Ф.И. Тютчева, П.А. Вяземского².

Прозвище Шишкова Славянофил дало название известному интеллектуальному направлению середины XIX в., представленному именами А.С. Хомякова, К.С. и И.С. Аксаковых, И.В. и П.В. Киреевских, Ю.Ф. Самарина, А.И. Кошелева, Ф.В. Чижова. Славянофилы во многом развивали свойственные адмиралу представления о том, что заграничное влияние оказывало разлагающее воздействие на русский национальный характер, что в старину нравы были лучше и эти нравы сохранились в простом народе, тогда как получившие европейское воспитание дворяне отделились от народного быта. Как и Шишков, славянофилы связывали социокультурный раскол в русском обществе с европеизацией страны, начатой Петром I. Их взгляды на последствия дальнейшего распространения в России западных ценностей были близки к предостережениям адмирала о революции. Подобно Шишкову, славянофилы хотели, чтобы страна следовала собственным национальным традициям, извлекая поучительные уроки из европейских потрясений. В отличие от них и от других представителей «русского направления», адмирал еще не ставил напрямую вопросы об ошибочности исторического пути Запада, о принципиальной враждебности романо-германских народов к «православному миру», о необходимости политического сплочения славян вокруг России. Тем не менее он актуализировал фундаментальную для русских консерваторов и националистов тему самобытности страны. Накануне «грозы» 1812 г. Шишков твердо заявлял, что православная вера, русские нравы являются коренными особенностями Отечества. Основываясь на этой мысли, он сформулировал одну из первых программ русского консерватизма, которая исходила из идеи сильного, самодержавного, православного государства, выстроенного на прин-

циях социального мира, сословного единства, патриархальной связи крестьян и помещиков. Патриотическая программа Шишкова предполагала готовность каждого русского положить на алтарь свободы Отечества все самое для него дорогое.

Отрицание абсолютной ценности влияния идей Просвещения в России, острое неприятие революции во Франции позволили Шишкову стать интеллектуальным лидером русской оппозиции либеральному курсу Александра I. И у него были единомышленники. В то же время, когда он осуждал «развратные нравы» французов, их богоборческую философию, революцию, Ф.В. Ростопчин развенчивал миф о непобедимости армии Наполеона³, С.Н. Глинка продвигал близкую адмиралу идею отечественного образования⁴, Н.М. Карамзин трудился над «Историей государства российского», где показывал необходимость для страны самодержавной формы правления⁵.

Большой заслугой адмирала была постановка вопроса о неотделимости народа от его литературно-языковых традиций. Эта идея развивалась у него вместе с интересом к церковнославянской письменности, принимаемой им за первооснову русского языка, за источник представлений о нравственности и самосознании русского народа. В попытке выявить истоки отечественной книжной традиции он сделал один из первых переводов «Слова о полку Игореве» и составил к нему обширнейший комментарий. Кроме того, Шишков стоял у истоков изучения русского фольклора. Согласно его взглядам, церковнославянская словесность, хорошо известная народу по богослужениям, древнерусская литература как летопись важнейших событий прошлого, фольклор, сохранивший живость и выразительность народного гения, должны были стать основой национального литературного языка. Тем самым обеспечивалось сохранение самобытности отечественной культуры, поддерживалась ментальная связь поколений.

Ориентированность на традиции выгодно отличала Шишкова от оппонентов, которые развивали отечественную словесность на базе великосветских речевых стандартов и западной лексики. В условиях сословного неравенства следование собственным образцам культуры являлось залогом национальной сплоченности.

Адмирал и его сторонники прекрасно это понимали. За их литературным дискурсом, по словам А.Ю. Минакова, «отчетливо просматривалась метафора единого органического национального целого»⁶.

Во многом с подачи Шишкова в российской общественно-политической мысли утвердился взгляд на словесность как на главное основание «народности». Именно такую роль отводил отечественному языку литературный критик, поэт, общественный деятель славянофильских убеждений С.П. Шевырев, когда говорил, что «слово — выражение духа и души народа», его «невидимый образ»⁷. Другой русский мыслитель Н.Я. Данилевский видел в языках выражение «особенностей психологического строя» народов⁸. Предвестием к появлению такого рода взглядов можно считать представления адмирала о словесности как о квинтэссенции всего национального: культуры, нравов, самосознания, исторического опыта.

Конечно, рассуждения Шишкова на тему тождества русского и церковнославянского языков не подтвердились последующими исследованиями филологов. Ошибки были свойственны и его этимологическим работам. Однако нельзя забывать, что президент Российской императорской академии руководствовался здравыми представлениями о языковой общности славян, оказывал помощь зарубежным славистам. Он предвосхитил идею поддержки Россией культуры славянских народов, которую известный панславист М.П. Погодин в 1839 г. выразил в письме министру народного просвещения С.С. Уварову: «Необходимо поддерживать их возникающую литературу, частным образом, через вторые, третьи руки: доставлять пособие авторам, печатать книги, назначать премии на заданные темы об истории, языке, посылать в библиотеки русские книги, содействовать сочинению лексикона, грамматики, собранию преданий, песен»⁹.

Накануне Отечественной войны с Наполеоном А.С. Шишков сумел выразить свои национально-консервативные взгляды перед российским обществом. В рамках его литературно-политической «Беседы любителей русского слова» были объединены широкие патриотические силы, что благоприятно действовало на настроения в провинции.

Тема национального единства сословий во главе с императором была ключевой в составленных Шишковым официальных бумагах 1812–1814 гг., когда он занимал пост государственного секретаря Александра I. Слова написанных им манифестов о том, что царь верит в свой народ, не прекратит праведную брань с безбожниками, вандалами, поругателями святынь, вызывали патриотический подъем масс. Похожий эффект возымело сожжение Москвы, поставленное адмиралом в вину французам. Впоследствии торжественная стилистика манифестов Шишкова воспроизводилась самодержавием при обращении к народу вплоть до 1917 г., напоминая о том, как Александр Семенович сумел зажечь в русских сердцах огонь любви к Отечеству в священном 1812 г. Этот этап государственной деятельности адмирала является наглядным примером успешного воздействия консервативной идеологии на широкие массы.

Между тем консерватизм признает социальное неравенство естественным состоянием человечества, что подтверждает критика Шишковым проекта Гражданского уложения М.М. Сперанского. В этом проекте адмирал усматривал посягательство на сословную иерархию, нарушение положений «Жалованной грамоты дворянству» 1785 г., пагубную рецепцию наполеоновского Кодекса 1804 г. По его мнению, при составлении законов следовало руководствоваться уважением к национальным обычаям, народным нравам, правилам господствующей веры. Такой подход был близок к требованию «русского права», содержащегося в «Записке о древней и новой России» Н.М. Карамзина, а также к некоторым идеям «Мнения русского дворянина о гражданском уложении для России» М.Л. Магницкого¹⁰. Не без усилий Шишкова проект Уложения Сперанского в Александровское царствование так и не был принят. При Николае I детище реформатора было отвергнуто как несовместимое с основами государственного строя.

Защита адмиралом незыблемости крепостного права в Государственном совете в 1820 г. показывает его одним из главных противников либеральных преобразований. Шишков усматривал во власти помещиков над крестьянами «отеческую» заботу, которая исключала произвол как норму взаимоотношений между сословиями. Кроме того, Шишков видел в крепостном праве фактор стабильности и благоденствия России. Он считал, что эман-

сипационные толки были источником народных бунтов, а потому выступал против любых реформ, способных привести к дестабилизации обстановки в стране. Это обстоятельство позволяет видеть в нем скорее человека, адекватного реалиям своего времени, нежели ярого крепостника.

Следует отметить, что гуманное отношение Шишкова к собственным крестьянам выделяло его среди многих современников, включая тех, кого принято именовать людьми прогрессивных взглядов. Он не злоупотреблял помещичьей властью, не обременял крепостных непосильными повинностями, никогда не продавал и не покупал людей. Шишков любил простой народ, считая его истинным хранителем русских традиций, а потому поощрял талантливых писателей из низших сословий наградами Академии.

Исходя из примата религии, адмирал отвергал модные теории общественного договора, естественных прав человека. Главным регулятором социальных отношений, согласно Шишкову, является Божья воля. Рационалистические теории о переустройстве общества на либеральных принципах он отвергал, а потому голосовал в Комитете министров за отстранение от преподавательской деятельности профессоров, проявлявших враждебность к существовавшим порядкам.

В 1810-е — первую половину 1820-х гг. первенство в противостоянии идеям о правах и свободе личности принадлежало чиновникам Министерства духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицына. По логике развития политических процессов адмирал должен был стать их естественным союзником. Тем более, что и он, и управленцы «объединенного» министерства одинаково, с религиозных позиций, осуждали либерализм как порождение отвлеченных рационалистических установок Просвещения. Однако А.С. Шишков критиковал голицынских чиновников даже больше, чем вольнодумствовавших профессоров.

Причиной разногласий был консерватизм адмирала в религиозном вопросе. Шишков рассматривал православную веру как фундамент государственного устройства. Его позиция подразумевала укрепление господствующего положения православной церкви, пристальное внимание к соблюдению ее догматов и обрядов. Голицын же проводил экуменическую политику, уравнивал

православие с другими конфессиями, поощрял распространение западной мистической литературы, терпимо относился к сектам, в протестантском ключе отрицал важность церковных обрядов¹¹.

Замена его на министерском поприще А.С. Шишковым в 1824 г. стала торжеством национально-православного направления в религиозной жизни и в просвещении. С этого момента, по словам исследователя, «монархическая власть более не ставила под сомнение статус Православия как господствующей религии, а русский консерватизм отныне базировался исключительно на Православии»¹². Для всевозможных сект, нетрадиционных религиозных учений наступили тяжелые времена. Запреты еретических сочинений следовали один за другим. Чиновники прежнего состава министерства подвергались судебным преследованиям.

Апофеозом борьбы адмирала с религиозным космополитизмом стало закрытие «Российского Библейского общества». После войны 1812 г. оно являлось средоточием экуменических настроений и находилось под влиянием протестантизма. Переведенные этой организацией с церковнославянского на литературный русский язык священные книги были сожжены как несоответствующие глубокому смыслу оригиналов.

Меры, принимаемые Шишковым, обуславливались, с одной стороны — его русским патриотизмом, опиравшимся на почитание церковнославянской литературной традиции, а также на посещение церковной службы, на соблюдение православных обрядов, с другой — опасениями перед отдалением паствы от господствующей церкви с последующим превращением ее в орудие революционных замыслов тайных обществ, заговорщиков, иностранных миссионеров.

Укреплению единства Российской империи Шишков уделял первоочередное внимание, когда занимал пост министра народного просвещения (1824–1828). В это время он стремился распространить идею патриотического воспитания на всей территории страны. С этой целью на окраинах империи вводилось преподавание русского языка. Греко-католики возвращались на путь православного воспитания. Преодолению национальной обособленности народов должно было предшествовать создание единого культурно-языкового поля.

Шишков прикладывал большие усилия к тому, чтобы отечественные традиции больше не воспринимались сквозь призму невежества. Он повсеместно восстанавливал изучение церковнославянского и греческого языков, сыгравших ключевую роль в христианизации славян и в формировании православной культуры. Воспитание духовности и нравственности являлось приоритетом его образовательной политики.

Подход адмирала к народному просвещению определялся государственными потребностями и социальным устройством страны. Знания, ненужные сословиям в их практической жизни, признавались им необязательными. Равный доступ к образованию, согласно его взглядам, делал существовавшую социальную конструкцию неустойчивой. На этих основаниях были созданы николаевский указ от 19 августа 1827 г. и Устав низших и средних учебных заведений от 8 декабря 1828 г. Эти правовые акты закрывали крепостным доступ в гимназии и университеты.

Министерство Шишкова с недоверием относилось к политическим наукам, к естественному праву, запрещая их преподавание в гимназиях и в университетах. Оно усиливало надзор за учебными заведениями, с вниманием относилось к их ревизиям и отчетности, налаживало контроль за содержанием учебного материала и студенческих лекций, вмешивалось в функционирование частного и домашнего воспитания.

В сущности, политика адмирала определялась страхом перед революционными выступлениями. Все, о чем он долго предостерегал современников, проявилось в восстании на Сенатской площади. 14 декабря 1825 г. Шишков считал черным днем отечественной истории. Его ответом на восстание стал притеснительный «чугунный» цензурный устав 1826 г.

Таким образом, общественно-политическая и государственная деятельность адмирала проложила путь к оформлению консервативной идеологии царствования Николая I. Александра Семеновича Шишкова по праву можно назвать одним из первых ее практиков и теоретиков.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ Сухонин П.П. 1851. Отд. 5. С. 2.
- ² Белинский В.Г. 1954. С. 191.
- ³ Галахов А.Д. 1868. С. 57.
- ⁴ Грот Я.К. 1899. С. 66.
- ⁵ Булич Н.Н. 1902. С. 119–122.
- ⁶ Ягич И.В. 1910. С. 160.
- ⁷ Пытин А.Н. 1868; 1869; 1873; 1916; 1918.
- ⁸ Щебальский П.К. 1870. С. 192–254.
- ⁹ Стоюнин В.Я. 1877.
- ¹⁰ Стоюнин В.Я. 1880. С. 270–271.
- ¹¹ Сухомлинов М.И. 1885; 1889.
- ¹² Сухомлинов М.И. 1885. С. 204–205.
- ¹³ Кочубинский А.А. 1887–1888. С. 4.
- ¹⁴ Там же. С. 24.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Бобровский П.О. 1890. С. 3–4.
- ¹⁷ Знаменский П.В. 1885.
- ¹⁸ Чистович И.А. 1894; 1899.
- ¹⁹ Соколовская Т.О. 1907. С. 2–39.
- ²⁰ Шмид Е.К. 1878; Милюков П.Н. 1897; Рождественский С.В. 1902.
- ²¹ Князьков С.А., Сербов Н.И. 1910. С. 200.
- ²² Каптерев П.Ф. 1915.
- ²³ Семевский В.И. 1884. С. 173–210; 1888. Т. 1.
- ²⁴ Скабичевский А.М. 1892. С. 202.
- ²⁵ Энгельгардт Н.А. 1904.
- ²⁶ Жаринов Д.А. 1911. С. 170–180; Палицын Н.А. 1912. С. 477–490.
- ²⁷ Комаров А.И. 1950. Т. 1. С. 159.
- ²⁸ Берков П.Н. 1950. С. 79.
- ²⁹ Предтеченский А.В. 1957.

- ³⁰ Тынянов Ю.Н. 1926. С. 215–286.
- ³¹ Мордовченко Н.И. 1959. С. 78–79.
- ³² Мейлах Б.С. 1937. С. 85.
- ³³ Мейлах Б.С. 1958. С. 246–259.
- ³⁴ Янковский Ю.З. 1981.
- ³⁵ Цимбаев Н.И. 1986. С. 274.
- ³⁶ Успенский Б.А. 1985; 1994; Лотман Ю.М. 1997.
- ³⁷ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. 2002. С. 456.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Альтишуллер М.Г. 1991. С. 144–149; 2005. С. 19–92; 2007.
- ⁴⁰ Серман И.З. 2005. С. 284.
- ⁴¹ Земскова Е.Е. 2000. С. 87.
- ⁴² Зорин А.Л. 2001. С. 169.
- ⁴³ Егерева Т.А. 2014.
- ⁴⁴ Полежаева Т.В. 2013а. С. 63–66; 2013б. С. 96–100; 2014. С. 116–122.
- ⁴⁵ Файништейн М.Ш. 2002. С. 45.
- ⁴⁶ Мазур Н.Н. 2004. С. 196–250.
- ⁴⁷ Камчатнов А.М. 2010. С. 530–534.
- ⁴⁸ Петров Ф.А. 2000.
- ⁴⁹ Боленко К.Г., Лямина Е.Э. 1991. С. 4–20.
- ⁵⁰ Там же. С. 5.
- ⁵¹ Боленко К.Г. 2004. С. 38.
- ⁵² Боленко К.Г., Лямина Е.Э. 2005. С. 63–163.
- ⁵³ Меркулов И.В. 2004а. С. 300–310.
- ⁵⁴ Меркулов И.В. 2010а. С. 170–180.
- ⁵⁵ Меркулов И.В. 2004б. С. 14–22; 2005. С. 18–36.
- ⁵⁶ Вишленкова Е.А. 2002. 439 с.
- ⁵⁷ Кондаков Ю.Е. 1998; 2000; 2004; 2005.
- ⁵⁸ Кондаков Ю.Е. 2000. С. 86.
- ⁵⁹ Бежанидзе Г.В. 2013. С. 7–15.
- ⁶⁰ Минаков А.Ю. 2003. С. 26–31; 2004. С. 267–280; 2005а. С. 473–474; 2014. С. 105–111; Минаков А.Ю., Репников А.В. 2010. С. 6–18.
- ⁶¹ Минаков А.Ю. 2002а. С. 239–253; 2002б. С. 18–19.
- ⁶² Минаков А.Ю. 2011а; 2011б. С. 5; 2014б. С. 14.
- ⁶³ Минаков А.Ю. 2009б. С. 12.
- ⁶⁴ Минаков А.Ю. 2009а. С. 145.
- ⁶⁵ Минаков А.Ю. 2010а. С. 129.
- ⁶⁶ Минаков А.Ю. 2009в. С. 77–79; 2010в. С. 154–159; 2010е. С. 163.
- ⁶⁷ Шишков А.С. 2010.
- ⁶⁸ Там же. С. 68.

- ⁶⁹ Репников А.В. 2014.
- ⁷⁰ Garde P. 1964. P. 261–269; 1986. P. 279–285.
- ⁷¹ Уортман Р. 2002.
- ⁷² Martin A. 1997.
- ⁷³ Там же. P. 57.
- ⁷⁴ Там же. P. 64.
- ⁷⁵ Долгих А.Н. 1984; Сарапас М.В. 1993; Костыря Л.П. 2000; Тетеркина С.В. 2013; Полежаева Т.В. 2016.
- ⁷⁶ Карпец В.И. 1987.
- ⁷⁷ Овчинников Н.В. 2012. С. 52.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 1. 90 л.
- ⁸⁰ Там же. Д. 2. 2 л.; Д. 3. 3 л.; Д. 7. 7 л.
- ⁸¹ Там же. Д. 40. 1 л.; Д. 87. 1 л.
- ⁸² Там же. Ф. 735. Оп. 1. Д. 3. 21 л.; Д. 6. 137 л.
- ⁸³ Там же. Д. 1. 37 л.; Д. 36. 194 л.; Д. 75. 15 л.; Д. 76. 122 л.
- ⁸⁴ Там же. Д. 124. 57 л.; Д. 207. 96 л.
- ⁸⁵ Там же. Д. 231. 54 л.
- ⁸⁶ Там же. Ф. 737. Оп. 1. Д. 1. 75 л.
- ⁸⁷ Там же. Ф. 733. Оп. 118. Д. 557. 179 л.
- ⁸⁸ Там же. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 10. 401 л.
- ⁸⁹ Там же. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 8. Л. 179–233.
- ⁹⁰ ОР РНБ. Ф. 862. Д. 3. 114 л.; Д. 4. 57 л.
- ⁹¹ ОПИ ГИМ. Ф. 183.
- ⁹² ОР РГБ. Ф. 92. Д. 102–103.
- ⁹³ Сахаров И.П. 1873. Стб. 960, 962.
- ⁹⁴ Шишков А.С. 1870 (далее — Шишков А.С. Записки, мнения и переписка...).
- ⁹⁵ ОР ИРЛИ. Ф. 636. Оп. 2. Д. 1. 2 л.
- ⁹⁶ Там же. Д. 2. 1 л.
- ⁹⁷ Там же. Д. 10. 2 л.
- ⁹⁸ Там же. Д. 9. 2 л.
- ⁹⁹ Там же. Д. 11. 1 л.
- ¹⁰⁰ Там же. Д. 3. 2 л.
- ¹⁰¹ Там же. Оп. 3. Д. 2. 2 л.
- ¹⁰² Там же. Д. 5. 4 л.
- ¹⁰³ ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 382; Д. 1459; Оп. 3. Д. 936.
- ¹⁰⁴ Шишков А.С. 1897. Т. 1–2.
- ¹⁰⁵ Там же. Т. 90, № 6. С. 625.
- ¹⁰⁶ Шишков А.С. 1834.

- ¹⁰⁷ Шишков А.С. 1994а. С. 215–241; 1996а. С. 258–297.
- ¹⁰⁸ Собрание высочайших манифестов... 1816.
- ¹⁰⁹ Шишков А.С. 1831а.
- ¹¹⁰ Записки, издаваемые от Департамента народного просвещения. 1825, 1827; Сборник постановлений и распоряжений по цензуре. 1862; Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. 1866; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 1875.
- ¹¹¹ Полное собрание законов... 1830.
- ¹¹² Архив Государственного совета. 1874.
- ¹¹³ Труды комиссии составления законов... 1822. Т. 1.
- ¹¹⁴ Шишков А.С. 1828а. С. 1–32.
- ¹¹⁵ Шишков А.С. 1831г. С. 133–137.
- ¹¹⁶ Шишков А.С. 1831в. С. 143–154.
- ¹¹⁷ Шишков А.С. 1831е. С. 175–176.
- ¹¹⁸ Шишков А.С. 1824г. С. 1–356.
- ¹¹⁹ Шишков А.С. 1824а. С. 247–388; 1824б. С. 357–466; 1824в. С. 1–246; 1825в. С. 1–107; 1828б. С. 236–261.
- ¹²⁰ Шишков А.С. 1825г. С. 147–185.
- ¹²¹ Аксаков С.Т. 1909. С. 178.
- ¹²² Там же. С. 184.
- ¹²³ Греч Н.И. 1990.
- ¹²⁴ Там же. С. 291.
- ¹²⁵ Сербеев Д.Н. 1871. Стб. 162–182.
- ¹²⁶ Там же. Стб. 165.
- ¹²⁷ Там же. Стб. 170.
- ¹²⁸ Пржецлавский О.А. 1875. С. 383–402.
- ¹²⁹ Вигель Ф.Ф. 1891–1893.
- ¹³⁰ Там же. Ч. 4. С. 35, 52.
- ¹³¹ Там же. Ч. 2. С. 56.
- ¹³² Сербинович К.С. 1896. С. 573–577.
- ¹³³ Там же. С. 575.
- ¹³⁴ Панаев В.И. 1867.
- ¹³⁵ Куницын А.П. 1818; Муравьев-Апостол И.М. 1859. С. 37–42; Су-мароков П.И. 1859. С. 43–48; Троцинский Д.П. 1859. С. 1–24; Записка о крамолах... 1868. Стб. 1329–1391; Одоевский В.Ф. 1874. Стб. 11–30; Хо-мяков А.С. 1900. С. 202–230; Сперанский М.М. 1905; Языков Н.М. 1913; Жихарев С.П. 1955; Пушкин А.С. 1962. С. 355–359; Карамзин Н.М. 1984, 1991; Булгарин Ф.В. 1998; Ростопчин Ф.В. 2014. С. 204–286.

Глава I

¹ ОР РНБ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

² *Филатова-Шишкова В.* 2001. С. 284.

³ *Боленко К.Г., Лямина Е.Э.* 2005. С. 68–72.

⁴ *А.И. Бибииков* (1729–1774) отличился в Семилетней войне (1756–1763), был председателем Уложенной комиссии (1767–1768), командовал армией в боях с польскими конфедератами в 1771 г., являлся главнокомандующим войсками при усмирении Пугачевского бунта в 1773 г.

⁵ Цит. по: *Боленко К.Г., Лямина Е.Э.* 2005. С. 121.

⁶ *Стоюнин В.Я.* 1880. Ч. 1. С. 3–4.

⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

⁸ *Егерева Т.А.* 2014. С. 61.

⁹ *Вахмистрова С.И.* 2003. С. 17.

¹⁰ ОР ИРЛИ. Ф. 636. Оп. 2. Д. 2. Л. 1.

¹¹ *Веселаго Ф.Ф.* 1852. С. 119–120.

¹² *Зуев Г.И.* 2005. С. 98.

¹³ *Егерева Т.А.* 2014. С. 70.

¹⁴ *Шишков А.С.* 1821–1822.

¹⁵ *Шишков А.С.* 1828в. С. 262–334.

¹⁶ Там же. С. 263.

¹⁷ *Меркулов.* 2010. С. 228.

¹⁸ РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

¹⁹ *Шишков А.С.* 1828в. С. 278.

²⁰ Там же. С. 314.

²¹ РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

²² *Меркулов И.В.* 2010. С. 174.

²³ РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

²⁴ Алексей Елеазарович Шельтинг — сын контр-адмирала Вейбранта Шельтинга, прибывшего из Голландии на русскую службу при Петре I; участник Второй Камчатской экспедиции В.И. Беринга; в Семилетнюю войну (1756–1763 гг.) командовал разными судами у берегов Пруссии; начальник Архангельского и Ревельского портов; контр-адмирал.

²⁵ *Боленко К.Г., Лямина Е.Э.* 2005. С. 125.

²⁶ Козлянинов Тимофей Гаврилович участвовал в Русско-турецкой войне (1768–1774), в сражениях при Наполи-ди-Романия и Чесме. В ходе Русско-шведской войны (1788–1790) он отличился в сражении у Гогланда, блокировав шведский флот у Свеаборга. В 1792–1796 гг. Козлянинов был членом Адмиралтейств-коллегии. В 1797 г. его назначили главным командиром Архангельского порта.

²⁷ Боленко К.Г. 2004. С. 45.

²⁸ Шишков А.С. 1897 (далее — Шишков А.С. Русский путешественник...).

²⁹ Шишков А.С. 1834 (далее — Шишков А.С. Записки адмирала...).

³⁰ Шишков А.С. Русский путешественник... Т. 90. № 5. С. 411.

³¹ Там же. С. 415.

³² Там же. С. 416.

³³ Шишков А.С. Записки адмирала... С. 8.

³⁴ Там же. С. 10–11.

³⁵ Петрарка Франческо (1304–1374) — знаменитый итальянский поэт и гуманист. Обрел мировую славу благодаря стихам, посвященным возлюбленной Лауре.

³⁶ Тассо Торквато (1544–1595) — знаменитый итальянский поэт, писатель, драматург и философ. В его главном произведении «Освобожденный Иерусалим» (1581) воспеваются столкновения между христианами и мусульманами во время Первого крестового похода (1096–1099), завершившегося взятием христианами Иерусалима.

³⁷ Шишков А.С. Записки адмирала... С. 72.

³⁸ Шишков А.С. Русский путешественник... Т. 91. № 7. С. 204.

³⁹ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т. 2. С. 370.

⁴⁰ Шишков А.С. Русский путешественник... Т. 90. № 5. С. 422.

⁴¹ Там же. Т. 91. № 7. С. 197.

⁴² Там же. Т. 90. № 6. С. 620.

⁴³ Шишков А.С. Записки адмирала... С. 18.

⁴⁴ Шишков А.С. Русский путешественник... Т. 90. № 6. С. 622.

⁴⁵ Аксаков С.Т. 1909. Т. 2. С. 194.

⁴⁶ Шишков А.С. Русский путешественник... Т. 90. № 6. С. 627.

⁴⁷ Там же. Т. 91. № 7. С. 222.

⁴⁸ Там же. Т. 90. № 6. С. 629.

⁴⁹ Дмитриев М.А. 1988. С. 447.

⁵⁰ Шишков А.С. Русский путешественник... Т. 90. № 6. С. 624.

⁵¹ Ариосто Лудовико (1474–1533) — итальянский поэт и драматург эпохи Возрождения. Его самой известной работой является поэма «Неистовый Роланд», написанная по мотивам каролингского эпоса.

⁵² Шишков А.С. Записки адмирала... С. 103.

⁵³ Там же. С. 111.

⁵⁴ Там же. С. 104.

⁵⁵ Там же. С. 105.

⁵⁶ Шишков А.С. Русский путешественник... Т. 91. № 7. С. 215.

⁵⁷ Шишков А.С. Записки адмирала... С. 29.

- ⁵⁸ Шишков А.С. Записки адмирала... С. 40–41.
- ⁵⁹ Шишков А.С. Русский путешественник... Т. 91. № 7. С. 224.
- ⁶⁰ Шишков А.С. Записки адмирала... С. 53.
- ⁶¹ Там же. С. 46–47.
- ⁶² Лупарева Н.Н. 2018а. С. 113–119.
- ⁶³ Мецзякова А.О. 2020. С. 43.
- ⁶⁴ Императрица назвала внука Константином, обучала его греческому языку, готовя к царствованию в Константинополе.
- ⁶⁵ Шишков А.С. Записки адмирала... С. 49.
- ⁶⁶ Там же. С. 41.
- ⁶⁷ Там же. С. 77.
- ⁶⁸ РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- ⁶⁹ Там же. Д. 2. Л. 1об.
- ⁷⁰ Веселаго Ф.Ф. 1852. С. 163.
- ⁷¹ Там же. С. 142.
- ⁷² Минаков А.Ю. 2010а. С. 126.
- ⁷³ Соколовская Т.О. 1907. С. 2–39.
- ⁷⁴ Мартин А. 1998. С. 57.
- ⁷⁵ Martin A. 1997. P. 20.
- ⁷⁶ Минаков А.Ю. 2010а. С. 125.
- ⁷⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 9. Л. 1об.
- ⁷⁸ Там же. Л. 2.
- ⁷⁹ Шишков А.С. 1828а. С. 12.
- ⁸⁰ Там же. С. 21.
- ⁸¹ Панаев В.И. 1867. Т. 4. С. 92.
- ⁸² ОР РНБ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 3. Л. 23.
- ⁸³ Там же. Л. 78.
- ⁸⁴ Там же. Л. 97–98.
- ⁸⁵ Шишков А.С. 1831г. С. 133–138.
- ⁸⁶ Подробнее об этом см.: Альтшуллер М.Г. 2007. С. 35–42.
- ⁸⁷ Там же. С. 36
- ⁸⁸ Там же. С. 42.
- ⁸⁹ Полежаева Т.В. 2014. С. 116.
- ⁹⁰ Сухонин П.П. 1851. С. 32.
- ⁹¹ Шишков А.С. 1818. С. 143–144.
- ⁹² Греч Н.И. 1990. С. 70.
- ⁹³ Жихарев С.П. 1955. Ч. 2: Дневник чиновника. С. 317.
- ⁹⁴ Боленко К.Г., Лямина Е.Э. 1994. С. 225.
- ⁹⁵ Литературное общество «Арзамас» возникло в конце 1815 г. для борьбы со «словофилами», то есть с приверженцами Шишкова. На пер-

вом собрании 14 октября присутствовали С.С. Уваров, В.А. Жуковский, Д.Н. Блудов, Д.В. Дашков, А.И. Тургенев и С.П. Жихарев.

⁹⁶ Арзамас и арзамасские протоколы. 1933. С. 119.

⁹⁷ Хвостов Александр Семенович (1753–1820) — стихотворец и переводчик, участник русско-турецкой войны (1787–1791), отличился при взятии Измаила (1790 г.), тайный советник, начальник Государственного заемного банка; Хвостов Дмитрий Иванович (1757–1835) — писатель, имевший славу графомана, обер-прокурор Святейшего синода (1797–1803), граф. Был женат на родной племяннице Суворова по матери. Двоюродные братья. Оба члены Российской Императорской академии.

⁹⁸ Соколов Петр Иванович (1764–1835) — переводчик, писатель, неприменный секретарь (1802–1835) Российской академии, заведующий академической типографией (1818–1831), член Главного правления училищ и Ученого комитета при нем 1824 г. Издатель и редактор «Санкт-Петербургских ведомостей» (1797–1829) и «Журнала Департамента народного просвещения» (1818–1831). Автор-составитель ряда учебников по русской грамматике, трудов по лексикографии; Соколов Дмитрий Михайлович (1786–1819) — переводчик, участник лексикографических работ Российской академии, коллежский советник, друг и соратник П.И. Соколова, один из составителей русской грамматики. Оба члены Российской Императорской академии (с 1793).

⁹⁹ Булгарин Ф.В. 1998б. С. 273.

¹⁰⁰ Шишков А.С. 1831б. С. 155–160.

¹⁰¹ Шишков А.С. 1826а.

¹⁰² Там же. С. 116.

¹⁰³ РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 2. Л. 1об.

¹⁰⁴ Шишков А.С. 1826а. С. 160.

¹⁰⁵ РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 2. Л. 1об.

¹⁰⁶ Меркулов И.В. 2005. С. 19.

¹⁰⁷ Шишков А.С. 1831в. С. 146.

¹⁰⁸ Минаков А.Ю. 2014б. С. 12.

¹⁰⁹ Шишков А.С. 1831в. С. 148.

¹¹⁰ Там же. С. 152.

¹¹¹ Там же. С. 144.

¹¹² Там же. С. 148.

¹¹³ Толстой Ф.П. 2001. С. 52.

¹¹⁴ Ардалион Семенович Шишков (1762–1813) в 1790-е гг. — период карьерного роста — разбогател и в 1798 г., пребывая в доме А.С. Шишкова, он объявил о своем решении жениться на Софье Александровне Хвостовой, дочери статского советника Александра Ивановича Хвостова и Ека-

терины Алексеевны Хвостовой (в девичестве Шельтинг; родная сестра Дарьи Алексеевны Шишковой). Их дети (Александр, Семен, Дмитрий, Владимир) впоследствии доставляли Александру Семеновичу много хлопот своими проступками.

¹¹⁵ Дмитрий Семенович Шишков (1761–1820) являлся участником Русско-шведской войны (1788–1790), кавалером российского посольства в Константинополе, командовал полком в Сибири. В царствование Павла I его пожаловали в генерал-майоры, но вскоре отстранили от службы. При Александре I Д.С. Шишков был тамбовским и рязанским губернатором, действительным статским советником. Имел восемь детей, семь из которых родились от его второй жены Е.В. Юрьевой.

¹¹⁶ Каменская М.Ф. 1991. С. 46.

¹¹⁷ Аксаков С.Т. 1909. С. 191.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Егерева Т.А. 2014. С. 108–109.

¹²⁰ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т. 2. С. 184.

¹²¹ Аксаков С.Т. 1909. С. 191–192.

¹²² Боленко К.Г., Лямина Е.Э. 1991. С. 8.

¹²³ Шишков А.С. 1832–1840.

¹²⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 9. Л. 9.

¹²⁵ Шильдер Н.К. 1901. С. 293–303.

¹²⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 9. Л. 13–13об.

¹²⁷ Там же. Л. 38об.

¹²⁸ Меркулов И.В. 2005. С. 30.

¹²⁹ Булич Н.Н. 1902. С. 124.

¹³⁰ Чичагов П.В. 1885. С. 14.

¹³¹ Боленко К.Г. 2004. С. 36.

¹³² Карамзин Н.М. 1991. С. 45.

¹³³ ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 9. Л. 11об.

¹³⁴ Шильдер Н.К. 1901. С. 403.

¹³⁵ РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

¹³⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 9. Л. 23об.

¹³⁷ Там же. Л. 31об.

¹³⁸ Там же. Л. 40об.

¹³⁹ РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 2. Л. 2об.

¹⁴⁰ Назвав Шишкова «молодым офицером», О.А. Пржецлавский не учел его возраст на тот момент — 43 г.

¹⁴¹ Пржецлавский О.А. 1875. С. 389.

¹⁴² РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

¹⁴³ Там же. Л. 2.

- ¹⁴⁴ РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.
¹⁴⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 9. Л. 60об.
¹⁴⁶ Там же. Л. 61.
¹⁴⁷ РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 1. Л. 3об.
¹⁴⁸ Боленко К.Г., Лямина Е.Э. 1991. С. 10.
¹⁴⁹ Там же. С. 14.
¹⁵⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 9. Л. 63.
¹⁵¹ Шишков А.С. 1831д. С. 160–164.
¹⁵² Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т. 1. С. 79–80.
¹⁵³ Там же. С. 82.
¹⁵⁴ Шильдер Н.К. 1901. С. 326.
¹⁵⁵ Корф С.А. 1906. С. 225–240.

Глава II

- ¹ Шильдер Н.К. 1904. Т. 2. С. 6.
² Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т. 1. С. 81.
³ Шишков А.С. 1831е. С. 177.
⁴ Русский консерватизм... 2000. С. 35.
⁵ Саблуков Н.А. 1869. Стб. 1882.
⁶ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т. 1. С. 84–85.
⁷ Греч Н.И. 1990. С. 127.
⁸ Альтигуллер М.Г. 2007. С. 13–17.
⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 9. Л. 65об.
¹⁰ Шишков А.С. 1824г. Ч. 2 (далее — Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге...). С. 10.
¹¹ Минаков А.Ю. 2009а. С. 145.
¹² Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге... С. 2.
¹³ Ломоносов М.В. 1952. С. 585–592.
¹⁴ ОР РНБ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 3. Л. 17.
¹⁵ Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге... С. 81.
¹⁶ Мейе. А. 2001. С. 7.
¹⁷ Шевырев С.П. 2017. С. 188.
¹⁸ Минаков А.Ю. 2009а. С. 145.
¹⁹ Греч Н.И. 1990. С. 156–157.
²⁰ Аксаков С.Т. 1909. С. 179.
²¹ Макаров Петр Иванович (1765–1804) — полковник артиллерии, писатель. Он был сотрудником «Вестника Европы». В 1803 г. издавал журнал «Московский Меркурий», в двенадцатом номере которого поме-

стиль критику на «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» Шишкова.

²² Мартынов Иван Иванович (1771–1833) — переводчик и журналист, издатель «Северного вестника» (1804–1805). В первом номере этого журнала (1804) он поместил критику на сочинение А.С. Шишкова, написанную русским историком и переводчиком Д.И. Языковым.

²³ См. об этом подробнее: *Галахов А.Д.* 1868. Т. 2. С. 58–61.

²⁴ *Шишков А.С.* Рассуждение о старом и новом слоге... С. 252–253.

²⁵ Там же. С. 253.

²⁶ Там же. С. 49.

²⁷ Там же. С. 251.

²⁸ *Минаков А.Ю.* 2014а. С. 107.

²⁹ *Шишков А.С.* Рассуждение о старом и новом слоге... С. 23, 66.

³⁰ Франсуа де Салиньяк де Ла Мот-Фенелон (1651–1715) — французский писатель и религиозный деятель, богослов, педагог. Автор знаменитого романа «Приключения Телемака» (1695 г.), считающегося «литературным бестселлером» XVII–XIX вв.

³¹ Жан-Батист Расин (1639–1699) — один из величайших драматургов Франции XVII в.

³² *Шишков А.С.* 1824а (далее — Шишков А.С. Перевод двух статей из Лагарпа...). С. 259.

³³ *Лупарева Н.Н.* 2021. С. 180.

³⁴ *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* 2002. С. 472.

³⁵ *Минаков А.Ю.* 2011б. С. 365.

³⁶ *Шишков А.С.* Рассуждение о старом и новом слоге... С. 226.

³⁷ *Вигель Ф.Ф.* 1892. Ч. 2. С. 55; Ч. 3. С. 150.

³⁸ *Вяземский П.А.* 1883. С. 483.

³⁹ *Файнштейн М.Ш.* 2002. С. 13.

⁴⁰ *Шишков А.С.* 1825а. С. 11.

⁴¹ Там же. С. 4.

⁴² *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка... Т. 2. С. 392.

⁴³ *Шишков А.С.* 1825в (далее — Шишков А.С. Рассуждение о красноречии...). С. 23.

⁴⁴ *Рукописи...* 2002. С. 72.

⁴⁵ Подробнее об этом см.: *Сухомлинов М.И.* 1889. С. 74–75.

⁴⁶ *Пушкин В.Л.* 1810. С. 357–363.

⁴⁷ *Пушкин В.Л.* 1893. С. 72.

⁴⁸ *Шишков А.С.* Перевод двух статей из Лагарпа... С. 316.

⁴⁹ *Дашков Д.В.* 1810. Ч. 8. № 12. С. 431.

⁵⁰ *Шишков А.С.* Рассуждение о красноречии... С. 93.

- ⁵¹ Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге... С. 42.
- ⁵² Шишков А.С. 1825г (далее — Шишков А.С. Рассуждение о любви к Отечеству...). С. 61.
- ⁵³ Белинский В.Г. 1941. С. 472.
- ⁵⁴ Карамзин Н.М. 1984. С. 254.
- ⁵⁵ Минаков А.Ю. 2016б. С. 29–39.
- ⁵⁶ Сербинович К.С. 1896. С. 576.
- ⁵⁷ Шишков А.С. 1824б (далее — Шишков А.С. Прибавление к сочинению...). С. 423
- ⁵⁸ Там же. С. 458.
- ⁵⁹ Шишков А.С. 2010. С. 31.
- ⁶⁰ Шишков А.С. Прибавление к сочинению... С. 459.
- ⁶¹ Видимо, речь идет о французском актере А.Л. Лекене (1729–1778), театральном реформаторе, который перестал использовать декламационный стиль игры на сцене и превосходно исполнял роли героев произведений Вольтера, написанные простым языком.
- ⁶² Шишков А.С. Перевод двух статей из Лагарпа... С. 330.
- ⁶³ Шишков А.С. Рассуждение о красноречии... С. 95.
- ⁶⁴ ОР РНБ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.
- ⁶⁵ Шишков А.С. 1826б. С. 3.
- ⁶⁶ Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге... С. 251.
- ⁶⁷ Киреевский И.В. 1852. С. 42.
- ⁶⁸ Там же. С. 43.
- ⁶⁹ Шишков А.С. 1828б (далее — Шишков А.С. Ответ на письмо...). С. 243.
- ⁷⁰ Там же. С. 255.
- ⁷¹ Сарапас М.В. 1993. С. 107–109.
- ⁷² Аксаков И.С. 1891. С. 3.
- ⁷³ Аксаков С.Т. 1909. С. 208.
- ⁷⁴ Егерева Т.А. 2014. С. 184.
- ⁷⁵ Цит. по: Киселева Л.Н. 1994. Ч. 1. С. 227.
- ⁷⁶ Шишков А.С. Ответ на письмо... С. 252.
- ⁷⁷ Шишков А.С. Прибавление к сочинению... С. 457, 462.
- ⁷⁸ РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
- ⁷⁹ Пытин А.Н. 1873. С. 235.
- ⁸⁰ Цимбаев Н.И. 1986. С. 13.
- ⁸¹ Лушников А.Г. 1913. С. 23–25.
- ⁸² Янковский Ю.З. 1981. С. 31–32.
- ⁸³ Минаков А.Ю. 2009а. С. 146.
- ⁸⁴ Альтицуллер М.Г. 2007. С. 43.

⁸⁵ Тетеркина С.В. 2013. С. 80.

⁸⁶ Хомяков А.С. 1900. С. 207.

⁸⁷ Шишков А.С. Ответ на письмо... С. 241.

⁸⁸ Минаков А.Ю. 2011б. С. 109.

⁸⁹ Лупарева Н.Н. 2010. С. 140; 2018б. С. 180.

⁹⁰ Лупарева Н.Н. 2019. С. 349.

⁹¹ Мецзякова А.О. 2016. С. 74.

⁹² Арман Огюст Луи де Коленкур (1773–1821) в 1807–1810 гг. был послом при Петербургском дворе. Пытался наладить отношения между Александром I и Наполеоном. Не добившись в этом успеха, подал в отставку. Наполеон упрекал его в русофильстве. В русском обществе Коленкур встречал холодный прием как француз.

⁹³ Жак Александр Бернар Ло де Лористон, маркиз (1768–1828) — маршал Франции. Был товарищем Наполеона по артиллерийской школе, участвовал в кампаниях 1805 и 1809 гг. В 1811 г. был послом в Петербурге. Во время отступления французской армии из России командовал арьергардом.

⁹⁴ Греч Н.И. 1900. С. 179.

⁹⁵ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т. 1. С. 117.

⁹⁶ Там же. С. 98.

⁹⁷ Хвостов Николай Александрович родился в 1776 г. в семье А.И. Хвостова и Е.А. Хвостовой (в девичестве Шельтинг), сестры Д.А. Шишковой.

⁹⁸ Давыдов Г.И. 1810. Ч. 1. С. XXXVI.

⁹⁹ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т. 1. С. 115.

¹⁰⁰ Там же. С. 93.

¹⁰¹ Жихарев С.П. 1955. С. 317.

¹⁰² Там же. С. 348.

¹⁰³ Жан де Лафонтен (1621–1695) — французский поэт, известный баснописец, автор нескольких сборников сказок и повести «Любовь Психеи и Купидона».

¹⁰⁴ Буало Никола (1636–1711) — французский поэт, теоретик классицизма.

¹⁰⁵ Минаков А.Ю. 2015б. С. 107.

¹⁰⁶ Полежаева Т.В. 2013б. С. 98–99.

¹⁰⁷ Жихарев С.П. 1955. С. 359.

¹⁰⁸ Там же. С. 438.

¹⁰⁹ Вигель Ф.Ф. 1892. Ч. 3. С. 150.

¹¹⁰ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т. 1. С. 115.

¹¹¹ Вигель Ф.Ф. 1892. Ч. 3. С. 151.

- ¹¹² Альтишуллер М.Г. 2005. С. 56.
- ¹¹³ Сербинович К.С. 1896. С. 574.
- ¹¹⁴ Вигель Ф.Ф. 1892. Ч. 3. С. 152.
- ¹¹⁵ Минаков А.Ю. 2011б. С. 134.
- ¹¹⁶ Альтишуллер М.Г. 2007. С. 57.
- ¹¹⁷ Тетеркина С.В. 2013. С. 48.
- ¹¹⁸ Минаков А.Ю. 2009а. С. 147.
- ¹¹⁹ Шишков А.С. 1825д. С.115.
- ¹²⁰ Там же. С. 136.
- ¹²¹ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т. 1. С. 116.
- ¹²² Стоюнин В.Я. 1880. Ч. 1. С. 129.
- ¹²³ Галахов А.Д. 1868. С. 76.
- ¹²⁴ Шишков А.С. Рассуждение о любви к Отечеству... С. 182.
- ¹²⁵ Там же. С. 184.
- ¹²⁶ Языков Н.М. 1982. С. 200.
- ¹²⁷ Шишков А.С. Рассуждение о любви к Отечеству... С. 148.
- ¹²⁸ Там же. С. 149.
- ¹²⁹ Минаков А.Ю. 2009б. С. 13.
- ¹³⁰ Шишков А.С. Рассуждение о любви к Отечеству... С. 174.
- ¹³¹ Там же. С. 180.
- ¹³² Файнштейн М.Ш. 2002. С. 45.
- ¹³³ Земскова Е.Е. 2004. С. 91.
- ¹³⁴ Вигель Ф.Ф. 1892. Ч. 3. С. 152–153.
- ¹³⁵ Стурдза А.С. 1994. С. 44.
- ¹³⁶ Архив братьев Тургеневых. 1911. С. 281–282.
- ¹³⁷ Оппоненты А.С. Шишкова называли «славянами» его литературных приверженцев.
- ¹³⁸ Кюхельбекер В.К. 1929. С. 88.
- ¹³⁹ Дмитриев Михаил Александрович (1796–1866) организовал в подражание пародировавшему шишковистов литературному обществу «Арзамас» литературное «Общество громкого смеха» (1816–1820).
- ¹⁴⁰ Дмитриев М.А. 1988. С. 447.
- ¹⁴¹ Панаев В.И. 1867. Т. 4. С. 72.
- ¹⁴² Зорин А.Л. 2001. С. 242.
- ¹⁴³ Аксаков С.Т. 1891. Т. 2. С. 220.
- ¹⁴⁴ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. 2002. С. 460.
- ¹⁴⁵ Жаринов Д.А. 1911. С. 172.
- ¹⁴⁶ Шишков А.С. 1831а (далее — Шишков А.С. Краткие записки...). С. 31.
- ¹⁴⁷ Шильдер Н.К. 1905. Т. 3. С. 88.

- 148 *Палицын Н.А.* 1912. С. 481.
- 149 *Ростопчин Ф.В.* 2014. С. 235.
- 150 *Шишков А.С.* Краткие записки... С. 10.
- 151 РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 1. Л. 32–36об.
- 152 *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка... Т. 1. С. 148–150.
- 153 *Шишков А.С.* Краткие записки... С. 42.
- 154 *Стоюнин В.Я.* 1880. Ч. 1. С. 158–159.
- 155 *Минаков А.Ю.* 2011б. С. 180.
- 156 *Шишков А.С.* Краткие записки... С. 50.
- 157 *Знаменский П.В.* 1885. С. 21.
- 158 *Шишков А.С.* Краткие записки... С. 48.
- 159 Там же. С. 52.
- 160 Там же. С. 234.
- 161 Там же. С. 53.
- 162 Там же. С. 60.
- 163 РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.
- 164 *Шишков А.С.* Краткие записки... С. 70.
- 165 Там же. С. 79.
- 166 Собрание высочайших манифестов... 1816. С. 152.
- 167 *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка... Т. 1. С. 281.
- 168 *Богданович М.И.* 1871. Т. 5. С. 127.
- 169 Собрание высочайших манифестов... С. 179.
- 170 *Шишков А.С.* Краткие записки... С. 58.
- 171 Собрание высочайших манифестов... С. 157–158.
- 172 *Шишков А.С.* Краткие записки... С. 296.
- 173 *Минаков А.Ю.* 2015а. С. 16.
- 174 *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка... Т. 1. С. 177–178.
- 175 *Минаков А.Ю.* 2009б. С. 13.
- 176 *Шишков А.С.* Краткие записки... С. 191–201.
- 177 *Шильдер Н.К.* 1905. Т. 3. С. 256.
- 178 Собрание высочайших манифестов... С. 168.
- 179 Там же. С. 169.
- 180 *Семевский В.И.* 1884. С. 184.
- 181 См. об этом: *Минаков А.Ю.* 2009б. С. 15.
- 182 *Аксаков С.Т.* 1909. С. 220.
- 183 *Стурдза А.С.* 1994. С. 47.
- 184 *Пушкин А.С.* 1859. С. 318.
- 185 *Палицын Н.А.* 1912. С. 479.
- 186 РГИА. 1673. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.
- 187 *Минаков А.Ю.* 2005. С. 7–18.

Глава III

¹ *Середонин С.М.* 1902. Т. 1. С. 5.

² *Аксаков С.Т.* 1909. Т. 2. С. 220.

³ *Пытин А.Н.* 1918. Т. 3. С. 150.

⁴ Труды комиссии... 1822. Т. 1. Высочайше утвержденный доклад министра юстиции о преобразовании Комиссии составления законов 28 февраля 1804 года. С. 22.

⁵ Архив Государственного совета. 1874. Т. 4. Ч. 1. Стб. 4.

⁶ Проект гражданского уложения... Ч. 1. С. 1.

⁷ Труды комиссии... Т. 1. С. 1.

⁸ *Корф М.А.* 1861. С. 154–155.

⁹ Кодекс Наполеона или Гражданский кодекс — фундаментальный законодательный акт Франции — разработан и принят в начале XIX в. по инициативе первого консула Французской республики Наполеона Бонапарта. Кодекс отверг существовавшие сословные различия и привилегии и послужил одной из основ формирования нового буржуазного общества. Его появление дало мощный толчок для кодификации гражданского права во многих странах мира.

¹⁰ *Карамзин Н.М.* 1991. С. 90–91.

¹¹ *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка... Т. 2. С. 54.

¹² Там же. С. 58.

¹³ Труды комиссии... Т. 1. С. 1.

¹⁴ *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка... Т. 2. С. 59.

¹⁵ Мордвинов Николай Семенович, граф (1754–1845), был известен своим глубоким почтением к английским порядкам и к английской политической системе. Он имел репутацию либерального государственного деятеля, пользовался уважением декабристов.

¹⁶ Архив Государственного совета. Т. 4. Ч. 1. Стб. 61.

¹⁷ Там же. Стб. 66.

¹⁸ Полное собрание законов... Собр. 1. Т. 22. № 16187. С. 348.

¹⁹ *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка... Т. 2. С. 62.

²⁰ Там же. С. 65.

²¹ Там же.

²² Полное собрание законов... Собр. 1. Т. 22. № 16187. С. 347.

²³ *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка... Т. 2. С. 68.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 147.

²⁶ *Карамзин Н.М.* 1991. С. 95.

²⁷ *Трощинский Д.П.* 1859. С. 9.

²⁸ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т. 2. С. 146–152.

²⁹ Кондаков Ю.Е. 2003. С. 185.

³⁰ Майков П.М. 1905. С. 9.

³¹ Севастьянов Ф.Л. 2004. С. 173.

³² Государственный совет. 1901. С. 12.

³³ Семевский В.И. 1888. Т. 1. С. 357.

³⁴ Боленко К.Г., Лямина Е.Э. 2005. С. 121.

³⁵ Там же. С. 129.

³⁶ В действительности воспитатель Александра I Фредерик Сезар Лагарп (1754–1838) был швейцарцем. До переезда в Санкт-Петербург (1783) он работал адвокатом в Берне. Лагарп активно поддерживал идеи французской революции 1789 г., предлагал бернскому правительству провести реформы, вследствие чего был обвинен в разжигании беспорядков, произошедших в швейцарском кантоне Во. Из-за интриг недоброжелателей Лагарп потерял место при петербургском дворе.

³⁷ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т. 1. С. 309.

³⁸ Минаков А.Ю. 2010е. С. 163.

³⁹ РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 10. Копия с журнала Государственного совета 6 мая 1801 г. Л. 4.

⁴⁰ РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 10. Выписка из законов. Л. 11.

⁴¹ Архив Государственного совета. Т. 4. Ч. 2. Стб. 323.

⁴² РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 10. Записка санкт-петербургского военного генерал-губернатора. Л. 8–13об.

⁴³ Розенкамф Густав Андреевич, барон (1764–1832) — главный секретарь и первый референдарий (с 1804 г.) Комиссии составления законов, один из ее руководителей. С 1808 г. являлся начальником гражданского отделения Комиссии, с 1812 г. состоял при ней в особом Совете, членами которого также были Н.И. Тургенев и Я.А. Дружинин. В этот Совет поступали все проекты начальников отделений для внесения их в Государственный совет от князя П.В. Лопухина.

⁴⁴ РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 10. Журнал Комитета составления законов 25 января 1820 г. Л. 19–20.

⁴⁵ Там же. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 8. Л. 188.

⁴⁶ Там же. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 10. Проект закона о пресечении продажи крестьян порознь и без земли. Л. 81–88.

⁴⁷ Ликург — древнегреческий законодатель. С его именем связывают наделение греков равными участками земли, разработку системы общественного воспитания, борьбу со стремлением к наживе и роскоши.

⁴⁸ Солон — знаменитый афинский реформатор и законодатель, один из «семи мудрецов», элегический поэт. Он был врагом несправедливости. Ему приписывают борьбу с долговым рабством.

⁴⁹ *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка... Т. 2. С. 130.

⁵⁰ Полное собрание законов. Собр. 1. Т. 30. № 23317. С. 654.

⁵¹ Архив братьев Тургеневых. 1921. Т. 3. С. 250.

⁵² РГИА. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 8. Л. 191об.

⁵³ *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка... Т. 2. С. 121–122.

⁵⁴ РГИА. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 8. Л. 193–193об.

⁵⁵ Там же. Л. 192–192об.

⁵⁶ *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка... Т. 2. С. 123.

⁵⁷ *Долгих А.Н.* 1984. С. 70.

⁵⁸ *Лунарева Н.Н.* 2009. С. 75–81.

⁵⁹ РГИА. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 8. Л. 198.

⁶⁰ Там же. Л. 198об.

⁶¹ *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка... Т. 2. С. 131.

⁶² Цит. по: *Боленко К.Г., Лямина Е.Э.* 2005. С. 121.

⁶³ РГИА. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 8. Л. 200.

⁶⁴ Там же. Л. 200об.

⁶⁵ *Мещерякова А.О.* 2017. С. 61–67.

⁶⁶ *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка... Т. 2. С. 132.

⁶⁷ Юрьев день – 26 ноября. В XI–XVII вв. русские крестьяне имели право на переход от одного помещика к другому в период времени, ограниченный неделей до Юрьева дня и неделей после него.

⁶⁸ РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 10. Объяснение Комиссии законов по журналу Департамента законов. Л. 93–123.

⁶⁹ *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка... Т. 2. С. 133.

⁷⁰ *Семевский В.И.* 1884. С. 184.

⁷¹ *Предтеченский А.В.* 1957. С. 353.

⁷² *Долгих А.Н.* 1984. С. 71.

⁷³ Кампенгаузен Балтазар Балтазарович, барон (1772–1823) — государственный деятель, окончил Геттингенский университет. При Александре I он был директором медицинского департамента Министерства внутренних дел, градоначальником в Таганроге (1805–1809), государственным казначеем, государственным контролером, входил в окружение М.М. Сперанского. В июле 1823 г. Кампенгаузен назначен министром внутренних дел, а спустя пару месяцев он умер, выпав из кареты. Ему приписывали высокую честность и трудолюбие.

⁷⁴ РГИА. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 8. Л. 215об.

⁷⁵ Там же. Л. 222об.

⁷⁶ Шишков А.С. 1865. Стб. 1349.

⁷⁷ Там же. Стб. 1343.

⁷⁸ РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

⁷⁹ Главное правление училищ было учреждено в 1802 г. в качестве ключевого подразделения Министерства народного просвещения.

⁸⁰ Матвеева М.В. 2004. С. 114.

⁸¹ Азизова Е.Н. 2014. С. 34.

⁸² Пустарнаков В.Ф. 2003. С. 109.

⁸³ Рождественский С.В. 1902. С. 116.

⁸⁴ Минаков А.Ю. 2018. С. 150.

⁸⁵ Сухомлинов М.И. 1889. С. 178.

⁸⁶ РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 87. Л. 1.

⁸⁷ Корнилов А.А. 1905. С. 4.

⁸⁸ Назаренко Е.Ю. 2014. С. 129.

⁸⁹ Минаков А.Ю. 2007. С. 153.

⁹⁰ Минаков А.Ю. 2001. С. 58–92.

⁹¹ Скабичевский А.М. 1892. С. 136.

⁹² Минаков А.Ю. 2005в. С. 283.

⁹³ Панаев В.И. 1867. Т. 4. С. 77.

⁹⁴ Азизова Е.Н. 2014. 163 с.

⁹⁵ Куницын А.П. 1818. С. 21.

⁹⁶ Корнилов А.А. 1905. С. 25.

⁹⁷ Балугьянский Михаил Андреевич (1769–1847) пользовался большим авторитетом в научной, преподавательской и политической сферах общества. Он был карпатороссом, выпускником юридического факультета Венского университета (1789 г.), доктором права и профессором Пештского университета. После приглашения в Россию (1803 г.) М.А. Балугьянский являлся профессором политической экономии Петербургского педагогического института, а затем Петербургского университета; первым ректором Петербургского университета (1819–1821). В 1813–1817 гг. он обучал юриспруденции великих князей Николая и Михаила Павловичей. В качестве одного из руководителей Комиссии составления законов, а впоследствии — начальника Второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии М.А. Балугьянский вел работу по кодификации российского права.

⁹⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 44. Копия отношения Д.П. Рунича от 7 сентября 1821 г. министру народного просвещения кн. А.Н. Голицыну о препровождении студенческих лекций с изложением своих соображений. Л. 8об.–9.

⁹⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 44. Ходатайство Д.П. Рунича от 6 октября 1821 г. министру народного просвещения кн. А.Н. Голицыну об уволь-

нении ректора профессора Балугьянского с характеристикой последнего. Л. 17.

¹⁰⁰ Азизова Е.Н. 2014. С. 74.

¹⁰¹ Сухомлинов М.И. 1889. С. 263–265.

¹⁰² Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т. 2. С. 141.

¹⁰³ Стоюнин В.Я. 1880. Ч. 1. С. 280.

¹⁰⁴ Шишков А.С. 1865. Стб. 1353–1356.

¹⁰⁵ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т. 2. С. 142.

¹⁰⁶ Там же. С. 144.

¹⁰⁷ Шишков А.С. 1865. Стб. 1357.

Глава IV

¹ Назаренко Е.Ю. 2014. С. 90.

² Минаков А.Ю. 2010г. С. 186–189.

³ Кондаков Ю.Е. 2000. С. 63.

⁴ Кондаков Ю.Е. 2003. С. 218–221.

⁵ Минаков А.Ю. 2014б. С. 18.

⁶ РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 124. Л. 1.

⁷ Знаменский П.В. 1885. С. 7.

⁸ Чистович И.А. 1894. С. 153.

⁹ Шишков А.С. 1896а. С. 578.

¹⁰ Жмакин В.Н. 1882. С. 755.

¹¹ В 1792 г. известный масон Н.И. Новиков был арестован и заключен в Шлиссельбургскую крепость, где пробыл до 1796 г. Его типографии и книжные магазины были закрыты, «сообщники» Н.Н. Трубецкой и И.П. Тургенев были высланы в деревни, а И.В. Лопухин оставлен под надзором в Москве «ради престарелого отца».

¹² Лабзин Александр Федорович (1766–1825) — религиозный просветитель, масон (с 1783 г.), ученик Н.И. Новикова; основатель петербургской ложи «Умиряющий Сфинкс» (1800–1822); издатель журнала «Сионский вестник»; вице-президент Академии художеств (с 1818 г.).

¹³ Невзоров Максим Иванович (1762 (или 1763) – 1827) — поэт, публицист, масон-розенкрейцер. Получил литературную известность как издатель и составитель журнала «Друг юношества» (1807–1815). Выступал ярким противником энциклопедистов.

¹⁴ Подробнее об этом см.: Минаков А.Ю. 2014б. С. 21.

¹⁵ См. подробнее об этом: Мещерякова А.О. 2007. С. 144–148.

¹⁶ Минаков А.Ю. 2014б. С. 19.

¹⁷ Новиков Николай Иванович (1744–1818) — журналист, издатель, общественный деятель, собиратель древностей, масон, одна из крупнейших фигур эпохи Просвещения в России.

¹⁸ Тургенев Иван Петрович (1752–1807) — друг и сотрудник Н.И. Новикова; масон, член ложи «Гармония»; основатель ложи «Золотого Венца» в Симбирске (1784); переводчик и писатель; отец знаменитых братьев Тургеневых: Андрея, Александра и Николая; в 1796–1803 гг. являлся директором Московского университета.

¹⁹ Лопухин Иван Владимирович (1756–1816) — мистик и масон, участник новиковского кружка, управитель ложи «Блистающей звезды» (с 1784 г.). В 1790 г. он написал в защиту русских масонов «Нравоучительный катехизис истинных франкмасонов», где показывал отсутствие у них политических стремлений. Лопухин помогал бедным, устраивал школы, открывал типографии в Москве. При Павле I он стал сначала статс-секретарем императора, а затем — сенатором. В 1812 г. И.В. Лопухин занимался организацией земского войска и ополчения.

²⁰ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т. 2. С. 269.

²¹ РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 36. Л. 15.

²² Чистович И.А. 1899. С. 53.

²³ Чистович И.А. 1894. С. 159.

²⁴ Пытин А.Н. 1868. С. 708.

²⁵ Кондаков Ю.Е. 2000. С. 61–62.

²⁶ Знаменский П.В. 1885. С. 40.

²⁷ Стурдза А.С. 1876. С. 278.

²⁸ РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

²⁹ Панаев В.И. 1867. Т. 4. С. 89.

³⁰ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т. 2. С. 196, 201.

³¹ Там же. С. 196.

³² Там же. С. 190.

³³ Кондаков Е.Ю. 1998. С. 147.

³⁴ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т. 2. С. 194.

³⁵ Там же. 203.

³⁶ Там же. С. 202.

³⁷ Минаков А.Ю. 2009б. С. 14.

³⁸ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т. 2. С. 193.

³⁹ Подробнее об этом см.: Федоров В.А. 1988. С. 13–25.

⁴⁰ Цит. по: Щербаков А.Ю. 2005. С. 277.

⁴¹ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т. 2. С. 170.

⁴² Там же. С. 190.

⁴³ Муравьев-Апостол И.М. 1859. С. 37–42.

⁴⁴ *Сумароков П.И.* 1859. С. 43–48.

⁴⁵ *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка... Т. 2. С. 243–247.

⁴⁶ Там же. С. 228.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 222.

⁵¹ *Стоюнин В.Я.* 1880. Ч. 1. С. 304.

⁵² *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка... Т. 2. С. 235.

⁵³ *Пытин А.Н.* 1868. С. 717.

⁵⁴ *Кондаков Ю.Е.* 2000. С. 54.

⁵⁵ *Знаменский П.В.* 1885. С. 67.

⁵⁶ Записка о крамолах... Стб. 1329–1391.

⁵⁷ Там же. Стб. 1334.

⁵⁸ Там же. Стб. 1347.

⁵⁹ Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов) (1782–1868) пользовался огромной популярностью как проповедник. С 1816 г. он деятельно работал над переводом на русский язык книг Священного Писания. В 1823 г. по поручению Святейшего синода написал катехизис. 22 августа 1826 г. Филарету был пожалован сан митрополита. В 1858 г. по его инициативе дано распоряжение о переводе книг Священного Писания на русский язык, который был закончен в 1868 г. уже после его смерти. Кроме того, митрополит Филарет составил манифест 19 февраля 1861 г. об освобождении крестьян. В 1994 г. он был причислен к лику святых Архиерейским собором Русской православной церкви.

⁶⁰ *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка... Т. 2. С. 216.

⁶¹ *Бежанидзе Г.В.* 2013. С. 13.

⁶² См. об этом: Минаков А.Ю. 2011б. С. 280.

⁶³ *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка... Т. 2. С. 207–208.

⁶⁴ *Шишков А.С.* 1825в. С. 40.

⁶⁵ *Кочубинский А.А.* 1887–1888. С. 15.

⁶⁶ *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка... Т. 2. С. 215.

⁶⁷ Там же. С. 205, 215.

⁶⁸ *Скабичевский А.М.* 1892. С. 209.

⁶⁹ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. 1866. 18 июля 1828 г. О распоряжениях по Санкт-Петербургскому университету Благородному пансиону. Стб. 522–524.

⁷⁰ *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка... Т. 2. С. 175.

- ⁷¹ РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 1. Л. 8об.–9; Сборник постановлений и распоряжений по цензуре... С. 121–122.
- ⁷² РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 124. Л. 1об.
- ⁷³ Скабичевский А.М. 1892. С. 208.
- ⁷⁴ Шишков А.С. 1896а. С. 579.
- ⁷⁵ Шмид Е.К. 1878. С. 219.
- ⁷⁶ ОР РНБ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 4. Л. 18.
- ⁷⁷ Федоров В.А. 1988. С. 242.
- ⁷⁸ Там же. С. 248.
- ⁷⁹ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т. 2. С. 281–284.
- ⁸⁰ Егерева Т.А. 2014. С. 117.
- ⁸¹ Каптерев П.Ф. 1915. С. 174.
- ⁸² Князьков С.А., Сербов Н.И. 1910. С. 66.
- ⁸³ Шмид Е.К. 1878.
- ⁸⁴ Милюков П.Н. 1897. С. 296–298.
- ⁸⁵ Сухомлинов М.И. 1889. С. 61.
- ⁸⁶ Голованова В.Ф. 2014. С. 54.
- ⁸⁷ Князьков С.А., Сербов Н.И. 1910. С. 180–181.
- ⁸⁸ Минаков А.Ю. 2016. С. 184.
- ⁸⁹ Минаков А.Ю. 2010д. С. 36–49.
- ⁹⁰ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 14 августа 1824 г. О мерах, принятых по учебным округам по частям учебной и училищного надзора. Стб. 1778–1780.
- ⁹¹ Шмид Е.К. 1878. С. 169.
- ⁹² Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 11 сентября 1824 г. Речь министра народного просвещения по случаю собрания Главного правления училищ к предварительному совещанию по делам министерства. Стб. 529.
- ⁹³ РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–2.
- ⁹⁴ Там же. Л. 5–6.
- ⁹⁵ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 24 февраля 1826 г. Об усилении преподавания русского языка в училищах Дерптского учебного округа. Стб. 581.
- ⁹⁶ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 1. 14 февраля 1827 г. Об учреждении в Симферополе училищного отделения для образования татарских учителей. Стб. 47–50.
- ⁹⁷ Бобровский П.О. 1890. С. 127.
- ⁹⁸ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 5 августа 1824 г. О производстве дел по Виленскому учебному округу на русском языке. Стб. 524–525.

⁹⁹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 7 июня 1824 г. По делу об учреждении в Белоруссии училищ вместо иезуитских коллегий. Стб. 1765–1773.

¹⁰⁰ Там же. Т. 1. 31 октября 1824 г. О новом распределении губерний по учебным округам. Стб. 1788–1789.

¹⁰¹ *Бобровский П.О.* 1890. С. 359.

¹⁰² Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 28 июля 1825 г. Предложение генерал-майору Писареву по поводу назначения его попечителем Московского учебного округа. Стб. 555.

¹⁰³ РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 124. Л. 5об.

¹⁰⁴ Записки, издаваемые от Департамента ... Кн. 1. О необходимости обучаться отечественному языку и нечто о обучении языкам иностранным. С. 320–330.

¹⁰⁵ РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 124. Л. 6.

¹⁰⁶ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1 мая 1825 г. По вопросу о том, нужно ли основательное знание древних языков для оканчивающих курс студентов, не посвящающих себя учебной службе. Стб. 553.

¹⁰⁷ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 15 мая 1826 г. О введении в Санкт-Петербургском высшем училище преподавания греческого языка. Стб. 586.

¹⁰⁸ Там же. Т. 1. 5 ноября 1827 г. Об отмене преподавания греческого языка в Санкт-Петербургском высшем училище и Университетском благородном пансионе. Стб. 620.

¹⁰⁹ РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

¹¹⁰ Там же. Д. 124. Л. 3.

¹¹¹ *Петров Ф.А.* 2000. С. 15.

¹¹² РГИА. Ф. 737. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–17об.

¹¹³ *Петров Ф.А.* 2000. С. 35.

¹¹⁴ *Матулис Т.Н., Завгородняя О.И.* 2004. С. 132.

¹¹⁵ *Шмид Е.К.* 1878. С. 294.

¹¹⁶ Полное собрание законов... Собр. 2. Т. 1. № 498. Высочайше утвержденный доклад министра народного просвещения «Об определении ректоров Виленского университета по назначению правительства». С. 318.

¹¹⁷ *Рождественский С.В.* 1902. С. 180.

¹¹⁸ *Шмид Е.К.* 1878. С. 229.

¹¹⁹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 1. 19 августа 1827 г. О порядке допущения в высшие учебные

заведения к слушанию лекций и в низшие училища к обучению людей свободных состояний и помещичьих, и о распространении надзора Министерства народного просвещения на все училища, кроме военных и духовных. Стб. 71.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Шмид Е.К. 1878. С. 268.

¹²² Пушкин А.С. 1951. Т. 7. С. 42.

¹²³ Там же. С. 44–45.

¹²⁴ Каптерев П.Ф. 1915. С. 324.

¹²⁵ Полное собрание законов. Собр. 2. Т. 3. № 2502. Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: Санкт-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского» от 8 декабря 1828 г. С. 1097–1127.

¹²⁶ Там же. С. 1112.

¹²⁷ РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 6. Л. 4об.

¹²⁸ Там же. Л. 38–45, 54.

¹²⁹ Там же. Л. 59–69об.

¹³⁰ Богданович М.И. 1871. Т. 6. С. 395.

¹³¹ Стоюнин В.Я. 1880. Ч. 1. С. 339.

¹³² Панаев В.И. 1867. Т. 4. С. 107.

¹³³ РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 124. Л. 52.

¹³⁴ Петров Ф.А. 2000. С. 60.

¹³⁵ РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 207. Л. 22.

¹³⁶ Петров Ф.А. 2000. С. 61.

¹³⁷ РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 124. Л. 6.

¹³⁸ Рождественский С.В. 1902. С. 168.

¹³⁹ Пытин А.Н. 1868. № 11. С. 224.

¹⁴⁰ Бируков Александр Степанович (1772–1844), статский советник, начальник отделения Департамента народного просвещения, со 2 апреля 1821 г. по 2 октября 1826 г. был цензором Санкт-Петербургского цензурного комитета. Красовский Александр Иванович (1776–1857) — цензор, председатель комитета иностранной цензуры. Имена А.С. Бирукова и А.И. Красовского употреблялись как нарицательные для обозначения глупого и придиричвого исполнителя. Оба были постоянными объектами эпиграмм и насмешек.

¹⁴¹ Пушкин А.С. 1951. С. 91.

¹⁴² Языков Н.М. 1913. С. 135.

¹⁴³ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т. 2. С. 167–169.

¹⁴⁴ ОР РНБ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 4. Л. 19.

¹⁴⁵ Скабичевский А.М. 1892. С. 211–212.

¹⁴⁶ Булгарин Фаддей Венедиктович (1789–1859) — журналист и писатель. В эпоху Николая I имел славу льстеца власти и доносчика.

¹⁴⁷ Булгарин Ф.В. 1998а. С. 45–55.

¹⁴⁸ Шишков А.С. 1904. С. 201–211.

¹⁴⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 557. Л. 104–115.

¹⁵⁰ Там же. Л. 124об.

¹⁵¹ Там же. Л. 124–127об.

¹⁵² Мецержакова А.О. 2015б. С. 132–143.

¹⁵³ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре... Доклад Его Императорскому Величеству от министра народного просвещения. С. 128.

¹⁵⁴ Там же. Устав о цензуре 1826 г. С. 129.

¹⁵⁵ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре... С. 130.

¹⁵⁶ Там же. С. 164–171.

¹⁵⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 557. Л. 56–56об.

¹⁵⁸ Минаков А.Ю. 2010б. С. 10.

¹⁵⁹ Кондаков Ю.Е. 2005. С. 130.

¹⁶⁰ Минаков А.Ю. 2021. С. 105.

¹⁶¹ Шильдер Н.К. 1903. Т. 2. С. 35.

¹⁶² Одоевский В.Ф. 1874. Стб. 12.

¹⁶³ Языков Н.М. 1913. С. 263.

¹⁶⁴ Булгарин Ф.В. 1998в. С. 90.

¹⁶⁵ Полусмак Т.Л. 2003. С. 53.

¹⁶⁶ РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 40. Л. 1.

¹⁶⁷ Там же. Л. 1об.

¹⁶⁸ Булгарин Ф.В. 1998в. С. 89–90.

¹⁶⁹ ОР ИРЛИ. Ф. 636. Оп. 2. Д. 3. Л. 1.

¹⁷⁰ РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

¹⁷¹ Файнштейн М.Ш. 1998. С. 65–73.

¹⁷² Файнштейн М.Ш. 2002. С. 147.

¹⁷³ Будители — деятели чешского национального движения конца XVIII — первой половины XIX в., которые вели борьбу за возрождение чешского языка, литературы, науки и культуры, пришедших в упадок вследствие политики германизации, проводимой Габсбургами, и национального гнета.

¹⁷⁴ Благодаря деятельности «отца» славистики Й. Добровского, его учеников, сподвижников и последователей, включая Й. Юнгмана, А. Марека, А.Я. Пухмайра, В. Ганки, П.Й. Шафарика, Ф.Л. Челаковского, Я. Коллара, в славянских землях получил распространение культ России и русского языка. «Русоманы» не жалели последних денег на покупку русских книг, бывших редкостью в Австрийской империи.

- ¹⁷⁵ Чуркина И.В. 2017. С. 133.
¹⁷⁶ Цит. по: Боленко К.Г., Лямина Е.Э. 2005. С. 122.
¹⁷⁷ Пржецлавский О.А. 1875. С. 396–401.
¹⁷⁸ Стоюнин В.Я. 1880. Ч. 1. С. 360.
¹⁷⁹ ОР РНБ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 4. Л. 10–11.
¹⁸⁰ Там же. Л. 13.
¹⁸¹ Там же. Л. 12.
¹⁸² Стоюнин В.Я. 1880. Ч. 1. С. 360.
¹⁸³ Аксаков С.Т. 1909. Т. 2. С. 225.
¹⁸⁴ Там же.

Заключение

- ¹ Шишков А.С. Ответ на письмо... С. 253.
² Мещерякова А.О. 2015а. С. 71–79.
³ Мещерякова А.О. 2007. С. 80.
⁴ Лупарева Н.Н. 2012. С. 77; 2015а. С. 42–66; 2015б. С. 61–116; 2017. С. 280.
⁵ Лупарева Н.Н. 2016. С. 63–70.
⁶ Минаков А.Ю. 2009б. С. 15.
⁷ Шевырев С.П. 2017. С. 102–103.
⁸ Данилевский Н.Я. 1871. С. 107.
⁹ Погодин М.П. 2010. С. 197.
¹⁰ Минаков А.Ю. 2021. С. 74.
¹¹ Назаренко Е.Ю. 2017. С. 134–148.
¹² Минаков А.Ю. 2014б. С. 15.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

Архивные материалы

*Российский государственный исторический архив,
г. Санкт-Петербург (РГИА)*

Записка Шишкова А.С. о его службе с 1767–1828 гг., составленная по случаю его представления к «Знаку отличия беспорочной службы» (копия), март 1828 г. // РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 2. 2 л.

Записка Шишкова А.С. о немецких университетах // РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 87. 1 л.

Записка Шишкова А.С. о несправедливом отобрании в казну части его земель в Тверской губернии по решению Межевой канцелярии 1824 // РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 7. 7 л.

Мнение министра народного просвещения А.С. Шишкова о вреде образования, высказанное при обсуждении цензурного устава 1826 г. (список с пометкой Шишкова А.С.), 1826 г. // РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 40. 1 л.

О бумагах, препровождаемых в Департамент Иностранных Исповеданий и разные места ведомства, 14 января 1827 г. — 29 ноября 1829 г. // РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 231. 54 л.

О дозволении напечатать и продать конфискованную в 1819 г. книгу «Беседа на гробе младенца о бессмертии души», 17 ноября 1824 г. — 6 октября 1824 г. // РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 1. 37 л.

О доставлении в канцелярию Министерства народного просвещения сведений о закрытии масонских лож и о распоряжениях по высочайшему рескрипту на имя управляющего Министерством Внутренних Дел, последовавшего 26 апреля 1826 г., 10 февраля 1825 г. — 26 октября 1827 г. // РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 36. 194 л.

О доставлении из Департамента Народного Просвещения сведений о главнейших распоряжениях, касающихся благоустройства учебных заведений, состоящих под ведомством министра народного просвещения со времен вступления его в это звание. Докладные записки императору, 30 ноября 1825 г. — 3 января 1826 г. // РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 124. 57 л.

О запрещении продажи крестьян порознь и без земли, 28 января 1820 г. — 24 июля 1829 г. // РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. 1820 г. Д. 10. 401 л.

О книгах, относящихся к вере и изданных без синодского разрешения, 20 апреля 1825 г. — 5 мая 1830 г. // РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 76. 122 л.

О непечатании в ведомостях отчетов Библейского общества за 1824 г., 16 апреля 1825 г. — 25 апреля 1825 г. // РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 75. 15 л.

О собрании главного правления училищ 11 декабря 1824 г., 9 декабря 1824 г. — 9 ноября 1825 г. // РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 3. 21 л.

О составлении устава о цензуре, 5 января 1826 г. — 4 января 1828 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 557. 179 л.

Об учреждении Комитета по устройству учебных заведений и о закрытии Комитета о составлении проекта устава, 14 мая 1826 г. // РГИА. Ф. 737. Оп. 1. Д. 1. 75 л.

Об учреждении при главном правлении училищ комитетов для обозрения порядка управления учебных заведений и для устройства осмотра их, 11 декабря 1824 г. — 6 апреля 1826 г. // РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 6. 137 л.

По делу о непродаже дворовых людей и крестьян порознь и без земли. С приложением мнений членов Государственного совета: графа Литты, барона Кампенгаузена, адмирала Мордвинова, генерала от инфантерии князя Лобанова-Ростовского, 29 ноября 1820 г. // РГИА. Ф. 1160. Оп. 1. 1820 г. Д. 8. Л. 179–233.

По отношению управляющего делами Комитета министров о представлении императору через Комитет министров отчета за 1826 г. по Министерству народного просвещения и Главному управлению. Здесь же об отчете за 1827 г., 5 октября 1826 г. — 7 марта 1827 г. // РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 207. 96 л.

Прошение адмирала Шишкова А.С. в Капитул императорских и царских орденов о выплате денег (со сведениями о жаловании Шишкова А.С. по разным должностям), 5 мая 1836 г. // РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 3. 3 л.

Рескрипты, грамоты и письма Екатерины II, Павла I, Александра I, Николая I и лиц царствующей фамилии к А.С. Шишкову (с приложением описи рескриптов и грамот на имя Шишкова с 1698 по 1934 г.) (копии), 1786–1836 гг. // РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 1. 90 л.

*Отдел рукописей Российской национальной библиотеки,
г. Санкт-Петербург (ОР РНБ)*

Официальные письма гр. Михаилу Юрьевичу Виельгорскому с назначением его директором Училища взаимного обучения для бедных русских мальчиков и по вопросам, связанным с его службой в этой должности. Петербург, сентябрь–ноябрь 1827 г. // ОР РНБ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 114. 8 л.

«Разные записки» (Письма А.С. Шишкова к Е.Р. Дашковой и М.М. Хераскову, разбор его «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина, «Рассмотрение псалмов, предложенных Ломоносовым», «Ответ на критику в журнале так называемом “Сын отечества”» и др.), 1805–1822 гг. // ОР РНБ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 3. 114 л.

«Разные записки» («Стихи к лику Ломоносова», «Стихи к самому себе» и др., «Достопамятные сказания об императрице Екатерине Великой», текст письма А.Д. к А.С. Шишкову, выписки из книг и проч.), 1820-е–1830-е гг. // ОР РНБ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 4. 57 л.

Родословная Шишковых (на бум. с инициалами «Д.К.»), 2-я пол. XIX в. // ОР РНБ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 1. 2 л.

*Отдел письменных источников Государственного исторического музея,
г. Москва (ОПИ ГИМ)*

Дела, касающиеся Российской академии наук, крайняя дата 1820 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 3. 46 л.

«Домашние мои записки» кн. I, крайняя дата 1818 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 1. 46 л.

«Домашние мои записки» кн. II. Содержит «Мнения о цензуре» и «Примечания на I главу гражданского уложения», крайняя дата 1819 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 2. 46 л.

Завещательное письмо и ответы на него разных лиц, крайняя дата 1840 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 14. 19 л.

Записки о назначении государственным секретарем, крайняя дата 1823 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 6. 46 л.

Краткие записки второго путешествия моего в звании гос. секретаря, крайняя дата 1823 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 7. 46 л.

Краткие записки второго путешествия моего в звании гос. секретаря. Б/д. // ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 8. 49 л.

Материалы С.С. Уварова, связанные с его деятельностью по Петербургскому учебному округу и Министерству народного просвещения, преимущественно об университетах, 1821–1839 // ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 44. 188 л.

Мнения по разным делам в Комитете министров, крайняя дата 1822 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 4. 46 л.

Мнения по разным делам в Комитете министров, крайняя дата 1822 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 5. 46 л.

«Остальная половина моей жизни». «Записки», крайняя дата 1828 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 9. 69 л.

«Остальная половина моей жизни». «Записки», крайняя дата 1828 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 10. 68 л.

«Остальная половина моей жизни». «Записки». Б/д. // ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 11. 68 л.

«Остальная половина моей жизни». «Записки». Б/д. // ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 12. 68 л.

«Остальная половина моей жизни» оконч. и ст. «О библейских обществах». Б/д. // ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 13. 66 л.

*Отдел рукописей Российской государственной библиотеки,
г. Москва (ОР РГБ)*

Записки Александра Семеновича Шишкова. Рукопись: автограф. Продолжение записок [Б.м.], 1824–1826 // ОР РГБ. Ф. 92. № 102. 74 л.

Мнение по делу о профессорах [Рукопись]: записка: [список, современный документу] / Шишков А.С. [Б. м.], 1822 февраля 14 // ОР РГБ. Ф. 178.1. К.11128. Ед. 11. 4 л.

Письма Александра Семеновича Шишкова 1813–1827 гг. рукопись: список рукою Шишкова А.С. Письма ко мне от разных лиц и мои на некоторые из них ответы. Книжка вторая. Продолжение писем моих к жене во время похода. 1813–1827 гг. [Б.м.], не ранее 1827 г. // ОР РГБ. Ф. 92. № 103. П. 92 л.

Поздравительные стихи Главнокомандующему в Москве Александру Андреевичу Беклешову на Новый 1806 год [Рукопись]: сатирическое стихотворение: [писарской список, современное стихотворению] / Шишков А.С. [Б. м.], [1806] // ОР РГБ. Ф. 178.1. К.11128. Ед. 12. 6 [1 ч.] л.

*Рукописный отдел Института русской литературы
Российской академии наук, г. Санкт-Петербург (РО ИРЛИ)*

Докладная записка императору Николаю I об учреждении Верховного цензурного комитета, 24 ноября 1827 г. // РО ИРЛИ. Ф. 636. Оп. 3. Д. 2. 2 л.

Николай I. Письма (2) его к Шишкову А.С., 14 марта 1834 г., 6 декабря 1840 г. // РО ИРЛИ. Ф. 636. Оп. 2. Д. 9. 2 л.

«О Верховном цензурном комитете». Б/д. // РО ИРЛИ. Ф. 636. Оп. 3. Д. 5. 4 л.

Павел I. Письмо к Шишкову А.С., 6 марта 1798 г. // РО ИРЛИ. Ф. 636. Оп. 2. Д. 10. 2 л.

Письмо к Бенкендорфу Александру Христофоровичу, 30 ноября 1827 г. // РО ИРЛИ. Ф. 636. Оп. 2. Д. 1. 2 л.

Письмо к Голенищеву-Кутузову Логину Ивановичу, 2 июня 1820 г. // РО ИРЛИ. Ф. 636. Оп. 2. Д. 2. 1 л.

Последние мои всеподданнейшие просьбы (черновик обращения его к Николаю I). Б/д. // РО ИРЛИ. Ф. 636. Оп. 2. Д. 3. 2 л.

Сестренцевич Станислав, митрополит к Шишкову А.С., 29 августа 1825 г. // РО ИРЛИ. Ф. 636. Оп. 2. Д. 11. 1 л.

*Центральный государственный исторический архив
г. Санкт-Петербурга (ЦГИА)*

Вступление в управление Министерством адмирала А.С. Шишкова (24.05.1824–20.06.1824) // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 382. 1 л.

О вступлении г. адмирала Александра Семеновича Шишкова в управление Министерством народного просвещения (24.05.1824–20.06.1824) // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 936. 2 л.

С приложением Указа об увольнении адмирала Шишкова от должности министра народного просвещения и главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий и о прочее (1828 г.) // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1459. 2 л.

Сборники

Арзамас и арзамасские протоколы / Вводн. ст., ред. протоколов и прим. к ним М.С. Боровковой-Майковой; предисл. Д. Благоего. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. 307 с.

«Арзамас». Сборник. В 2 кн. Кн. 1: Мемуарные свидетельства. Накануне «Арзамаса». Арзамасские документы / Под общ. ред. В.Э. Вацу-ро и А.Л. Осповата. М.: Худож. лит., 1994. 606 с.

Архив Государственного совета. Том 4: Царствование императора Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 г.). Журналы по делам Департамента законов. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е.и.вел. канцелярии, 1874. Ч. 1: Рассмотрение проектов уложений Гражданского, Уголовного и Торгового. 784 стб.; Ч. 2: Составление, рассмотрение и утверждение уставов, положений и статей по разным частям законодательства. 1030 стб.

Государственный совет 1801–1901. СПб.: Изд-во Гос. тип., 1901. 446 с.

Записки, издаваемые от Департамента народного просвещения. СПб.: Тип. Деп. народн. просвещения, 1825. Кн. 1. 451 с.; 1827. Кн. 2. 495 с.

Письма главнейших деятелей в царствование Императора Александра I / сост. Н.Ф. Дубровин. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1883. 564 с.

Полное собрание законов Российской Империи. СПб.: Тип. II Отд. Собств. е.и.вел. канцелярии, 1830. Собрание первое. Т. 19. 1770–1774 гг. 1083 с.; Т. 22. 1784–1788 гг. 1174 с.; Т. 24. 6 ноября 1796–1798 гг. 872 с.; Т. 26. 1800–1801 гг. 880 с.; Т. 28. 1804–1805. 1349 с.; Т. 30. 1808–1809 гг. 1408 с.; Т. 31. 1810–1811 гг. 941 с.; Собрание второе. 12 декабря 1825 — 28 февраля 1881 гг. Т. 1. 12 декабря 1825–1827 гг. 1527 с.; Т. 3. 1828 г. 1648 с.

Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной его императорского величества канцелярии / под ред. Н. Дубровина. СПб.: Гос. тип., 1891. Вып. 4. 493 с.

Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб.: Тип. Морск. мин-ва, 1862. 486 с.

Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1875. Т. 1: Царствование императора Александра I. 1802–1825. 1864 стб., 43 с., 44 стб.; Т. 2: Царствование императора Николая I. 1825–1855. Отд. 1: 1825–1839. 1576 стб., 69 с., 53 стб.

Восстание декабристов: документы М.: Наука, 1980. Т. 17: Дела Верховного уголовного суда и следственной комиссии. 294 с.

Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1: 1802–1834. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1866. 988 стб., 43 с., 32 стб.

Собрание высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, следовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб.: Морск. тип., 1816. 212 с.

Труды комиссии составления законов. 2-е изд. СПб.: Тип. Комиссии составления законов, 1822. Т. 1. 372 с.

Записки, письма, сочинения и переводы А.С. Шишкова

Шишков А. Трезязычный морской словарь на английском, французском и российском языках: в 3 ч. СПб.: Тип. Морск. шляхетного кадет. корпуса, 1795. 317 с.

Шишков А.С. Николашина похвала зимним утехам // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской академии Президента и разных ученых обществ члена: в 17 ч. СПб.: Тип. Имп. Рос. акад., 1818. Ч. 1. С. 143–144.

Шишков А.С. Разбитие русского военного корабля у берегов Швеции в 1771 году (Отрывок из жизни N...) // Отечественные записки. 1821, Декабрь. С. 289–323; 1822: Январь. С. 35–70; Февраль. С. 174–208.

Шишков А.С. Перевод двух статей из Лагарпа, с примечаниями переводчика // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской академии Президента и разных ученых обществ члена: в 17 ч. СПб.: Тип. Имп. Рос. акад., 1824а. Ч. 3. С. 247–388.

Шишков А.С. Прибавление к сочинению, называемому «Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка», или собрание критик, изданных на сию книгу, с примечаниями на оные // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской академии Президента и разных ученых обществ члена: в 17 ч. СПб.: Тип. Имп. Рос. акад., 1824б. Ч. 2. С. 357–466.

Шишков А.С. Разговоры о словесности между двумя лицами Аз и Буки // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской академии Президента и разных ученых обществ члена: в 17 ч. СПб.: Тип. Имп. Рос. акад., 1824в. Ч. 3. С. 1–246.

Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской академии Президента и разных ученых обществ члена: в 17 ч. СПб.: Тип. Имп. Рос. акад., 1824г. Ч. 2. С. 1–356.

Шишков А.С. Некоторые замечания на предполагаемое вновь сочинение Российского Словаря // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской академии Президента и разных ученых обществ члена: в 17 ч. СПб.: Тип. Имп. Рос. акад., 1825а. Ч. 5. С. 1–33.

Шишков А.С. Опыт рассуждения о первоначалии, единстве и разности языков, основанный на исследовании оных // *Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской академии Президента и разных ученых обществ члена: в 17 ч. СПб.: Тип. Имп. Рос. акад., 1825б. Ч. 5. С. 294–418.*

Шишков А.С. Рассуждение о красноречии Священного Писания и о том, в чем состоит богатство, обилие, красота и сила Российского языка и какими средствами оный еще более распространить, обогатить и усовершенствовать можно, читанное в годичное Российской императорской академии собрание, бывшее в 3-й день декабря 1810 г. // *Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской академии Президента и разных ученых обществ члена: в 17 ч. СПб.: Тип. Имп. Рос. акад., 1825в. Ч. 4. С. 1–107.*

Шишков А.С. Рассуждение о любви к Отечеству, читанное в 1812 году в Беседе любителей русского слова // *Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской академии Президента и разных ученых обществ члена: в 17 ч. СПб.: Тип. Имп. Рос. акад., 1825г. Ч. 4. С. 147–185.*

Шишков А.С. Речь при открытии «Беседы любителей русского слова» // *Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской академии Президента и разных ученых обществ члена: в 17 ч. СПб.: Тип. Имп. Рос. акад., 1825д. Ч. 4. С. 108–146.*

Шишков А.С. Военные действия российского флота против шведского в 1788, 89 и 90 годах, почерпнутые из дневных записок и донесений главноначальствовавшего над оным адмирала Чичагова / издал с примечаниями своими А.Ш. СПб.: Тип. Имп. Рос. акад., 1826а. 294 с.

Шишков А.С. Слово о походе Игора, сына Святославова, внука Ольгова // *Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской академии Президента и разных ученых обществ члена: в 17 ч. СПб.: Тип. Имп. Рос. акад., 1826б. Ч. 7. С. 1–150.*

Шишков А.С. Невольничество. Драма в одном действии // *Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской академии Президента и разных ученых обществ члена: в 17 ч. СПб.: Тип. Имп. Рос. акад., 1828а. Ч. 12. С. 1–32.*

Шишков А.С. Ответ на письмо господина Луки Говорова, напечатанное в «Вестнике Европы» № 8, апрель 1807 г. под заглавием «Письмо из города N.N. в столицу» // *Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской академии Президента и разных ученых обществ члена: в 17 ч. СПб.: Тип. Имп. Рос. акад., 1828б. Ч. 12. С. 236–261.*

Шишков А.С. Разбитие русского военного корабля у берегов Швеции в 1771 году (Отрывок их жизни N...) // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской академии Президента и разных ученых обществ члена: в 17 ч. СПб.: Тип. Имп. Рос. акад., 1828в. Ч. 12. С. 262–334.

Шишков А.С. Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти Государе Императоре Александре Первом в бывшую с Французами в 1812 и последующих годах войну. СПб.: Тип. Имп. Рос. акад., 1831а. 301 с.

Шишков А.С. Ода на победу, одержанную над шведским флотом под Ревелем 2 мая 1790 г. // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской академии Президента и разных ученых обществ члена: в 17 ч. СПб.: Тип. Имп. Рос. акад., 1831б. Ч. 14. С. 155–160.

Шишков А.С. Ода на покорение Польши // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской академии Президента и разных ученых обществ члена: в 17 ч. СПб.: Тип. Имп. Рос. акад., 1831в. Ч. 14. С. 143–154.

Шишков А.С. Песня. Старое и новое время. Перевод с французского // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской академии Президента и разных ученых обществ члена: в 17 ч. СПб.: Тип. Имп. Рос. акад., 1831г. Ч. 14. С. 133–138.

Шишков А.С. Стихи для начертания на гробнице Суворова // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской академии Президента и разных ученых обществ члена: в 17 ч. СПб.: Тип. Имп. Рос. акад., 1831д. Ч. 14. С. 160–164.

Шишков А.С. Стихи, сочиненные при восшествии на престол императора Александра I // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской академии Президента и разных ученых обществ члена: в 17 ч. СПб.: Тип. Имп. Рос. акад., 1831е. Ч. 14. С. 175–176.

Шишков А.С. Морской словарь, содержащий объяснение всех названий, употребляемых в морском искусстве / Соч. адм. А.С. Шишкова; доп. и изд. Учен. ком. Гл. морск. штаба Е. и. вел. СПб., 1832–1840. Ч. 1–5.

Шишков А.С. Записки адмирала А.С. Шишкова, веденные им во время путешествия его из Кронштадта в Константинополь. СПб.: Тип. Имп. Рос. акад., 1834. 117 с.

Шишков А.С. Два мнения адмирала А.С. Шишкова о рассматривании книг, или о цензуре, предоставленные правительству в 1815 и 1822 годах // Русский архив. 1865. № 10–11. Стб. 1339–1358.

Шишков А.С. Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова: в 2 т. / Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина. Берлин: Тип. И.С. Скрейшовского, 1870. Т. 1. 479 с.; Т. 2. 464 с.

Шишков А.С. Письмо А.С. Шишкова императору Александру I // Русская старина. 18946. Т. 82, № 10. С. 221–230.

Шишков А.С. Две всеподданнейшие записки А.С. Шишкова (О главнейших распоряжениях Министерства народного просвещения с июня 1824 года по январь 1826 года; О главнейших сношениях с римским двором и о некоторых распоряжениях по протестантским церквям в России с 1824 по 1826 год) // Русская старина. 1896а. Т. 87, № 9. С. 578–589.

Шишков А.С. Письма А.С. Шишкова графу Дмитрию Ивановичу Хвостову // Русская старина. 1896б. Т. 86, № 4. С. 33–38.

Шишков А.С. Русский путешественник прошлого века за границу. (Собственноручные письма А.С. Шишкова 1776 и 1777 гг.) // Русская старина. 1897. Т. 90, № 5. С. 409–423; № 6. С. 619–632; Т. 91, № 7. С. 197–224.

Шишков А.С. Собственноручное письмо А.С. Шишкова митрополиту Серафиму о молитвах, переложенных на простонародное наречие, 21 ноября 1824 г. // Русская старина. 1900. Т. 104, № 12. С. 610.

Шишков А.С. Мнение А.С. Шишкова о цензуре и книгопечатании в России 1826 года // Русская старина. 1904. Т. 119, № 7. С. 201–211.

Шишков А.С. Письма А.С. Шишкова к жене (1797–1798 гг.). Ч. 1 / Публ. Л.Н. Киселевой // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Новая серия. Тарту, 1994. Вып. 1. С. 215–241; 1996. Вып. 2. С. 258–297.

Шишков А.С. Избранные труды / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. В.С. Парсамов. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 720 с.

Ромм Ш. Морское искусство, или Главные начала и правила, учающие искусству строения, вооружения, правления и вождения кораблей: в 2 ч. / Пер. с фр. А.С. Шишкова. [СПб.] 1793–1795.

Труды современников А.С. Шишкова

Аксаков И.С. Возврат к народной жизни путем самосознания // Соч. И.С. Аксакова. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1891. Т. 2: Славянофильство и западничество 1860–1886. С. 3–10.

Аксаков С.Т. Воспоминание об Александре Семеновиче Шишкове // Собр. соч.: в 2 т. М.: Изд-во А.А. Карцева, 1909. Т. 2. С. 178–227.

Архив братьев Тургеневых. Вып. 1-й: Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806–1811 годы. Т. 1 / Под ред. и с прим.

Е.И. Тарасова. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1911. 512 с.; Вып. 5-й: Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816–1824 годы [Т. 3] / Под ред. и с прим. Е.И. Тарасова. Пг.: Акад. 12-я гос. тип., 1921. 528 с.

Батюшков К.Н. Сочинения. СПб.: Тип. (бывшая) Котомина, у Обуховского моста, № 93, 1886. Т. 3. 804 с.

Белинский В.Г. Письмо Н.В. Гоголю 3 июля 1847 г. // Избранные филос. соч. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1941. С. 467–474.

Белинский В.Г. Сто русских литераторов // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 5: Статьи и рецензии 1841–1844. С. 186–217.

Булгарин Ф.В. О цензуре в России и о книгопечатании вообще // Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение. М.: Новое лит. обозрение, 1998а. С. 45–55.

Булгарин Ф.В. Секретная газета [9 мая 1828] // Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение. М.: Новое лит. обозрение, 1998б. С. 272–277.

Булгарин Ф.В. [Толки о рассмотрении Цензурного устава] // Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение. М.: Новое лит. обозрение, 1998в. С. 89–91.

Вигель Ф.Ф. Записки Филиппа Филипповича Вигеля. Издание «Русского архива» (дополненное с подлинной рукописи). М.: Унив. тип., 1891. Ч. 1; 1892. Ч. 2–6; 1893. Ч. 7.

Вяземский П.А. Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского. В 12 томах. Т. 8: Старая записная книжка. СПб.: Изд. гр. С.Д. Шереметева, 1883. 524 с.

Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.: Книга, 1990. 396 с.

Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним / Предупреждение А.С. Шишкова. СПб.: Морск. тип., 1810. Ч. 1; 1812. Ч. 2.

Дашков Д.В. Перевод двух статей из Лагарпа с примечаниями переводчика // Цветник. 1810. Ч. 8, № 11. С. 256–303; № 12. С. 404–467.

Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти // Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век. М.: Правда, 1988. С. 420–456.

Жихарев С.П. Записки современника. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 835 с.

Записка о крамолах врагов России // Русский архив. 1868. № 9. Стб. 1329–1391.

Каменская М.Ф. Воспоминания / Подгот. текста, сост., вступ. ст. и коммент. В. Боковой. М.: Худож. лит., 1991. 383 с. (Серия: Забытая книга).

Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. 720 с.

Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. 127 с.

Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России. (Письмо к г. Е.Е. Комаровскому). М.: Тип. А. Семена, 1852. 68 с.

Куницын А.П. Право естественное. СПб.: Тип. Иос. Иоаннесова, 1818. Кн. 1. 135 с.

Кюхельбекер В.К. Дневник. Материалы к истории русской литературной и общественной жизни 10–40 годов XIX века / Предисл. Ю.Н. Тынянова; ред., введ. и прим. В.Н. Орлова и С.И. Хмельницкого. Л.: Изд-во «Прибой», 1929. 377 с.

Ломоносов М.В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Полн. собр. соч.: в 11 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 7: Труды по филологии. С. 585–592.

Мордвинов Н.С. Мнение адмирала Мордвинова о продаже людей без земли // Чтения в Имп. о-ве истории и древностей российских при Московском ун-те. М.: Унив. тип., 1859. Кн. 2. С. 1–5.

Муравьев-Апостол И.М. Мнение сенатора Муравьева-Апостола по делу д.с.с. Попова о цензуре // Чтения в Имп. о-ве истории и древностей российских при Московском ун-те. М.: Унив. тип., 1859. Кн. 4. С. 37–42.

Одоевский В.Ф. Из бумаг князя В.Ф. Одоевского. К истории русской цензуры // Русский архив. 1874. № 7. Стб. 11–30.

Панаев В.И. Воспоминания // Вестн. Европы. 1867. Т. 3. С. 193–270; Т. 4. С. 72–178.

Пржецлавский О.А. Воспоминания // Русская старина. 1874. Т. 11, № 11. С. 451–474; № 12. С. 665–688; 1875. Т. 13, № 7. С. 383–402.

Проект Гражданского уложения Российской империи, составленный в Комиссии законов. СПб.: Сенат. тип., 1809. Ч. 1. 174, IV с.

Пушкин А.С. Сочинения. В 6 т. Т. 1: Лирические стихотворения. СПб.: Издание Я.А. Исакова, 1859. 624 с.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 13: Переписка 1815–1827. 651 с.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 томах. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1951. Т. 2: Стихотворения 1820 (Юг) 1826. 1950. 464 с.; Т. 7: Критика и публицистика. 1951. 768 с.

Пушкин А.С. О народном воспитании // Собр. соч.: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1962. Т. 7: История Пугачева, Исторические статьи и материалы, Воспоминания и дневники. С. 355–359.

Пушкин В.Л. Послание к В.А. Жуковскому // Цветник. 1810. Ч. 8, № 12. С. 357–363.

Пушкин В.Л. К Д.В. Дашкову // Соч. СПб.: Изд. Е. Евдокимова, 1893. С. 72–73.

Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе // Ростопчин Ф.В. Мысли вслух на Красном крыльце. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2014. С. 204–286.

Сахаров И.П. Записки // Русский архив. 1873. Кн. 1. Стб. 960, 962.

Саблуков Н.А. Из записок Н.А. Саблукова // Русский архив. 1869. № 11. Стб. 1861–1951.

Свербеев Д.Н. Первая и последняя моя встреча с А.С. Шишковым (из записок Д.Н. Свербеева) // Русский архив. 1871. № 1. Стб. 162–182.

Сербинович К.С. Воспоминания // Русская старина. 1896. Т. 87, № 9. С. 573–577.

Сперанский М.М. План государственного преобразования графа М.М. Сперанского (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.). С прил. «Записки об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» (1803 г.), статей «О государственных установлениях», «О крепостных людях» и «Пермского письма к императору Александру». М.: Русская мысль, 1905. VI, 359 с.

Стурдза А.С. О судьбе православной церкви русской в царствование императора Александра I (из записок А.С. Стурдзы) / Сообщ. профессор Н.И. Варсов // Русская старина. 1876. Т. 15, № 2. С. 266–288.

Стурдза А.С. «Беседа любителей русского слова» и «Арзамас» в царствование Александра I и мои воспоминания // «Арзамас». Сборник. В 2 кн. М., 1994. Кн. 1: Мемуарные свидетельства. Накануне «Арзамаса». Арзамасские документы. С. 44.

Сумароков П.И. Мнение сенатора Сумарокова по делу д.с.с. Попова о цензуре // Чтения в Имп. о-ве истории и древностей российских при Московском ун-те. М.: Унив. тип., 1859. Кн. 4. С. 43–48.

Толстой Ф.П. Записки графа Ф.П. Толстого / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Е. Чекуновой, Е.Г. Гороховой. М.: Рос. гос. гуманитарный ун-т, 2001. 319 с.

Трощинский Д.П. Мнение министра юстиции Трощинского о проекте уложения. М.: Унив. тип., 1859. Отт. из «Чтения в Имп. о-ве истории и древностей рос. при Московском ун-те». Кн. 3. 24 с.

Хомяков А.С. Разговор в Подмосковной // Полн. собр. соч. М.: Унив. тип., 1900. Т. 3. С. 202–230.

Чичагов П.В. Архив адмирала П.В. Чичагова. СПб.: Тип. С. Добродеева, 1885. Вып. 1. 156 с.

Шевырев С.П. История русской словесности / Сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Русская цивилизация, 2017. 1088 с.

Языков Н.М. Письма Н.М. Языкова к родным за дерптский период его жизни 1822–1829 гг. // Языковский архив. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1913. Вып. 1. 343 с.

Языков Н.М. К ненашим // Соч. Л.: Худож. лит., 1982. С. 200–201.

ЛИТЕРАТУРА

Азизова Е.Н. Общественно-политическая деятельность Д.П. Рунича / Монография. Воронеж, 2014. 163 с.

Алтунян А.А. Власть и общество. Спор литератора и министра (опыт анализа политического текста) // Вопросы литературы. 1993. Вып. 1. С. 173–214.

Альшиуллер М.Г. А.С. Шишков о французской революции // Русская литература. 1991. № 1. С. 144–149.

Альшиуллер М.Г. Александр Семенович Шишков // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 19–92.

Альшиуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: у истоков русского славянофильства. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 448 с.

Бежанидзе Г.В. О взглядах адмирала А.С. Шишкова и святителя Филарета Московского на значение церковнославянского языка // Филаретовский альманах. 2013. Вып. 9. С. 7–15.

Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. 2-е изд. М.: Тип. А.А. Карцева, 1888. 584 с.

Берков П.Н. Сатирическая журналистика 1769–1774 гг. // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950. Т. 1. С. 45–81.

Бобровский П.О. Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I: историческое исследование по архивным документам. С приложением алфавитных указателей имен и предметов. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1890. 394 с.

Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб.: Тип. Ф. Сушинского, 1869–1871. 1869. Т. 1. 539 с.; Т. 2. 633 с.; Т. 3. 584 с.; Т. 4. 673 с.; 1871. Т. 5. 641 с.; Т. 6. 675 с.

Боленко К.Г. А.С. Шишков и П.А. Зубов: к истории одного назначения // «Цепь непрерывного предания...»: сб. памяти А.Г. Тартаковского. М.: РГГУ, 2004. С. 36–47.

Боленко К.Г., Лямина Е.Э. А.С. Шишков и «Комитет для издания собраний, касающихся до кораблестроения и прочего»: на пути к «Беседе любителей русского слова» и Российской академии // Россия и реформы. М., 1991. Вып. 3. С. 4–20.

Боленко К.Г., Лямина Е.Э. Из семейной переписки А.С. Шишкова // Пушкин и его современники: сб. науч. трудов. СПб., 2005. Вып. 4 (43). С. 63–163.

Боленко К.Г., Лямина Е.Э. «Классическое стихотвореньице». О детском стихотворении А.С. Шишкова «Николашина похвала зимним утехам» // Нов. лит. обозрение. 1994. № 6. С. 222–227.

Бочкарев В.Н. Консерваторы и националисты в России в начале XIX в. // Отечественная война 1812 г. и русское общество. 1812–1912. М., 1911. Т. 2. С. 194–220.

Бороздин А. Шишков Александр Семенович // Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Семеновская тип. (И.А. Ефрона), 1903. Т. 39А. Шенье Шуйский монастырь. С. 611–615.

Булич Н.Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения сначала XIX в. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1902. Т. 1. 381 с.

Вахмистрова С.И. Вклад генерал-фельдмаршала И.Л. Голенищева-Кутузова в развитие военно-морского образования в России (на примере Морского шляхетского кадетского корпуса) // Елагинские чтения. СПб., 2003. Вып. 1. С. 16–23.

Веселаго Ф.Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб.: Тип. Морск. кадет. корпуса, 1852. 366 с.

Вишленкова Е.А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2002. 439 с.

Галахов А.Д. История русской словесности, древней и новой. В 2 т. СПб.: Тип. Морск. м-ва, 1868. Т. 2: История новой словесности от Карамзина до Пушкина. 472 с.

Голованова В.Ф. Становление высшего образования в Российской империи в начале XIX века: правовой аспект // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2014. № 3 (2). С. 53–58.

Гребенищikov А.Е. Идейное содержание манифестов А.С. Шишкова 1812–1816 гг. // Новик. Воронеж, 2009. Вып. 14. С. 83–93.

Гребеничиков А.Е. Государственная и общественно-политическая деятельность А.С. Шишкова // Белгородский диалог 2010. Проблемы российской и всеобщей истории. Сб. науч. трудов междунар. науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов. Белгород, 2010. С. 161–165.

Гребеничиков А.Е. Взгляды адмирала А.С. Шишкова на крестьянский вопрос в России в первой четверти XIX века // Вестн. Воронежского гос. ун-та. 2015а. № 3. С. 67–70. (Серия: История. Политология. Социология).

Гребеничиков А.Е. Взгляды адмирала А.С. Шишкова на сословный вопрос в России // Науч. ведом. Белгородского гос. ун-а. 2015б. Т. 20, № 12 (152). С. 111–116. (Серия: Гуманитарные науки).

Гребеничиков А.Е. Православие во взглядах адмирала А.С. Шишкова // Вестн. Воронежского гос. ун-та. 2016. № 1. С. 38–41. (Серия: История. Политология. Социология).

Гребеничиков А.Е. Адмирал А.С. Шишков: предтеча славянофилов // Тетради по консерватизму. 2019. № 2. С. 137–146.

Грот Я.К. Труды Я.К. Грота. СПб.: Тип. М-ва путей сообщения, 1899. Т. 2: Филологические разыскания. С. 46–86.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1871. С. 107.

Долбилов М.Д., Минаков А.Ю. Рецензия на книгу «Русский консерватизм...» // Вопросы истории. 2002. № 3. С. 161–165. Рец. на кн.: Русский консерватизм в XIX столетии: идеология и практика / Под ред. В.Я. Гросула. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 440 с.

Долгих А.Н. Крестьянский вопрос в политике самодержавия в середине 10-х начале 30-х гг. XIX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. 231 с.

Егерева Т.А. Семейная жизнь русских консерваторов начала XIX века // Преподаватель XXI в. 2010. № 3. С. 241–244.

Егерева Т.А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII — первой четверти XIX в. М.: Новый хронограф, 2014. 416 с.

Жаринов Д.А. Первые впечатления от войны. Манифесты // Отечественная война и русское общество. М., 1911. Т. 3. С. 170–179.

Жмакин В.Н. Ересь есаула Котельникова // Христианское чтение. 1882. № 11–12. С. 739–795.

Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1968. 369 с.

Земскова Е.Е. О роли языка в построении национальной утопии: «онемечивание» Кампе и «корнесловие» Шишкова // Философский век:

альманах. 2000. Вып. 12: Российская утопия: от идеального государства к совершенному обществу. С. 86–98.

Земскова Е.Е. Русский патриотизм в немецком переводе: А.С. Шишков в воспоминаниях Э.М. Арндта // Труды Рус. антропологической шк. 2004. Т. 2. С. 89–97.

Знаменский П.В. Чтения из истории русской церкви за время царствования императора Александра I. Казань: Тип. Ун-та, 1885. 248 с.

Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII — первой трети XIX века. М.: Новое лит. обозрение, 2001. 416 с.

Зув Г.И. Историческая хроника Морского корпуса 1701–1925 гг. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 447 с.

Иванов О.А. Формирование консервативной программы Министерства народного просвещения // Консерватизм в России и мире. ВГУ, 2004. Ч. I. С. 218–226.

Камчатнов А.М. У истоков русского исторического словообразования: Александр Семенович Шишков // Вестн. Нижегород. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 530–534.

Камчатнов А.М. Русский древослов Александра Шишкова: Лингвистическое наследие А.С. Шишкова в научном и культурном контексте эпохи. СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с.

Каптерев П.Ф. История русской педагогики. Пг.: Тип. В. Безобразов и Ко, 1915. Изд. 2-е, пересм. и доп. 746 с.

Карпец В.И. Муж отечестволюбивый: историко-литературный очерк. М.: Молодая гвардия, 1987. 96 с.

Киселева Л.Н. Письма А.С. Шишкова к жене (1797–1798 гг.) // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1994. Ч. 1. С. 215–241.

Князьков С.А., Сербов Н.И. Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II / Под ред. проф. С.В. Рождественского. М.: Изд-во «Польза», В. Антик и Ко, 1910. 240 с.

Коломинов В.В., Файнштейн М.Ш. Храм муз словесных: из истории Российской Академии. 1783–1841. Л.: Наука, 1986. 151 с.

Комаров А.И. Журналистика и критика 1800–1810-х годов // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950. Т. 1. С. 155–176.

Кондаков Ю.Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). СПб.: Нестор, 1998. 224 с.

Кондаков Ю.Е. Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. СПб.: Рос. нац. б-ка, 2000. 312 с.

Кондаков Ю.Е. Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб.: Рос. нац. б-ка, 2003. 360 с.

Кондаков Ю.Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. 334 с.

Корнилов А.А. Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России. СПб.: Тип. «Общественной пользы», 1905. 473 с.

Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. СПб.: Издание Имп. Публ. б-ки, 1861. Т. 1. 283 с.

Корф М.А. Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1901. Т. 107, №. 7. С. 151–167; №. 8. С. 395–404.

Корф С.А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 годов. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1906. 720 с.

Костыря Л.П. Консерватизм в России на рубеже XVIII–XIX веков: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2000. 197 с.

Кочубинский А.А. Начальные годы русского славяноведения: адмирал Шишков и канцлер гр. Румянцев. Одесса: Тип. «Одес. вестн.», 1887–1888. 492 с.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб, 1994. 339 с.

Лотман Ю.М. Карамзин: Сотворение Карамзина. Статьи и исследования 1957–1990. Заметки и рецензии. СПб.: Искусство-СПб, 1997. 832 с.

Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб, 2002. С. 446–600.

Лупарева Н.Н. Проблема крепостного права в публицистике и исторических сочинениях С.Н. Глинки // Науч. вед. Белгородского гос. ун-та. 2009. № 1 (56). С. 75–81. (Серия: История. Политология).

Лупарева Н.Н. С.Н. Глинка в споре о «старом» и «новом» слоге русского языка в начале XIX столетия // Вестн. Воронежского гос. ун-та. 2010. № 2. С. 139–143. (Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация).

Лупарева Н.Н. «Отечестволюбец»: общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки. Воронеж: Новый взгляд, 2012. 216 с.

Лунарева Н.Н. «Забытый патриот 1812 года»: общественно-политическая деятельность Сергея Николаевича Глинки // Тетради по консерватизму. 2015а. № 1. С. 42–66.

Лунарева Н.Н. Опыт «Отечестволюбия» С.Н. Глинки // Тетради по консерватизму. 2015б. № 2. С. 61–116.

Лунарева Н.Н. История России как консервативный проект: Н.М. Карамзин и С.Н. Глинка // Тетради по консерватизму. 2016. № 4. С. 63–70.

Лунарева Н.Н. Роль православия в консервативной модели общественного устройства С.Н. Глинки // Христианское чтение. 2017. № 2. С. 276–287.

Лунарева Н.Н. «Восточный вопрос» в сочинениях С.Н. Глинки // Русско-Византийский вестн. 2018а. № 1. С. 113–119.

Лунарева Н.Н. «Перо Глинки первое на Руси начало перестреливаться с неприятелем»: «Русский Вестник» С.Н. Глинки накануне и в период Отечественной войны 1812 года // Христианское чтение. 2018б. № 5. С. 175–185.

Лунарева Н.Н. «Русский Вестник» С.Н. Глинки // Русско-Византийский вестн. 2019. № 1 (2). С. 346–368.

Лунарева Н.Н. Проблема национальной самобытности в трудах российских консерваторов первой четверти XIX в. // Русско-Византийский вестн. 2021. № 2 (5). С. 166–182.

Лушиников А.Г. Историко-литературная почва первого славянофильства. (К вопросу о происхождении и сущности так называемого славянофильства): Вступ. лекция по истории рус. лит. в Казан. духов. акад. 28 сент. 1912 г. Казань: Центр. тип., 1913. 41 с.

Мазур Н.Н. Из истории формирования русской национальной идеологии (первая треть XIX века) // «Цепь непрерывного предания...». Сб. памяти А.Г. Тартаковского. М.: РГГУ, 2004. С. 196–250.

Майков П.М. О своде законов Российской империи. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. 276 с.

Мартин А.М. «Допотопный» консерватизм А.С. Шишкова // Консерватизм: идеи и люди. Пермь, 1998а. С. 54–66.

Мартин А.М. «Россия есть европейская держава...»: проблема «Россия и Европа» в консервативной мысли эпохи Александра I (А.С. Шишков, С.Н. Глинка, А.С. Стурдза) // Исследования по консерватизму. Пермь, 1998б. Вып. 5. С. 14–22

Матвеева М.В. Цензура и школа в России в первой четверти XIX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 243 с.

Матулис Т.Н. Завгородняя О.И. Борьба университетов России за автономию в период подготовки университетского устава 1835 г. // Вестник РУДН, 2004. № 3. С. 128–136. (Серия: История России).

Мейе А. Общеславянский язык / Пер. с фр.; общ. ред. С.Б. Бернштейна. М.: Изд. группа «Прогресс», 2001. 500 с.

Меркулов И.В. Историограф Российского флота адмирал А.С. Шишков // Новый часовой: Русский военно-историч. журн. СПб., 2004а. № 15–16. С. 300–310.

Меркулов И.В. Адмирал Александр Семенович Шишков. Личность в контексте эпохи // Кортик. СПб., 2004б. № 3. С. 14–22; 2005. № 4. С. 18–36.

Меркулов И.В. К вопросу об объективности отражения реальности в «Отрывке из жизни №...» А.С. Шишкова // Призвание — история. 2010а. С. 170–180.

Меркулов И.В. К истории одной публикации: полемика А.С. Шишкова и В.М. Головина по поводу «Отрывка из жизни №...» // Петербургские исследования: альманах. 2010б. № 2. С. 213–301.

Мейлах Б.С. Пушкин и русский романтизм. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 296 с.

Мейлах Б.С. Пушкин и его эпоха. М.: Гос. изд-во худ. литер., 1958. 707 с.

Мещерякова А.О. Ф.В. Ростопчин: у основания консерватизма и национализма в России. Воронеж: Издательский Дом «Китеж», 2007. 264 с.

Мещерякова А.О. «Поэтический консерватизм» в эпоху Николая I // Тетради по консерватизму. 2015а. № 4. С. 71–79.

Мещерякова А.О. Создатель русской триады: интеллектуальная биография С.С. Уварова // Вопросы истории консерватизма. Альманах. 2015б. № 1. С. 132–143.

Мещерякова А.О. Грани консервативного патриотизма: Н.М. Карамзин и Ф.В. Ростопчин // Тетради по консерватизму. 2016. № 4. С. 71–80.

Мещерякова А.О. Русские консерваторы и европейские революции 1848–1849 годов // Тетради по консерватизму. 2017. № 2. С. 61–67.

Мещерякова А.О. Внешняя политика Павла I и идея «Русского Константинополя» // Русско-Византийский вестн. 2020. № 1 (3). С. 37–47.

Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1897. Ч. 2: Церковь и школа (вера, творчество, образование). 375 с.

Минаков А.Ю. М.Л. Магницкий: к вопросу о биографии и мировоззрении предтечи русских православных консерваторов XIX века // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Воронеж, 2001. С. 58–92.

Минаков А.Ю. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка А.С. Шишкова — первый манифест русского консервативного национализма // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время. ВГУ, ист. фак. Воронеж, 2002а. С. 239–253.

Минаков А.Ю. Франкобесие // Родина. 2002б. № 8. С. 18–19.

Минаков А.Ю. К постановке вопроса о типологии раннего русского консерватизма // Клио. 2003. № 3 (22). С. 26–31.

Минаков А.Ю. Опыт типологии течений в русском консерватизме первой четверти XIX в. // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 267–280. (Серия: Монографии).

Минаков А.Ю. Консерватизм // Общественная мысль России XVIII — начала XX века. Энциклопедия. М., 2005а. С. 473–474.

Минаков А.Ю. Роль событий 1812 г. в становлении русского консерватизма // Консерватизм в России и Западной Европе. Воронеж, 2005б. С. 7–8.

Минаков А.Ю. Михаил Леонтьевич Магницкий // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005в. С. 267–307.

Минаков А.Ю. «Антифилософская» позиция русских консерваторов первой четверти XIX века. К истории попыток упразднения преподавания философии в императорской России // Вестн. Воронежского гос. ун-та. 2007. № 1. С. 152–154. (Серия: История. Политология. Социология).

Минаков А.Ю. А.С. Шишков как идеолог и практик русского консерватизма // Науч. ведом. Белгородского гос. ун-та. 2009а. № 7 (62). С. 143–150. (Серия: История. Политология. Экономика. Информатика).

Минаков А.Ю. Возникновение русского консервативного национализма в первой четверти XIX века в России // Вестн. Рос. гос. ун-та им. И. Канта. 2009б. № 12. С. 12–17. (Серия: Гуманитар. науки).

Минаков А.Ю. Экономические воззрения русских консерваторов первой половины XIX века // Консерватизм: социально-экономические учения. СПб., 2009в. С. 77–97. (Серия: Труды Центра «Интеллектуальный потенциал обновления общества»).

Минаков А.Ю. «Правое» масонство и русский консерватизм первой четверти XIX века // Науч. ведом. Белгородского гос. ун-та. 2010а. № 13 (84). С. 123–130. (Серия: История. Политология).

Минаков А.Ю. Г.Р. Державин как представитель русского консерватизма // Вестн. Тамбовского ун-та. 2010б. № 7 (87). С. 7–15. (Серия: Гуманитар. науки).

Минаков А.Ю. Идеал государственного и общественного устройства в воззрениях русских консерваторов первой четверти XIX века // Вестн. Рос. гос. ун-та им. И. Канта. 2010в. № 6. С. 154–159. (Серия: Гуманитар. науки).

Минаков А.Ю. Князь Александр Николаевич Голицын — представитель мистико-космополитического консерватизма в царствование Александра I // Вестн. Воронежского гос. ун-та. 2010г. № 1. С. 186–189. (Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация).

Минаков А.Ю. «Консерватизм — это блистательное интеллектуальное направление» // Тетради по консерватизму. 2014а. № 1. С. 105–111.

Минаков А.Ю. Михаил Леонтьевич Магницкий // Вопросы истории. 2010д. № 11. С. 36–49.

Минаков А.Ю. Социально-экономические взгляды русских консерваторов первой трети XIX века // Российская история. 2010е. № 4.

Минаков А.Ю. Предисловие // Шишков А.С. Огонь любви к Отечеству / Сост., коммент., послесл. В.В. Семенцова; отв. ред. О.А. Платонов. М., 2011а. 672 с.

Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2011б. 560 с.

Минаков А.Ю. Русская партия в первой четверти XIX века / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2013. 528 с.

Минаков А.Ю. Рождение русского консерватизма: уроки прошлого // Тетради по консерватизму. 2014б. № 3. С. 12–31.

Минаков А.Ю. Антизападнические мотивы в раннем русском консерватизме // Тетради по консерватизму. 2015а. № 3. С. 16–24.

Минаков А.Ю. Князь-инок Аникита (Сергей Александрович Ширинский-Шихматов): путь из поэтов в святые // Христианское чтение. 2015б. № 4. С. 105–120.

Минаков А.Ю. А.С. Стурдза: интеллектуальная биография православного мыслителя // Христианское чтение. 2016а. № 1. С. 176–194.

Минаков А.Ю. Родоначальник русского консерватизма // Тетради по консерватизму. № 4. 2016б. С. 29–39.

Минаков А.Ю. Предтечи С.С. Уварова в поисках идеологического обоснования правительственной политики в области народного просвещения в 1817–1825 годах // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 145–164.

Минаков А.Ю. М.Л. Магницкий. Из истории становления русского консерватизма первой четверти XIX в.: учеб. пособие / Воронежский гос. ун-т. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2021. 234 с.

Минаков А.Ю., Алленов С.Г. Предисловие // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Воронеж, 2001. С. 3–8.

Минаков А.Ю., Репников А.В. Консерватизм в России // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века. Энциклопедия / Ин-т обществ. мысли. Москва, 2010. С. 6–18.

Мордовченко Н.И. Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 430 с.

Назаренко Е.Ю. Князь А.Н. Голицын в общественно-политической и религиозной истории России первой половины XIX века: монография / Науч. ред. А.Ю. Минаков. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2014. 188 с.

Назаренко Е.Ю. Мистический консерватизм: к характеристике мировоззрения князя А.Н. Голицына // Христианское чтение. 2017. № 6. С. 134–148.

Овчинников Н.В. Вдохновитель побед русского оружия. М.: ООО «Луч», 2012. 288 с.

Очерки по истории русской журналистики и критики. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ордена Ленина ун-та им. А.А. Жданова, 1950. Т. 1. 604 с.

Палицын Н.А. Манифесты, написанные Шишковым в Отечественную войну, и патриотическое их значение // Русская старина. 1912. Т. 150, кн. 6. С. 477–490.

Парсамов В.С. Конструирование идеи народной войны в 1812 г. // Нов. лит. обозрение. 2012. № 118. С. 69–94.

Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX века: формирование системы университетского образования. М.: Гос. ист. музей, 2000. Кн. 3: Университетская профессура и подготовка устава 1835 года. 520 с.

Платонов О.А. Массонский заговор в России // Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ. М.: Алгоритм, 2011. 1344 с.

Погодин М.П. Письмо министру народного просвещения по возвращении из путешествия по Европе в 1839 году // Погодин М.П. Избранные труды. М., 2010. С. 197.

Полежаева Т.В. «Ходил я в католическую здешнюю церковь слушать музыки и пения»: к вопросу о характере религиозности А.С. Шишкова // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2013а. № 1 (21). С. 63–66.

Полежаева Т.В. Язык как фактор национального единства (на материале полемики архаистов и карамзинистов начала первой четверти XIX в.) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013б. № 376. С. 96–100.

Полежаева Т.В. «Сей старец дорог нам...»: к вопросу о политическом поведении А.С. Шишкова // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2014. № 3 (29). С. 116–122.

Полежаева Т.В. Религиозные основания консервативной концепции А.С. Шишкова: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2016. 228 с.

Полусмак Т.Л. Цензурное законодательство дореволюционной России: дис. ... канд. юридических наук. Н. Новгород, 2003. 194 с.

Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 456 с.

Проскурин О.А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М.: О.Г.И., 2000. 366 с.

Пустарнаков В.Ф. Университетская философия в России: Идеи. Персоналии. Основные центры / Ин-т философии Рос. акад. наук. СПб.: Изд-во РХГИ, 2003. 916 с.

Пытин А.Н. Российское Библейское общество, 1812–1826 // Вестник Европы. 1868. № 11. С. 222–285; № 12. С. 708–768.

Пытин А.Н. Русские отношения Бенатама // Вестник Европы. 1869. №. 4. С. 730–788.

Пытин А.Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов: исторические очерки. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1873. 514 с.

Пытин А.Н. Русское масонство XVIII и первая четверть XIX в. Пг.: Тип. Б.М. Вольфа, 1916. 577 с.

Пытин А.Н. Исследования и статьи по эпохе Александра I. Т. 1–3. Пг.: Изд-во «Огни», 1918. Т. 3: Общественное движение в России при Александре I. 544 с.

Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). М.: ГСИ, 1959. 350 с.

Репников А.В. Консервативные модели Российской государственности. М.: РОССПЭН, 2014. 527 с.

Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802–1902. СПб.: Изд-во М-ва нар. просвещения, 1902. 785 с.

Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора / Изд. подг. А.Л. Топорков, Т.Г. Иванова, Л.П. Лаптева, Е.Е. Левкиевская. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 2002. 970 с.

Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / Под ред. В.Я. Гросула. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 440 с.

Сарапас М.В. А.С. Шишков и развитие русского литературного языка в первые десятилетия XIX в.: дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 175 с.

Севастьянов Ф.Л. Консервативная альтернатива кодификации русского права в первой трети XIX в. // Консерватизм в России и мире. ВГУ, 2004. Ч. I. С. 171–190.

Серман И.З. Литературное дело Карамзина. М.: РГГУ, 2005. 327 с.

Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров: К столетию Комитета министров (1802–1902): в 7 т. / Сост. С.М. Середонин. СПб.: Канцелярия Ком. Министров, 1902. Т. 1: Комитет министров в царствование императора Александра Первого (1802 г. сентября 8 — 1825 г. ноября 19). 608 с.

Семевский В.И. Крестьянский вопрос в царствование императора Николая // Русская мысль. 1884. № 6. С. 173–210.

Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII — первой половине XIX века. В 2 т. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1888. Т. 1: Крестьянский вопрос в XVIII и первой четверти XIX века. 517 с.

Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры (1800–1863). СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1892. 498 с.

Соколовская Т.О. О масонстве в прежнем русском флоте // Море. 1907. № 8. С. 2–39.

Стоюнин В.Я. Александр Семенович Шишков: биография // Вестн. Европы. 1877. № 9. С. 236–270; № 10. С. 502–547; № 11. С. 47–118; № 12. С. 465–522.

Стоюнин В.Я. Исторические сочинения. Ч. 1–2. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1880. Ч. 1: Александр Семенович Шишков. 371 с.

Сухомлинов М.И. История Российской академии. Вып. 1–8. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1885. Вып. 7: Приложение к Т. 49 Записок Имп. акад. наук. № 6. 648 с.

Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1–2. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1889. Т. 1: Материалы для истории образования России в царствование императора Александра I; А.Н. Радищев. 671 с.

Сухонин П.П. А.С. Шишков в его литературной деятельности // Журнал Мин-ва нар. просвещения. 1851. Ч. 69, отд. 5. С. 1–44.

Тетеркина С.В. Языковое выражение философских взглядов А.С. Шишкова и его последователей («Беседа любителей русского слова»): когнитивно-ментальный аспект: дис. ... канд. филол. наук. Липецк, 2013. 183 с.

Томсинов В.А. Сперанский. М.: Мол. гвардия, 2006. 451 с.

Троцкий В. Шишков Александр Семенович // Русский биографический словарь. СПб.: Тип. Глав. упр. делов, 1911. Т. 23. Шебанов–Шютц. С. 316–320.

Тынянов Ю.Н. Архаисты и Пушкин // Пушкин в мировой литературе: сб. ст. Л.: ГИЗ, 1926. С. 215–286.

Уортман Р. Материалы и исследования по истории русской культуры. М.: ОГИ, 2002. Вып. 8: Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. 608 с.

Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М.: Изд-во МГУ, 1985. 212 с.

Успенский Б.А. Краткий очерк истории литературного языка (XI–XIX вв.). М.: «Гнозис», 1994. 240 с.

Файнштейн М.Ш. Российская Академия (1783–1841) в николаевскую эпоху // Философский век. Альманах. СПб., 1998. Вып. 6: Россия в николаевское время: наука, политика, просвещение / Отв. ред. М.Ф. Хартанович, М.И. Микешин. С. 65–73.

Файнштейн М.Ш. «И славу Франции в России превзойти...»: Российская академия (1783–1841) и развитие культуры и гуманитарных наук. М.; СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 191 с.

Федоров В.А. «Своей судьбой гордимся мы...». Следствие и суд над декабристами. М.: Мысль, 1988. 298 с.

Филатова-Шишкова В. «Неугомонный русопят»: к 160-летию со дня смерти адмирала, министра народного просвещения, писателя и государственного деятеля Александра Семеновича Шишкова // Наш современник. 2001. № 4. С. 284–287.

Цимбаев Н.И. Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1986. 274 с.

Цимбаева Е.Н. Поиск основ межконфессионального единства в Российской империи XIX века: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2014.

Чернета В., Яковлев Б. Предтеча: (адмирал А.С. Шишков — человек, ученый, министр) // Высшее образование в России. 1999. № 3. С. 137–151; № 4. С. 130–144.

Чистович И.А. Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия / Комиссия духовных училищ. СПб.: Синод. тип., 1894. 383 с.

Чистович И.А. История перевода Библии на русский язык. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. 347 с.

Чуркина И.В. Русские ученые и Вук Стефанович Караджич // Изв. Самарского науч. центра РАН. 2017. Т. 19, № 3. С. 132–138.

Шилов Д.Н. Шишков Александр Семенович // Государственные деятели Российской империи: главы высших и центральных учреждений (1802–1917): биобиблиографический справочник. СПб., 2002. С. 842–846.

Шильдер Н.К. Император Павел Первый: Историко-биографический очерк. СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1901. 606 с.

Шильдер Н.К. Император Николай Первый: его жизнь и царствование: в 2 т. СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1903. Т. 2. 820 с.

Шильдер Н.К. Император Александр Первый: его жизнь и царствование: в 4 т. 2-е изд. СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1904–1905. Т. 2: (1801–1809). 1905. 408 с.; Т. 3: (1810–1815). 1905. 569 с.

Щебальский П.К. А.С. Шишков, его союзники и противники // Русский вестник. 1870. № 11. С. 192–254.

Щербаков А.Ю. Декабристы. Заговор против России. СПб.: Издат. Дом «Нева», 2005. 316 с. (Серия: Секретные материалы).

Шмид Е.К. История средних учебных заведений в России. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1878. 683 с.

Энгельгардт Н.А. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903). СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1904. 388 с.

Ягич И.В. Энциклопедия славянской филологии / Под ред. орд. акад. И.В. Ягича. СПб.: Отделение рус. яз. и словесности Имп. АН, 1910. Вып. 1: История славянской филологии. 961 с.

Янковский Ю.З. Патриархально-дворянская утопия: Страница русской общественно-литературной мысли 1840–1850-х годов. М.: Худож. лит., 1981. 373 с.

Garde P. A propos du premier mouvementslavophile // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1964. Vol. 5, N 3. P. 261–269.

Garde P. Šiškov et Karamzin: deux ennemis? // Studia slavica mediaevalia et humanistica. 1986. N 1. P. 279–285.

Martin A.M. Romantics, reformers, reactionaries: Russian conservative thought and politics in the reign of Alexander I. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1997. 294 p.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Азизова Е.Н. 186, 187, 209
Аксаков И.С. 186, 187, 209
Аксаков К.С. 66, 162
Аксаков С.Т. 21, 32, 47, 61, 71, 72, 87, 95, 159
д'Аламбер Ж.Л. 122, 131
Александр I 5, 15–16, 18–21, 29, 57–58, 72, 75–76, 79, 86, 88–89, 93–95, 97, 99, 102–105, 120–121, 123, 127–130, 134, 136, 147, 150, 163
Алипанов Е.И. 104
Алтунян А.А. 209
Амвросий (Подобедов), митрополит Санкт-Петербургский 81
Арендт Э.М. 212
Аракчеев А.А. 89, 129, 147, 150
Ариосто Л. 34, 174
Арсеньев К.И. 118, 155
Бакунин М.М. 25, 47
Балашев А.Б. 89
Баррюэль О. 122
Батюшков К.Н. 206
Бежанидзе Г.В. 13, 131, 170, 190, 209
Безак А.Хр. 127
Безбородко А.А. 51
Беккариа Ч. 97
Белинский В.Г. 6, 66, 74, 169, 179, 206
Балугьянский М.А. 117, 187
Беляев И.Д. 209
Беме Я. 121, 133
Бенкендорф А.Х. 200
Бентам И., философ, правовед 219
Беринг В.И. 173
Берк Э. 45
Берлингьеры Х. 28
Бестужев-Рюмин М.П. 127
Бибииков А.И. 25, 173
Бибииков В.И. 25, 39
Бибииков И.А. 25
Бируков А.С. 127, 150, 193
Блудов Д.Н. 22, 175
Бобровский П.О. 169, 191, 209
Богданович М.И. 183, 193, 210
Бодянский О.М. 156
Боленко К.Г. 12, 43, 50, 54, 170, 173, 175, 177, 184, 186, 194, 210
Болховитинов Е.А., епископ Евгений 81, 155
Бонне Ш. 60
Бороздин А. 210
Бороздин К.М. 148
Бортнянский Д.С. 81
Бочкарев В.Н. 210
Буало Н. 78, 181
Булгарин Ф.В. 150, 153–154, 172, 176, 193–194, 206
Булич Н.Н. 6, 50, 169, 177, 210
Бунина А.П. 77, 81
Бутков П.Г. 155

- Василий Михайлович, князь Тверской 24
- Вахмистрова С.И. 173, 210
- Венелин Ю.И. 156
- Веселаго Ф.Ф. 26, 173, 175, 210
- Вигель Ф.Ф. 22, 64, 78–80, 85, 172, 179, 181–182, 206
- Вишленкова Е.А. 13, 170, 210
- Владимир I Святой 59, 69
- Воейков А.Ф. 155
- Волконский А.М. 44
- Вольтер 60, 63, 66, 69, 122, 131, 153, 161, 180
- Востоков А.Х. 155
- Вяземский П.А. 64, 110, 162, 179, 206
- Вязмитинов С.К. 76–77, 81
- Гай Л. 156
- Галахов А.Д. 210
- Галиновский Я.И. 77
- Галич А.И. 117–118
- Ганка В. 65, 194
- Гене А., аббат 153
- Гердер И.Г. 11
- Герман К.Ф. 117–118
- Гермоген, патриарх Московский 68, 78, 84
- Глинка С.Н. 36, 75, 108, 153, 163, 213–214
- Гнедич Н.И. 77–78
- Гоголь Н.В. 74, 102, 206
- Голенищев-Кутузов И.Л. 25–27, 38, 50
- Голенищев-Кутузов Л.И. 19, 200
- Голенищев-Кутузов П.И. 39, 81
- Голенищева-Кутузова Е.И. 25
- Голицын А.Н. 81, 101, 114, 117–118, 120, 124–125, 128, 130, 136, 141, 147, 149–150, 166, 187, 217, 218
- Голицын Б.В. 79
- Голованова В.Ф. 190, 210
- Головин В.М. 27, 215
- Горчаков Д.П. 79
- Госснер И.Е. 7, 21, 126–128
- Гребенщиков А.Е. 211
- Гревенс К.И. фон 28
- Греч Н.И. 21, 43, 58, 61, 75, 127, 172, 175, 178, 181, 206
- Грибоедов А.С. 9, 74
- Гросул В.Я. 211, 219
- Грот Я.К. 6, 169, 211
- Гюйон Ж.М. 121
- Давыдов Г.И. 76, 181, 206
- Давыдов И.И. 148
- Данилевский Н.Я. 36, 164, 195, 211
- Дашков Д.В. 65–66, 154, 175, 179, 206, 208
- Дашкова Е.Р. 18, 198
- Денисьева П.Е. 24
- Державин Г.Р. 25, 47, 77–78, 80–81, 102–103, 153, 216
- Дидро Д. 122, 161
- Дмитриев И.И. 33, 78, 80
- Дмитриев М.А. 33, 85, 174, 182, 206
- Дмитриевский И.А. 39
- Добровский Й. 31, 155, 194
- Долгих А.Н. 108, 111, 171, 185–186, 211
- Долгов С.О. 19
- Долгоруков Г.А. 36
- Доу Дж. 92, 157
- Дружинин Я.И. 185
- Дубровин Н.Ф. 201
- Егерева Т.А. 12, 27, 170, 173, 177, 180, 190, 211

- Екатерина II Великая, имп. 16, 18, 37, 39–41, 44, 48–50, 56–57, 72, 97, 135, 160–161, 198
- Екатерина Павловна, вел. кн. 67, 98, 122
- Жаринов Д.А.** 169, 182, 211
- Желтухин П.Ф.** 147
- Жихарев С.П.** 43, 77–78, 172, 175, 181, 206
- Жмакин В.Н.** 188, 211
- Жуковский В.А.** 155
- Завадовский П.В.** 77, 80
- Завгородняя О.И.** 192, 214
- Зайончковский П.А.** 211
- Загоскин М.Н.** 155
- Занд К.Л.** 114
- Захаров И.С.** 77, 80
- Земскова Е.Е.** 11, 170, 182, 211–212
- Знаменский П.В.** 90, 121, 169, 182, 188–189, 212
- Зорин А.Л.** 11, 86, 170, 182, 212
- Зубов П.А.** 48, 53, 210
- Зуев Г.И.** 173, 212
- Иван IV (Грозный)** 50
- Иванов О.А.** 212
- Иванова Т.Г.** 219
- Игорь Святославич**, князь, герой «Слова о полку Игореве» 20, 69, 163, 203
- Иннокентий (Смирнов)**, епископ Пензенский и Саратовский 124, 130
- Иоанн Богослов**, апостол 124
- Каменская М.Ф.** 177, 207
- Кампе И.Г.** 11, 42, 211
- Кампенгаузен Б.Б.** 111, 186, 197
- Камчатнов А.М.** 12, 170, 212
- Кантемир А.Д.** 59
- Каптерев П.Ф.** 9, 169, 190, 192, 212
- Карабанов П.М.** 77
- Карамзин Н.М.** 6, 10, 18, 21, 22, 50, 58–59, 62, 67, 74, 78, 98, 101, 103, 122, 151, 155, 163, 165, 172, 177, 179, 184, 198, 207, 213–214, 218, 220–221
- Карбоньер Л.Л.** 146
- Караджич В.С.** 156, 222
- Карпец В.И.** 15, 171, 212
- Катенин П.А.** 85
- Катков М.Н.** 36
- Каховский П.Г.** 134
- Каченовский М.Т.** 65, 155
- Кикин П.А.** 77, 133
- Киреевский И.В.** 10, 66, 70, 180, 207
- Киреевский П.В.** 10, 66
- Киселев Н.С.** 19
- Киселева Л.Н.** 180, 205, 212
- Княжевич Д.М.** 156
- Князьков С.А.** 9, 169, 190, 212
- Козлянинов Т.Г.** 29, 31, 173
- Коленкур А.-О.-Л. де** 75, 180
- Коллар Я.** 194
- Коломинов В.В.** 212
- Комаровский Е.Е.** 207
- Кондаков Ю.Е.** 13, 101, 123, 170, 184, 188–189, 194, 212–213
- Корнилов А.А.** 186–187, 213
- Корсаков П.А.** 77
- Корф М.А.** 98, 184, 213
- Корф С.А.** 56, 178, 213
- Костыря Л.П.** 171
- Костюшко А.Т.Б.** 45
- Котельников Е.Н.** 121, 131, 211
- Коцебу А. фон** 114
- Кочубей В.П.** 18, 58, 107

- Кочубинский А.А. 132, 169, 190, 213
Кошелев А.И. 10, 71, 162
Кошелев Р.А. 76
Круз А.И. 51
Крылов И.А. 77, 82
Крюденер В.Ю. 93
Куницын А.П. 117, 172, 187, 207
Курганов Н.Г. 26, 38
Кушелев Г.Г. 29, 49, 51, 55, 58
Кушелев И.И. 47
Кюхельбекер В.К. 9, 85, 182, 207
Лабзин А.Ф. 77, 121, 188
Лаваль И.С. 113
Лавровский П.А. 65
Лагарп Ж.-Ф. де, писатель 179, 180, 202, 206
Лагарп Ф.-С. де, учитель Александра I 105, 184–185
Ламберт К.О. де 142
Ланской В.С. 154
Лаптева Л.П. 219
Лафонтен Ж. 181
Левкиевская Е.Е. 219
Лекен А.Л. 180
Леонтьев К.Н. 36
Ливен К.А. 113, 142, 149
Ликург, спартанский политик 106, 185
Линде С.Б. 155
Литта Ю.П. 18
Лобанов М.Е. 156
Лобанов-Ростовский Д.И. 18, 105, 197
Лобаржевская Ю.О., урожденная Нарбут 22, 52, 109, 157–158
Ломоносов М.В. 18, 25, 59–60, 62, 67, 100, 102, 178, 198, 207
Лопухин И.В., масон-просветитель 103, 122, 188
Лопухин П.В. 110–111, 185
Лористон Ж.А. Ло де 75, 181
Лотман Ю.М. 10, 170, 179, 182, 213
Лупарева Н.Н. 23, 174, 179–180, 185, 195
Лушников А.Г. 74, 180, 214
Львов П.Ю. 77
Лютер М., немецкий священник 114
Лямина Е.Э. 170, 173, 175, 177, 184, 186, 194, 210
Магницкий Л.Ф. 116
Магницкий М.Л. 7, 22, 113, 115, 116–117, 136, 142, 146–148, 153, 165, 215–217
Мазур Н.Н. 12, 170, 214
Майков П.М. 184, 214
Макаров П.И. 178
Марат Ж.-П. 91, 117
Марек А. 194
Мария Федоровна, имп. 16, 78
Мартин А.М. 15, 75, 214
Мартынов И.И. 61, 113, 178
Матвеева М.В. 186, 214
Матулис Т.Н. 192, 214
Меглицкий Г.Т. 156
Мейе А. 178, 215
Мейлах Б.С. 10, 170, 215
Мерзляков А.Ф. 78
Меркулов И.В. 13, 27, 50, 170, 173, 176–177, 215
Местмахер И.И. 53
Местр Ж. де 45, 82, 103
Местр Кс. де 76
Меттерних К.В.Л. 115

- Мещерский П.С. 113, 124
Мещерякова А.О. 174, 180, 186, 188, 193–195, 215
Милорадович М.А. 18, 109
Милюков П.Н. 169, 190, 215
Минаков А.Ю. 14, 23, 74, 89, 93, 120, 164, 170, 175–176, 178–183, 185–191, 194–195, 211, 215–218
Минин К. М., организатор Земско-го ополчения 1611–1612 гг. 68, 78, 84, 87, 154
Миних Б.Х. 26
Михайловский-Данилевский А.И. 155
Мицкевич А.Б. 158
Монтескье Ш.-Л. 97
Мордвинов Н.С. 18, 29, 47, 54, 58, 72, 80, 99, 112, 134, 155, 184, 197, 207
Мордвинов С.И. 29
Мордовченко Н.И. 9, 170, 218
Морошкин М.Я. 130
Муравьев А.Н. 155
Муравьев-Апостол И.М. 128, 142, 172, 189, 207
Муравьев-Апостол С.И. 127, 134
Мусин-Пушкин М.Н. 149
Надеждин Н.И. 23, 156
Назаренко Е.Ю. 186–187, 195, 218
Наполеон I (Наполеон Бонапарт) 20, 46, 84–85, 87–91, 93–94, 98, 101, 104, 122, 131, 163–164, 180–181, 184
Невзоров М.И. 122, 188
Никитин В.Н. 38
Неедлый Я. 155
Николай I 12, 16–20, 22, 66, 73, 85, 101, 110, 121, 133–134, 142–144, 148, 150, 154–155, 157, 160, 165, 168, 193, 198, 200–201, 213, 215, 220, 221, 222
Новиков Н.И. 14, 122, 188
Новосильцев Н.Н. 58, 139, 143
Овчинников Н.В. 16, 171, 218
Одоевский В.Ф. 172, 194, 207
Оленин А.А. 104
Оленин А.Н. 77, 80
Орлай И.С. 141
Орлов-Чесменский А.Г. 53
Павел I 16, 19, 26, 29, 36, 39, 49–56, 58, 72, 102, 105, 121, 176, 188, 198, 200, 215, 222
Павлов А.А. 130
Палацкий Ф. 65
Палицын Авраамий, герой Смутного времени 68, 87
Палицын Н.А. 95, 169, 182–183, 218
Панаев В.И. 40, 116, 172, 175, 182, 187, 189, 193, 207
Парсамов В.С. 14–15, 205, 218
Перекусихина М.С. 47
Перовский А.А. 142, 149
Перовский В.А. 142
Пестель П.И. 134
Петр I (Великий), император 9, 25, 30, 51, 57, 72–73, 97, 99, 105–106, 110, 121, 135, 162, 173, 221
Петр III, император 41, 49–50, 53, 56, 58, 72
Петрарка Ф. 31, 34, 174
Петров Ф.А. 12, 142, 170, 192–193, 218
Пинкертон Р. 123
Писарев А.А. 140, 149

- Платонов О.А. 209, 217–218
Погодин М.П. 19, 36, 164, 195, 218
Пожарский Д.М., князь, русский национальный герой 68, 78, 84, 87
Поздеев О.А. 39, 103
Полежаев А.И. 148
Полежаева Т.В. 12, 170–171, 175, 181, 218–219
Политковский Г.Г. 80
Полусмак Т.Л. 194, 219
Поль К.К. фон 127
Попов В.М. 113, 124, 127–128
Предтеченский А.В. 9, 111, 169, 186, 219
Пржецлавский О.А. 22, 52, 158, 172, 177, 194, 207
Прокопович-Антонский А.А. 148
Проскурин О.А. 219
Пустарнаков В.Ф. 186, 219
Пухмайр А.Я. 194
Пушкин А.С. 9, 65, 74, 85, 95, 102, 144, 150, 155, 162, 172, 183, 192–193, 207–208, 210, 215, 221
Пушкин В.Л. 65, 179
Пыпин А.Н. 7, 13, 65, 74, 130, 169, 180, 183, 189, 193, 219
Разумовский А.К. 53, 80
Раковецкий И.Б. 156
Расин Ж.Б. 179
Раупах Э.В.С. 117–118
Рашин А.Г. 219
Резанов Н.П. 76
Рейф К.Ф. 155
Рикорд П.И. 146
Робеспьер М.-М.-И. де 91
Рождественский С.В. 169, 186, 192–193, 212, 219
Розенкампп Г.А. 105, 108, 185
Ромм Ш. 47, 205
Ростопчин Ф.В. 14, 75, 81, 88, 103, 122, 172, 182, 208, 215
Румянцев Н.П. 213
Руссо Ж.-Ж. 11–12, 42, 117, 161
Руссов С.В. 155
Рылеев К.Ф. 134
Саблуков А.А. 76
Саблуков Н.А. 58, 178, 208
Самарин Ю.Ф. 10, 19, 66, 71, 162
Сарапас М.В. 171, 180, 220
Сведенборг Э. 121
Свербеев Д.Н. 22, 172, 208
Севастьянов Ф.Л. 184, 220
Семевский В.И. 9, 94, 103, 111, 169, 183–184, 186, 220
Сен-Мартен Л.К. де 121
Серафим (Глаголевский), митрополит 130–131, 205
Сербинович К.С. 22, 80, 172, 179, 181, 208
Сербов Н.И. 9, 169, 190, 212
Середонин С.М. 183, 220
Серман И.З. 11, 170, 220
Сестренцевич-Богуш С. 19, 200
Сиверс Е.К. 142
Сийес Э.-Ж. 53
Скабический А.М. 9, 169, 187, 190, 193, 220
Слепушкин Ф.Н. 104
Смирнов С.И. 124, 153
Соколов Д.М. 43, 176
Соколов П.И. 43, 155, 176
Соколовская Т.О. 9, 169, 175, 220
Солон, афинский политик 106, 185

- Сперанский М.М. 81, 86, 97–98, 101, 103, 116, 122, 131, 142, 147, 165, 172, 208, 213, 221
- Срезневский И.И. 65
- Станевич Е.И. 77, 124, 132
- Стоюнин В.Я. 7, 25, 118, 158, 169, 173, 181–182, 187, 189, 193–194, 220
- Строганов П.А. 58
- Строганов С.Г. 142, 148
- Стурдза А.С. 85, 95, 113, 114, 124, 136, 182–183, 189, 208, 214, 217
- Суворов А.В. 46, 55, 102, 204
- Суворов П.И. 38
- Сумароков П.И. 128, 189, 208
- Сухомлинов М.И. 8, 169, 179, 186–187, 190, 220
- Сухонин П.П. 6, 42, 169, 175, 220
- Тассо Т. 11, 31, 34, 174
- Татаринова Е.Ф. 128
- Тетеркина С.В. 74, 171, 180–181, 220
- Тимковский В.Ф. 77
- Тициан В. 33
- Толстой Л.Н. 102
- Толстой П.А. 46
- Толстой Ф.П. 46, 176, 208
- Томсинов В.А. 221
- Томсон Д. 60
- Топорков А.Л. 219
- Трескинский Ф.А. 127
- Троцкий В. 221
- Трощинский Д.П. 101, 172, 184, 209
- Трубецкой Д.Т., князь, военный и политический деятель Смутного времени 68
- Тургенев А.И. 188
- Тургенев А.И. 124, 175
- Тургенев И.П. 188
- Тургенев Н.И. 85, 115, 185, 188, 206
- Тютчев Ф.И. 110, 162
- Тынянов Ю.Н. 9, 169, 207, 221
- Уваров С.С. 22, 43, 66, 81, 113, 142, 151, 164, 175, 199, 215, 217
- Уортман Р. 15, 171, 221
- Успенский Б.А. 10, 170, 179, 182, 213, 221
- Ушаков Ф.Ф. 29
- Ушакова П.Д. (Шишкова) 44, 157
- Файнштейн М.Ш. 84, 170, 179, 182, 194, 212, 221
- Федоров В.А. 190, 221
- Фенелон Ф. 63, 78, 121
- Феофан (Прокопович), архиепископ 59
- Фесслер И.А. 147
- Филарет (Дроздов), митрополит Московский 113, 131–132, 189, 190
- Филатов С.Ф. 33
- Филатова-Шишкова В.А. 172, 221
- Филосовов М.М. 76
- Фихте И.Г. 148
- Фонвизин Д.И. 25
- Фотий (Спасский), архимандрит 125, 130, 212
- Фридрих II, король Прусский 122
- Фус Н.И. 113, 117
- Херасков М.М. 18, 69, 198
- Хвостов А.С. 43, 77, 80, 175
- Хвостов Д.И. 43, 81, 175, 205
- Хвостов Н.А. 76, 181
- Хомяков А.С. 10, 66, 74, 162, 180, 209

- Цимбаев** Н.И. 10, 74, 170, 180, 221
- Чарторыйский** А.Е. 58, 139
- Челаковский** Ф.Л. 156, 194
- Чернета** В. 221
- Чернышев** И.Г. 37
- Чижов** Ф.В. 162
- Чистович** И.А. 8, 169, 188–189, 221
- Чичагов** В.Я. 44, 58
- Чичагов** П.В. 50, 54, 58, 76, 177, 209
- Шатобриан** Ф.-Р. де 11, 45, 121
- Шафарик** П.Й. 65, 156, 194
- Шаховской** А.А. 77
- Шевырев** С.П. 60, 164, 178, 195
- Шеллинг** Ф.В.Й. фон 119, 148
- Шельтинг** А.Е. 29, 46, 173, 176, 181
- Шельтинг** Д.А. 20, 157
- Шилов** Д.Н. 222
- Шильдер** Н.К. 49, 87, 177–178, 182–183, 194, 222
- Ширинский-Шихматов** П.А. 19, 130, 142, 146–147, 150, 155
- Ширинский-Шихматов** С.А. (Шихматов С.А.) 78
- Шишков** А.А. 47, 104, 134
- Шишков** А.С., брат А.С. Шишкова 20, 24, 46, 176
- Шишкова** С.А. 104
- Шлегель** К.В.Ф. фон 45
- Шмид** Е.К. 169, 190–192, 222
- Штер** С.С. 113
- Штерлинг** Б. 28
- Шторх** А.К. 142
- Шульгин** И.И. 155
- Щебальский** П.К. 7, 169, 222
- Щербаков** А.Ю. 189, 222
- Щулепников** М.С. 77
- Эккартсгаузен** К. фон 121
- Энгельгардт** Н.А. 9, 169, 222
- Юнг** Э. 60
- Юнг-Штилинг** И.Г. 93, 133
- Юнгман** Й. 194
- Юрьева** Е.В. 157, 177
- Ягич** И.В. 7, 169, 222
- Язвицкий** Н.И. 77
- Языков** Д.И. 147, 155, 178
- Языков** Н.М. 83, 150, 153, 172, 182, 193, 194, 209
- Яковкин** И.Ф. 127
- Янковский** Ю.З. 10, 74, 170, 180, 222
- Ярослав Мудрый** 69
- Garde** P. 170, 222

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. Карьерное и мировоззренческое становление А.С. Шишкова	24
§ 1. Обучение в Морском кадетском корпусе. Заграничные экспедиции	24
§ 2. Литературная и переводческая деятельность А.С. Шишкова во второй половине царствования Екатерины II ...	38
§ 3. Служба в правление Павла I	49
Глава II. Формирование и развитие патриотической программы А.С. Шишкова в 1801–1814 гг.	57
§ 1. Вице-адмирал в полемике «о старом и новом слоге русского языка». Предтеча славянофилов	57
§ 2. Консолидация патриотических сил. Создание литературного общества «Беседа любителей русского слова»	75
§ 3. Патриотическая риторика государственного секретаря в период Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии	86
Глава III. Деятельность А.С. Шишкова в Государственном совете и Комитете министров	96
§ 1. А.С. Шишков в споре о проекте Гражданского уложения	96
§ 2. Мнение вице-адмирала о крепостном праве	102
§ 3. Оценки А.С. Шишковым положения дел в сфере просвещения	112
Глава IV. Министр народного просвещения и главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий в 1824–1828 гг.	120
§ 1. Преодоление религиозного космополитизма	120
§ 2. Политика адмирала в сфере просвещения	135
§ 3. Цензурная политика, президентство в Российской императорской академии и последние годы жизни А.С. Шишкова	149

Заключение	160
Примечания	169
Библиография	196
Источники	196
Архивные источники	196
Сборники	200
Записки, письма, сочинения и переводы А.С. Шишкова	202
Труды современников А.С. Шишкова	205
Литература	209
Алфавитный указатель имен	223

Научное издание

Александр Евгеньевич Гребенщиков

**«ОТЕЧЕСТВУ ОН БЫЛ ЩИТОМ...»
АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ ШИШКОВ –
ГЛАВНЫЙ РИТОР ВОЙНЫ 1812 г.**

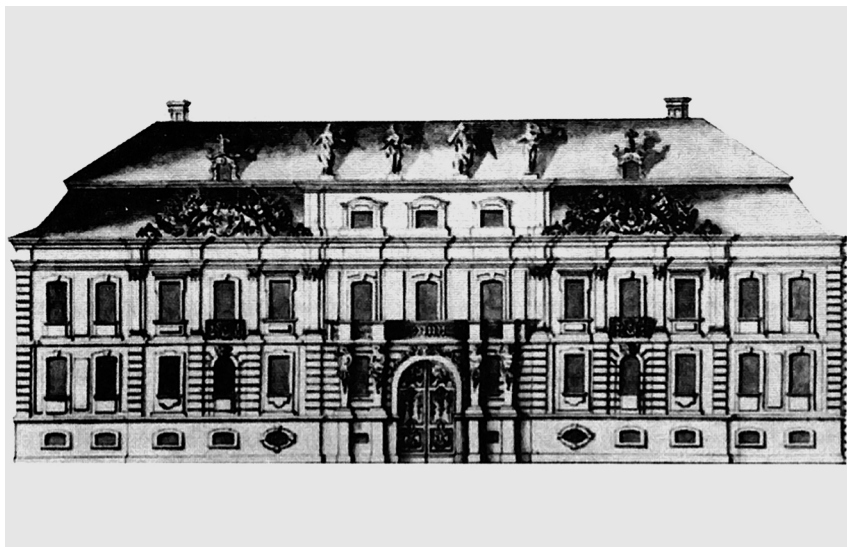
Для обложки использован портрет А.С. Шишкова,
написанный Дж. Доу в 1826–1827 гг.

Редактор *Е.В. Цвеклинская*
Художник *П. Палей*
Корректор *И.Л. Малышева*

Формат 60 × 88 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 14,5.

ФГБУ «Издательство «Наука»
117997, г. Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел.: +7(495)276-77-35, e-mail: info@naukaran.com
<https://naukapublishers.ru>, <https://naukabooks.ru>

Редакция гуманитарной литературы
ФГБУ «Издательство «Наука»
630008, Новосибирск, ул. Тургенева, 167.
rednauka@yandex.ru

Дворец Б.К. Миниха на Васильевском острове.

Ф. С. Рокотов.
Портрет И.Л. Голенищева-Кутузова.
Между 1762 и 1764 гг.

Неизвестный художник. Портрет
А.И. Голенищевой-Кутузовой.
Не ранее 1806 г.

И. К. Айвазовский.
Тонущий корабль. 1854 г.

Антонио Затта. Декоративная карта Европы. Издана в Венеции в 1775 г.

Пиза.

Базилика Святого Антония в Падуе.

Айя-София.

Д. Ходовецкий.
Сражение при Кагуле. 1770 г.

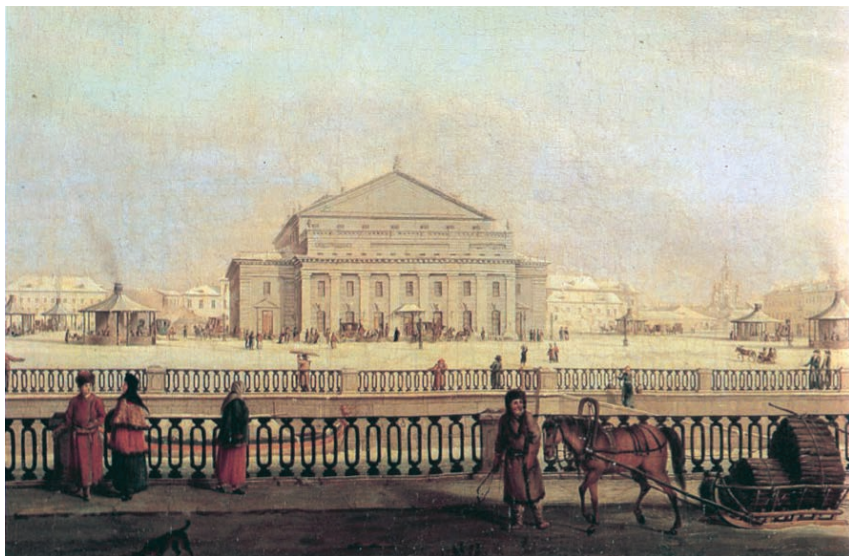
А.Р. де Гаск. Великая княгиня Екатерина Алексеевна
с супругом Петром III Федоровичем. 1756 г.

И. К. Айвазовский. Морское сражение при Выборге
29 июня 1790 г. 1846 г.

Неизвестный художник. Утопление в Нанте.

И. Г. Майр. Большой (Каменный) театр в Санкт-Петербурге
в 1790 г. Фрагмент.

А. Н. Бенуа. Вахтпарад при императоре Павле I. 1907 г.

Неизвестный художник
XIX в. Портрет
графа Г. Г. Кушелева.

И.-Б. Лампи-старший.
Портрет князя
А. А. Безбородко. 1794 г.

Орден Святой Анны 1-й степени.

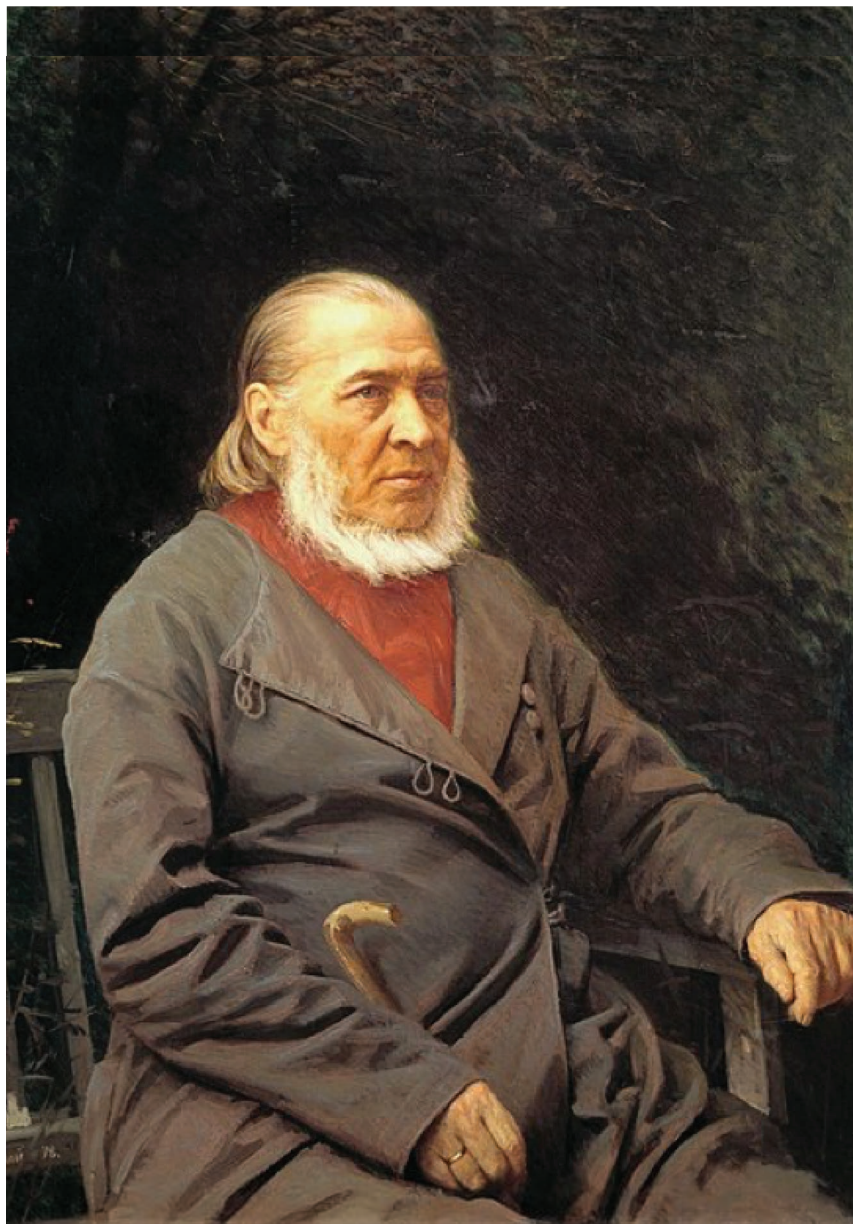
Д. Д.-Б. Ортолани.
Портрет Н. М. Карамзина. 1805 г.

А. С. Хомяков.
Автопортрет. 1842 г.

И. В. Киреевский.

И. Н. Крамской.
Портрет С. Т. Аксакова.
1878 г.

В. Л. Боровиковский.
Портрет графа
А. С. Хвостова. 1801 г.

В. Л. Боровиковский.
Портрет Г. Р. Державина.
1811 г.

К. Брюллов.
Портрет И. А. Крылова.
1839 г.

Неизвестный художник.
Портрет
А. А. Шаховского.

А. Г. Варнек.
Портрет А. П. Буниной.
1823 г.

Неизвестный художник.
Портрет
С. К. Вязмитинова.

В. Л. Боровиковский.
Портрет П. А. Кикина.
1814 г.

Дж. Доу. Портрет
А. А. Писарева.
1825 г.

И. Б. Лампи-старший.
Портрет П. В. Завадовского.
1795 г.

Неизвестный художник.
Портрет И. И. Дмитриева.
1810-е гг.

Зал в доме Г. Р. Державина на Фонтанке.

В. В. Верещагин.
Перед Москвой –
ожидание депутации
бояр. Цикл «1812».
1891–1892 гг.

В. В. Верещагин. Возвращение из Петровского дворца. Цикл «1812». 1895 г.

Джордж Доу. Портрет А. С. Шишкова. 1826–1827 гг.

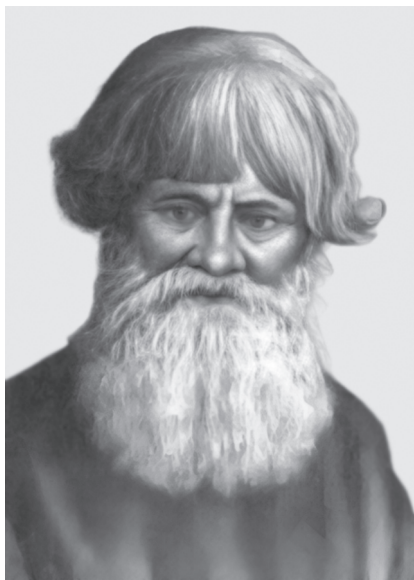

В. А. Тропинин.
Портрет
М.М. Сперанского.
1839 г.

Портрет с литографии Н. Шаде.
Ф.Н. Слепушкин.

А. Г. Варнек.
Портрет адмирала
Н. С. Мордвинова.
1810 г.

Е. И. Алипанов.

Н. Неврев. Торг. Сцена из крепостного быта.
Из недавнего прошлого. 1866 г.

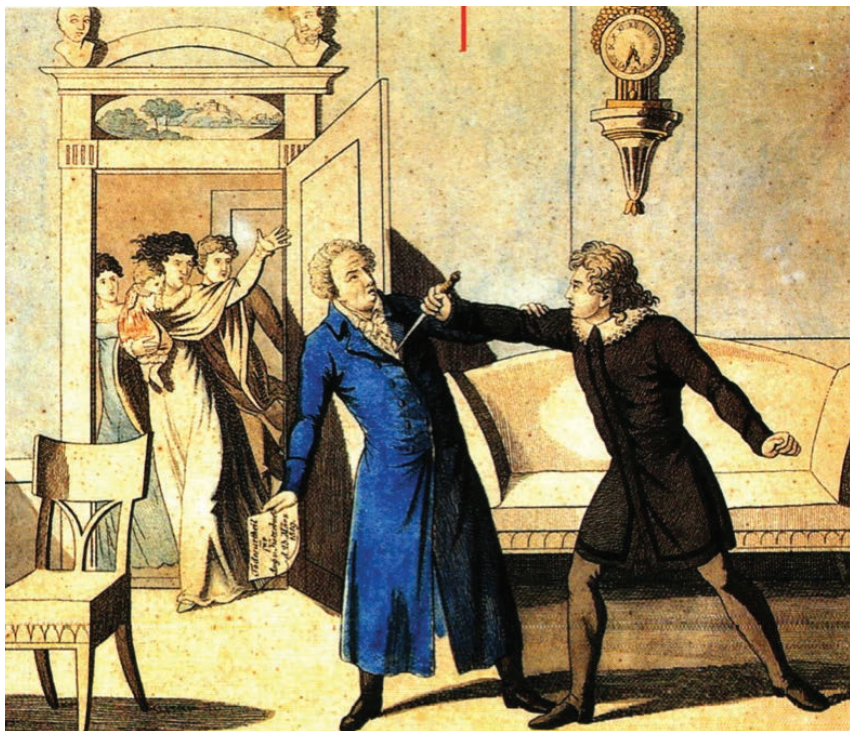
В. Л. Боровиковский. Портрет
П. В. Лопухина. Около 1801 г.

Ф. Крюгер. Портрет
князя В. П. Кочубея. 1832 г.

К. П. Брюллов.
Портрет князя А. Н. Голицына. 1840 г.

Приписывается Дж. М. Вольцу. Занд убивает Коцебу. 1820 г.

М. Л. Магницкий.

Д. П. Рунич.

Епископ Иннокентий (Смирнов).

Дж. Доу Портрет графа А. А. Аракчеева.
1823 г.

В. Л. Боровиковский. Явление Иисуса Христа с Голгофским крестом молящейся Е. Ф. Татариновой. 1810-е гг.

Неизвестный художник.
Портрет митрополита Серафима (Глагольеvского). 1820 г.

Неизвестный художник.
Портрет Архимандрита Фотия (Спасского). 1820-е гг.

К. И. Кольман. Восстание на Сенатской площади
14 декабря 1825 года. 1830-е. гг.

Неизвестный художник.
Портрет
П. А. Ширинского-
Шихматова. 1840 г.

Ф. Ткадлик.
Портрет Й. Добровского.

В. Караджич.

П. Й. Шафарик.

Ф. Л. Челаковский.

В. Ганка.